

ЮРИЙ МАМЛЕЕВ

СТАТЬИ И ИНТЕРВЬЮ

Юрий Витальевич Мамлеев

СТАТЬИ И ИНТЕРВЬЮ

2019

УДК 82
ББК 84(2)6
М 22

Юрий Витальевич Мамлеев

СТАТЬИ И ИНТЕРВЬЮ

СБОРНИК

М.: Издательская группа Традиция, 2019. – 298 с.

ISBN 978-5-9909614-6-3

Юрий Витальевич Мамлеев (1931–2015) — классик современной русской литературы, основоположник жанра «метафизический реализм», писатель, поэт, философ.

В настоящий сборник вошли статьи и интервью Юрия Мамлеева, охватывающие период с 1970-х годов и до самых последних дней. Ряд из материалов публиковался в свое время в таких изданиях, как «Новое русское слово», «Русская мысль», «Вопросы философии», «Литературная газета» и других.

Сборник дает прекрасную панораму мысли и безусловно способствует более глубокому прочтению художественных и философских произведений Юрия Мамлеева, расширению понимания русской и мировой культуры и лучшему предвидению возможного будущего России. Кроме того, Юрий Витальевич дает некоторые практические советы.

Книга «Статьи и интервью» продолжает «мамлеевскую» серию издательской группы «Традиция».

БОЛЬШОЕ СПАСИБО ЗА ПОМОЩЬ

Марии Мамлеевой
Илье Егармину

© Юрий Витальевич Мамлеев
© Издательская группа "Традиция"

СОДЕРЖАНИЕ

«КОТЛОВАН» ПЛАТОНОВА	5
СКАЗКА КАК РЕАЛЬНОСТЬ	9
КАФКА И СИТУАЦИЯ СОВРЕМЕННОГО МИРА	13
«САМОПОЗНАНИЕ» НИКОЛАЯ БЕРДЯЕВА	18
В ПОИСКАХ РОССИИ	23
ТЕНЬ ЛЮЦИФЕРОВА КРЫЛА	33
РОССИЯ МЕЖДУ ВОСТОКОМ И ЗАПАДОМ	44
ДУХОВНОЕ ПАДЕНИЕ НЕЛЬЗЯ ОСТАНОВИТЬ НЕВЕДЕНИЕМ И ЗАПРЕТАМИ	53
СУДЬБА БЫТИЯ — ПУТЬ К ФИЛОСОФИИ	58
ЛЮДИ ЗАДАЮТ СЕБЕ НЕВЕРОЯТНЫЕ ВОПРОСЫ...	74
МОИ ГЕРОИ ЗАДАЮТСЯ ВОПРОСАМИ, НА КОТОРЫЕ РАЗУМ НЕ В СОСТОЯНИИ ОТВЕТИТЬ	79
У РОКОВОЙ ЧЕРТЫ. О ПАТРИОТИЗМЕ И СУДЬБЕ РОССИИ	88
РОЗАНОВ СЕГОДНЯ	93
ТОЛСТОЙ И БОГ	97
ТОЛСТОЙ И ЭПОХА «ПРОСВЕЩЕНИЯ»	109
СТАТЬЯ О РОССИИ ВЕЧНОЙ К ЛЕКЦИИ В МГУ	118
РУССКАЯ КЛАССИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА КАК МЕТАФИЗИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ	139
МЕТАФИЗИЧЕСКИЙ ОБРАЗ РОССИИ (эссе)	145
НОВАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ	191
Я ПРЕДСТАВИЛ ОБРАЗ ЕДИНЕНИЯ С БОГОМ	206
ПРИГЛАШЕНИЕ НА КАЗНЬ	209
ПОИСКИ ПРОТИВОВАДИЯ	213
РОССИЯ. КЛЮЧИ К БУДУЩЕМУ	216
ВЕЛИКАЯ ДУХОВНАЯ РЕКА — РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА	226
РОССИЯ ЖИВА ВОПРЕКИ ВСЕМУ...	236
О «РОССИИ ВЕЧНОЙ»	252
ЧТО В РОССИИ ВЕЧНОГО?	266
ПОЧЕМУ РОССИЯ ВЕЧНА?	272
ЮРИЙ МАМЛЕЕВ О СВОЕЙ ЖИЗНИ	278
ДУХОВНАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ БЕССМЕРТИЯ	284
СУДЬБА БЫТИЯ И СМЫСЛ ТВОРЕНИЯ	294

ЮРИЙ ВИТАЛЬЕВИЧ МАМЛЕЕВ

Фото Евгении Давыдовой. 9 апреля 2013 года

«КОТЛОВАН» ПЛАТОНОВА

«Новое русское слово», 1976

Андрей Платонов — один из наиболее выдающихся послереволюционных русских писателей, то есть таких писателей, творчество которых целиком относилось к послереволюционной эпохе, в отличие, скажем, от Бунина, который стал крупным писателем еще до революции, а после революции лишь продолжал и развивал свое творчество. По своему воздействию на интеллектуальные круги современной России Платонова можно сравнить, пожалуй, только с двумя писателями того же времени — Михаилом Булгаковым и Владимиром Набоковым. Оба уже получили заслуженное мировое признание. Платонова лишь недавно начали переводить, причем он весьма сложен для перевода в силу необычности языка.

Одно из лучших его произведений — повесть «Котлован». В ней, как известно, изображается момент строительства социализма во времена коллективизации: рабочая артель, живя в бараках, роет котлован для фундамента огромного дома, в который переселятся обитатели идущих на слом небольших частных домов. Рабочая артель — это ячейка будущего социализма; параллельно происходит ликвидация несогласных единоличников: цель — тотальное обобществление, рай для бедняков...

Таким образом, речь идет об утопии. Однако утопии бывают разные, и не только социальные. Особенность Платонова состоит в том, что под маской повести о социальной утопии кроется произведение, далеко выходящее за пределы этой темы. Речь идет тоже об утопии, но более высокого плана, которая преследует более высокие цели. Социальная же сторона изображена у него скорее как фон, как поверхность, а в глу-

бине происходит общечеловеческая экзистенциальная трагедия. Суть состоит в том, что на каком-то уровне социальная утопия превращается в экзистенциальную, то есть в ней, например, говорится о возможности достижения счастья, как некой качественно новой ступени внутреннего человеческого бытия. Счастье в утопии выступает не как ситуация удовлетворения всех банальных потребностей человека, а именно как достижение иной, высшей ступени бытия, доселе еще неизвестной людям.

«Через десять или двадцать лет другой инженер построит в середине мира башню, куда пойдут на вечное счастливое поселение трудящиеся всей земли... Какое тогда будет тело у юности и от какой волнующей силы начнет биться сердце и думать ум?»

Одно дело обещать людям справедливое социальное устройство, сытость, отсутствие эксплуатации, но совершенно иное — внести в это некий мистический элемент, обещав, что при таком устройстве люди вдруг станут ощущать себя уже по-иному, взойдут на другую ступень бытия, будут непременно счастливы каким-нибудь особенным образом, хотя из опыта известно, что просто хорошая, социально обеспеченная жизнь вовсе не является гарантом какого-то необыкновенного счастья. Но именно это новое состояние и ищут герои повести. Они тоскуют не просто по социализму как хорошему, благоустроенному обществу, нет, им кажется, что, построив социализм, они обретут «рай», то есть какое-то высшее состояние бытия, раскрывающее смысл всей жизни. Они не представляют себе, что это такое, только смутно ощущают это: «Вощеву грустно стало, что зверь так трудится, будто чует смысл жизни вблизи, а он стоит на покое и не пробивается в дверь будущего: может быть, там действительно что-нибудь есть». Но тем не менее именно искание непонятого «рая» и придает их усилиям такую напряженность.

Каким же путем они думают его достигнуть?

Трагизм их ситуации как раз и заключается в том, что их путь в смысле достижения такой цели абсолютно нелеп: они считают, что, построив общий дом, завершив обобществление, уничтожив одиночников, они станут обладать этим состоянием просто потому, что социализм будет построен. Действительно, если «рай», «счастье» предполагают достижение качественно иной ступени бытия, то, естественно, эта ступень не может быть достигнута за счет совершения каких-либо внешних действий, будь то построение социализма или какой-нибудь другой вариант. Известно, что любое преобразование внутреннего человеческого бытия возможно путем действия внутри самой души человека; что достижение

каких-либо сдвигов в этом отношении не только невозможно за счет социальных действий, но и вообще такое преобразование относится к одной из наиболее тайных, сакральных сфер чисто духовного действия и возможно на основе традиции, школы, духовного опыта и контакта со скрытыми силами. Ни о чем подобном не может быть и речи здесь. Все чудо скорее состоит в том, что среди этих простых людей возможна эта тоска о рае. Этим герои Платонова превращаются в весьма необычные и относительно высокие существа; очевидно, что они — не средние, банальные люди, в них обнажился глубинный пласт человеческого бытия, жаждущий своего преобразования. Именно поэтому повесть сразу из социально-исторического плана переходит в более глубокий, онтологический.

Как мыслится это достижение «рая»? Пути два: один — работа (строительство социализма). Труд, которым занимаются эти строители «рая», поистине неистов. Даже ради спасения собственной жизни не трудятся так фанатично. Тем более страшно, что этот путь не может привести их к цели. Некоторые из них сами сомневаются в возможности добыть свое необычное счастье таким простым путем. «Дом человек построит, а сам расстроится. Кто жить тогда будет? — сомневался Вошев на ходу».

Второй путь достижения блага — уничтожение единоличников, кулаков, буржуев, то есть «бесов». Воистину, отношение героев к кулакам равносильно здесь отношению старого крестьянина к нечистой силе. В их воображении буржуи — это некие демоны, одним своим существованием несущие зло в обездоленный мир. Даже к самим себе они беспощадны: «Это монархизму люди без разбору требовались для войны, а нам только один класс дорог — да и мы класс свой будем скоро чистить от несознательного элемента.

— От сволочи, — с легкостью догадывалась девочка, — тогда будут только самые-самые главные люди! Моя мама себя тоже сволочью называла, что жила, а теперь умерла и хорошая стала — правда ведь?»

Какой же может быть исход этой трагической жизни, если «рай» недостижим?

Поскольку эта утопия включает в себя слишком идеалистические цели (построение невероятного счастья), а методы находятся в противоречии с целью, то крах утопии такого рода неизбежен. И герои Платонова под конец осознают это, оправдывая неудачу неким первородным уродством в человеке, в силу чего он не может подняться на более высокую ступень бытия. Вот сцена после жуткой смерти девочки: «— Не могу, Никит, я теперь ни во что не верю! — ответил Жачев в это утро второго дня.

— Почему, стервец?

— Ты же видишь, что я урод империализма, а коммунизм — это детское дело, за то я и Настю любил...»

Не важно, в какие названия облакаются уродство и недостижимый идеал, важно, что любая утопия может быть источником небывалой энергии и подъема до тех пор, пока не становится очевидным, что она — всего лишь мираж. Тогда появляется необходимость в новой утопии. ■

СКАЗКА КАК РЕАЛЬНОСТЬ

«Русская мысль», май 1979

Каждый, пожалуй, согласится, что символ и миф каким-то образом «отражают» скрытую реальность, часто более значительную, чем чисто поверхностная. И в этом смысле сказка, как форма народной мифологии и символизма, действительно скрывает за собой глубокую реальность — с этим согласны все. Весь вопрос в том — какую реальность? Например, всем известно, что греческая мифология аллегорически пыталась изображать определенные принципы греческой метафизики, но проникнуть в эту сферу, сделать прыжок от символа к чистой реальности не так-то просто.

Попробуем подойти к сказке с другой стороны. Сейчас ряд модернистских писателей Запада увлечен народной мифологией в том смысле, что они находят там богатый материал для чисто модернистской, скажем сюрреалистической, прозы. Например, бретонские сказки появляются уже в несколько обработанном виде — и получается что-то вроде «фантастической прозы» (под углом зрения современного человека). Нет нужды говорить, что такой подход может быть интересным для писателя. Но при этом существует определенная опасность слишком «модернизировать» старинные легенды, превратив их в нечто подобное прозе современного фантастического реализма. Между тем основной материал сказок как раз не носит фантастического характера; он кажется «фантастическим» только на уровне одной определенной ментальности: ментальности нашей урбанистической цивилизации XIX–XX веков. Действительно, основное место в сказках занимает описание сверхъестественных (или, как сейчас говорят, «сверхчувственных») феноменов, а существование этих феноменов является фактом, а не «выдумкой». Конечно, некоторые из этих феноменов более или менее трансформируются народным

воображением, но, во-первых, далеко не все, во-вторых, эти искажения или преувеличения не меняют сути.

Чтобы быть более определенными, рассмотрим, каково отношение современной науки к существованию так называемых сверхъестественных явлений. Известно, что целые институты занимаются такого рода исследованиями. Какой же они делают вывод? Сначала только укажем, что исследования касаются очень широкого круга явлений: от телепатии до возможности предсказания будущего. Напомню, как часто в сказках встречаются ситуации, связанные с предсказанием будущей судьбы. Итак, что же установила наука?

Прежде всего, она установила несомненные факты существования таких явлений (так сказать, проверила их в условиях лабораторных экспериментов). И, наконец, ученые пришли к выводу, что эти явления не могут быть предметом научного исследования вообще, они находятся как бы вне науки и для науки не существуют. В чем же причина такого парадокса? Ответ очень прост: объектом научного исследования могут быть только те явления, которые обладают свойством «повторяемости», то есть они всегда возникают, повторяются, если создать одинаковые, необходимые для них условия. Например, электрический заряд всегда возникает при определенных условиях и не может не возникнуть, если эти условия повторить. Но таким свойством «сверхъестественные явления» не обладают: опыт с телепатией или ясновидением, например, может быть удачен сегодня и при тех же условиях и с тем же человеком абсолютно неудачен завтра. Ученых это очень раздражает, и они отказываются принимать «всерьез» явления, которые то возникают, то исчезают. Между тем их негативизм направлен не против факта существования сверхъестественных феноменов, отрицать который невозможно, а против особого характера, особого способа их проявления. Однако в этом способе нет ничего необычного: возьмите поэта (хотя сравнение не совсем корректное) и сделайте с ним такой же опыт, какой ученые проводят над ясновидящим. Результат будет тот же самый: неповторяемость. Один раз поэт напишет великолепное стихотворение, другой — более или менее заурядное. Третий раз — может, вообще ничего не получится. В этом случае ученые тоже скажут, что поэзия не может являться предметом научного исследования, но это не значит, что она не существует. Налицо просто разница между природой и надприродными духовными явлениями, которые принадлежат уже к другой реальности, где методы науки неприменимы.

Однако подтверждение наукой фактов сверхъестественных явлений имеет значение в том смысле, что большинство современных людей слепо верит в науку как в абсолютное средство познания реальности и относятся к ней как к непререкаемому авторитету. Хотелось бы, чтобы даже такие люди осознали, что большинство явлений, описываемых в так называемых сказках, есть не что иное, как простые факты.

Таким образом, сказка, по существу, — эквивалент реалистической прозы в гораздо большей степени, чем обычно думают. Как правило, в сказке мы видим три слоя. Один — чисто реалистический, в котором описаны сверхъестественные явления. Причем включая, конечно, и гораздо более сложные, чем те, которые пытается сейчас изучать современная наука. Второй слой — действительно символический, в котором дается намек на уже чисто метафизическую, умопостигаемую духовную сферу, которая лежит за пределами всякой феноменологии, равно как и за пределами ординарного человеческого сознания. И только лишь небольшой третий слой (присутствующий, кстати, далеко не во всех случаях) — различные искажения, преувеличения по поводу реальных сверхъестественных явлений.

С моей точки зрения, сказка является хорошим источником для писателя-модерниста, особенно если он интересуется проникновением в сверхчувственные оккультные феномены. Однако наиболее высоким примером усилий в этом отношении является так называемое мифотворчество, то есть создание собственных «сказок». В этом случае сказка может стать одним из образцов метафизического реализма. Однако для этого она обязательно должна иметь упомянутый мной второй слой (и совсем не обязательно третий), ибо описание одних только сверхъестественных явлений, какими бы ни казались они необычными обыденному сознанию, на самом деле не имеет ничего общего с чистой метафизикой. Ибо эта сфера лежит по ту сторону всех явлений, как сверхъестественных, так и естественных, познается Высшим Интеллектом, который мало имеет отношения к обычному человеческому разуму, в литературе же чаще всего может выражаться с помощью эзотерического интуитивного символизма.

Возможны, конечно и попытки прямого изображения чисто духовных сфер, вспомним, например, дантовский Рай, где поэтизируется встреча человеческого ума с Логосом. Однако существует предел возможностей языка, и даже Данте сомневался в своей способности «описать» Рай. При всей божественности языка как дара свыше следует все-

таки «вспомнить» (уже в платоновском смысле), что высшие духовные состояния означают разрушение тех обычных человеческих умственных способностей, к которым человек привык, но которые в действительности связаны всего лишь с его пребыванием в специфических земных условиях. Более того, они (эти состояния) в своих крайних моментах означают также вхождение в реальность абсолютно неопишемую и непередаваемую. Очевидно поэтому, на человеческом языке Бог наиболее глубоко «описан» в отрицательном богословии — язык здесь может использоваться только негативно, но и этот «негативизм» говорит все-таки о парадоксальных, но позитивных возможностях языка. ■

КАФКА И СИТУАЦИЯ СОВРЕМЕННОГО МИРА

«Русская мысль», 4 августа 1983

Ф

ранц Кафка, наряду с Джойсом, Прустом, Музилом и некоторыми другими писателями, считается, и не без оснований, одним из отцов современной модернистской мировой прозы. К этому литературному движению принадлежат виднейшие писатели нашего времени,

причем столь разные: от Набокова и Ремизова до Музиля и Беккета. Сюда же, по признанию западного литературоведения, следует отнести еще и Андрея Белого: этот великий писатель предвосхитил многое в новейшей литературе.

Интерес к писателю увеличивается еще тем, что, говоря о Кафке, мы неизбежно имеем в виду не только определенное направление внутри модернизма, но и целое течение европейского умонастроения XX века, появление которого было, видимо, неотвратимо, и представителем которого являлся Кафка, наряду с другими блестящими писателями и мыслителями: от экзистенциалистов до создателей прозы и театра абсурда. Умонастроение это носит в себе явные черты пессимизма, отчаяния и ощущения тупика жизни. Наша задача — увидеть корни такого пессимизма. Надо только оговориться, что далеко не весь модернизм был связан с таким мироощущением. Некоторые другие направления в модернизме лишены этих черт (вспомним, например, таких великих его представителей, как Йейтс, Эллиот, Хлебников).

За свою уединенную жизнь Кафка написал три романа («Америка», «Замок», «Процесс») и много рассказов. Произведения Кафки чаще всего показывают героев с обыкновенным сознанием, живущих обыкновенной жизнью, но в эту жизнь неожиданно врывается нечто, стоящее как бы вне этого мира или над ним и полностью разрушающее нор-

мальный ход жизни персонажей. Герой рассказа «Превращение», Грегор, обнаруживает, что превратился в насекомое (его сознание не изменилось при этом). Грегор, однако, не может выразить своего ужаса и обречен на безмолвную изоляцию: окружающие воспринимают его как насекомое, и он приговорен, таким образом, к исчезновению. В романе «Процесс» Йозеф К. тщетно пытается понять, за что, за какую вину он арестован, и гибнет в попытке выйти из бюрократической паутины, которая принимает сверхъестественный характер и представляет некий мистический закон, поставленный над обычной жизнью. В «Замке» герой попадает в замок, где обитают существа, наделенные высшим авторитетом и высшими знаниями. Герой хочет найти у них подтверждение правильности (или неправильности) своего жизненного пути. Но «существа» оказываются почти вне поля зрения смертного человека, непредсказуемыми в своем поведении, их реплики непонятны, и роман заканчивается пессимистически: герой не достигает своей цели, ключи к пониманию себя и своего места в жизни потеряны. Ощущение присутствия в нашем мире сверхъестественной силы и власти особенно глубоко в этом романе.

В рассказе «Приговор» Россия с ее пространствами являет собой образ непостижимого.

Нетрудно догадаться, как были интерпретированы такие произведения западной критикой. Наиболее примитивными, однако, кажутся психоаналитические и социологические интерпретации, так как они были односторонни и часто основывались на произвольных обобщениях и сомнительных ассоциациях...

Наиболее глубока была критика чисто литературная или базирующаяся на философской — в частности, экзистенциалистской — интерпретации (надо учитывать только, что сам Кафка никогда не давал в тексте своих произведений каких-либо объяснений кошмарным ситуациям, которые он описывал). В его творчестве такая критика видела битву против неизвестной, всемогущей силы, контролирующей всю жизнь (благодаря таинственности этой силы страницы творений Кафки пронизаны атмосферой страха, неопределенности и самомучительства). Его герои безнадежно пытаются использовать логику, чтобы понять эту силу, источник которой, видимо, вне рациональных построений и человеческих возможностей. Отсюда возникает чувство беспомощности, паралича и покорности высшему и непонятному Закону. Борьба с мистической и всеподавляющей силой заканчивается поражением.

Влияние Кафки на современную литературу было огромным — достаточно назвать имена Дюрренматта, Сартра, Камю, Беккета, Роб-Грийе. Сказалось оно также в распространенном ощущении абсурда жизни. Этот абсурд был окончательным, последним словом о жизни, которая понималась как тупик (вспомним Сартра).

На мой взгляд, однако, трагедию Кафки лучше всего понять, если посмотреть на нее с другой точки зрения и с иной точки отсчета (более древней). Для этого проведем аналогию с платоновой пещерой (как известно, пещера у Платона символизировала наш физический мир, где живут люди, а возникающие тени у пещеры — проекция высших сверхчувственных миров: «боги — призраки у тьмы», как писал гениальный Хлебников). Действительно, таинственная, всемогущая сила, с которой борются герои Кафки, вполне воспринимается как сила, связанная со сверхчувственными, сверхъестественными мирами (особенно это очевидно, как отмечала литературная критика, в романе «Замок»), и проявляется в этой жизни парадоксальным для человеческого ума образом (кстати, отметим нашу самую элементарную зависимость от этих сил: мы не вольны ни в выборе времени и места своего появления на свет, ни в дне своей смерти; высший смысл нашей жизни здесь — как бы скрыт от нас; удары судьбы часто необъяснимы и противоречат логике и даже нашему чувству справедливости, смысл смерти во многом закрыт для нас и т. д.).

В чем же заключается тогда проблема? Дело в том, что в «наше» время, то есть в современную эпоху, «тени» у пещеры давно превратились для нас или в монстров, или (что гораздо чаще) — исчезли вообще. Иными словами, почти полностью утрачена связь с окружающей физической миром сверхчувственной реальностью; наступил век тотального агностицизма, и человек оказался не в состоянии понять (и увидеть) хотя бы тень того, что находится за пределами физического мира. При этом, разумеется, некоторые современные люди интуитивно продолжали чувствовать, что этот мир — не единственный и что за пределами наших ограниченных ощущений, за сценой этого мира, стоят более тонкие стихии и смыслы, воздействие которых все-таки ощутимо и даже неотвратимо. Но так как «тени» тех миров, точнее, их смысл, был уже утерян — естественно, сама жизнь в пещере (то есть физическом мире) стала ощущаться как абсурд, и характер воздействия сил за сценой стал совершенно непонятен. Таким образом, говоря более просто, ситуация героев Кафки — это фактически ситуация духовного тупика XX века с его торжеством агностицизма и атеизма, то есть с признанием бессилия человека понять высшие миры.

Положение это, как видно, в значительной степени является перевернутой вверх дном метафизической ситуацией древних. Действительно, в силу определенных, известных в эзотеризме, но почти неведомых для современного человечества законов происходит прогрессирующая материализация мира (кстати, предсказанная), при которой связь с причинной, более высокой реальностью почти обрывается. В древности — например, в Индии, в античном мире — ситуация была обратная: связь с «невидимой» реальностью осуществлялась разными путями, рассмотрение которых, конечно, выходит за рамки этой статьи. Поэтому в высшем гнозисе можно видеть одну из истинных альтернатив кафкианской безнадежности.

Трагедия героев Кафки в том, что они, не обладая этими возможностями, пытались понять с помощью логики и человеческих представлений то, что надприродно и лежит за пределами такого убогого инструмента познания, как логика, годного только для нашего среза реальности. Совершенно ясно, что их усилия должны были кончиться катастрофически и привести их к ощущению абсурда мироздания.

Социологическая критика произведений Кафки чаще подчеркивала, что в его творчестве отражены социальные тупики и ужасы XX века, упуская, что его виденье было гораздо глубже и касалось противоречия между человеком и метафизическими силами, находящимися за сценой видимого мира. Но Кафка действительно отразил ситуацию XX века — и метафизическую с ее безысходным агностицизмом, но ощущением присутствия скрытых и неизвестных сил, и социальную, ибо в ней до некоторой степени отразилась и первая, с ее ощущением тупика. Кафка великолепно передал эту вибрацию ужаса, охватившего человечество в XX веке, когда страх стал чуть ли не основной движущей силой людей. Поэтому он — глубоко современный писатель.

Его часто упрекали и упрекают до сих пор — в пессимизме. Критика отмечала, например, что роман «Процесс» заканчивается убеждением, что самоубийство — единственный вариант конца человеческой жизни, который может понравиться Богу. Но, я считаю, упрек явно направлен не по адресу: его следовало бы отнести к нашему веку, за который писатели и поэты не отвечают.

Мироощущение Кафки было в значительной степени детерминировано нашей эпохой, но в этом же была и его сила. Ему трудно было вырваться за пределы ледяного дыхания времени, но зато это позволило ему с большой точностью отразить кошмары и кризисы нашего века...

Я не касаюсь здесь проблемы (о которой тоже много писали) личности Кафки и его попыток выйти из экзистенциальных тупиков — я думаю, что о писателе надо судить только по его произведениям, предоставив понимание его личности в целом другим «инстанциям». Поэтому нам должно говорить не столько о Кафке, сколько о его героях.

Их трагедия — в невозможности выйти за пределы узкочеловеческого, пределы эмпиризма и рационализма, но в то же время их сила — в их способности «принять» и «почувствовать» присутствие «сверхъестественного» начала в нашей жизни, что далеко не каждому сейчас дано. Но за это «чувство» и «принятие» им пришлось дорого заплатить. Вот уж воистину верно замечание, что любое, даже самое слабое, теневое знание потустороннего (или «столкновение» с ним) может быть открыто только тем, кто способен его понять и выдержать (выдержать «взгляд Сфинкса», метафорически выражаясь), иначе это раздавит неподготовленных.

Кафка запечатлел трагедию нашего времени: он был прежде всего писатель, ведомый своей художественной интуицией, в проявлениях которой художник даже часто не бывает волен, в этом призвании своем он был абсолютно искренен и имел мужество идти до конца. ■

«САМОПОЗНАНИЕ» НИКОЛАЯ БЕРДЯЕВА

«Русская мысль», 2 июня 1983

Первый том собрания сочинений Н. Бердяева — поздняя автобиография философа — «Самопознание». Это приобретает тем большее значение, что для Бердяева философия всегда была делом личного опыта.

ФОРМИРОВАНИЕ

«Самопознание» открывается экскурсом в далекое прошлое, в отроческие и юношеские годы мыслителя, в то время, когда формируется личность каждого человека. Бердяев довольно подробно говорит о себе в этих главах. Его тон — несколько отчужденный, как и полагается истинному философу, и он чуть отстраненнее описывает свои личные недостатки и достоинства: философское «я» Бердяева всегда стоит над его личным «я». Таким образом, все, что входит в человеческий опыт, перерабатывается философским «я», и опыт становится частью умопостигаемой реальности.

Своей основной «грех» Бердяев видит в том, что он «не хотел просветленно нести тяготу этой обыденности, то есть мира». Тривиальная жизнь казалась ему уродливой и бессмысленной. «Думаю, что моя нелюбовь к так называемой жизни имеет не физиологические, а духовные причины, даже не душевные, а именно духовные», — пишет он. От этой «жизни» он стал рано уходить в жизнь духа, и философия стала его потребностью. Он был, следовательно, философом по призванию. Что касается его вышеупомянутого «греха», то это свойство практически всех людей духа.

Бердяев, конечно, мечтал о «просветлении» обыденной жизни, но в реальности сделать это было гораздо труднее, чем просто уйти

от «жизни» в высшие сферы, ибо такое «просветление» означало бы «преображение» жизни. Видимо, Бердяев считал «грехом» уход от нашего порочного, греховного и примитивного мира, ибо такой мир воистину нуждается в просветлении, а бегство из него выглядит, может быть, и правильным, но чересчур «эгоистичным» путем. И Бердяев обвинял себя в этом.

Параллельно Бердяев, тоже в начале книги, делает ряд глубоких замечаний, вполне совпадающих с традиционным, древним, метафизическим представлением о человеке. «Человек — микрокосм и заключает в себе все... Человек есть также существо многоэтажное». Последнее замечание касается, следовательно, того, что строение человека иерархично, то есть в нем сосуществуют различные «я», от высшего, связанного с Богом, до самых примитивных и простейших. Отсюда уже недалеко до следующего вывода, который делает Бердяев о человеке: «Человек есть существо противоречивое. Это глубже в человеке, чем кажущееся отсутствие противоречий». И далее: «У каждого человека, кроме позитива, есть и свой негатив. Моим негативом был Ставрогин. Меня часто в молодости называли Ставрогиным, и соблазн был в том, что это мне нравилось... Во мне было что-то ставрогинское, но я преодолел это в себе. Впоследствии я написал статью о Ставрогине, в которой отразилось мое интимное отношение к его образу. Статья вызвала негодование».

ИСТОКИ

Далее Бердяев переходит к тем своим переживаниям, которые носят общий экзистенциальный характер: «Тема одиночества — основная. Обратная сторона ее есть тема общения. Чуждость и общность — вот главное в человеческом существовании, вокруг этого вращается и вся религиозная жизнь человека». Бердяев подчеркивает: «Я никогда не чувствовал себя частью объективного мира...»

Несомненно, это переживание было одним из истоков его будущей персоналистской философии, в которой свобода ценится выше, чем бытие и «личность» выше, чем «род». И здесь Бердяев объясняет те свои личные качества, которые способствовали становлению его как философа свободы и творчества. «Возникновение тоски есть уже спасение... Многие любят говорить, что они влюблены в жизнь. Я никогда не мог этого сказать, я говорил себе, что влюблен в творчество, в твор-

ческий экстаз. Конечность жизни вызывает тоскливое чувство. Интересен лишь человек, в котором есть прорыв в бесконечность. Я всегда бежал от конечности жизни».

Драма и несчастье человека, таким образом, видится Бердяеву в противоречии между бесконечным и конечным началами в нас. Это, надо сказать, тоже традиционный и классический подход, который, пожалуй, ярче всего был выражен в формуле, что лучше быть несчастным человеком, чем счастливым животным. Бердяев не упоминает в своей книге этого известного выражения, однако оно достаточно глубоко и имеет «многоэтажный» (пользуясь словом Бердяева) смысл: любое конечное земное счастье (или несчастье) — ничто пред потенциальной бесконечностью человеческого духа и возможностями будущей жизни. Бердяев, несомненно, был бы согласен с таким заключением.

УЧЕНИЕ

Далее он переходит к ключевому моменту своей философии — теме свободы. Он пишет: «Я объявлял восстание против всякой ортодоксии... когда она имела дерзость ограничивать или истреблять мою свободу. Так всегда было, так всегда будет. Я даже склонен думать, что этого рода ортодоксия никакого отношения к истине не имеет и истину ненавидит. Самые большие фальсификации истины совершались ортодоксиями».

Хотя под «ортодоксиями» Бердяев имел в виду широкий спектр учений (часто мирских), претендующих на понимание абсолютной истины, такие высказывания вызывали критику, и они, конечно, могут быть подвержены критике. Например, любая религиозная ортодоксия в своем первоначальном становлении в мире была результатом свободы выбора людей, ее принявших, и лишь впоследствии — на определенном уровне — ее принятие являлось следствием воздействия высшего авторитета. Другое дело, что в любой такой ортодоксии воспринимающим и «перерабатывающим» началом является уже человеческий разум (а не Божественный, который дает лишь первые «импульсы»), и, следовательно, здесь уже возможна определенная ограниченность (а впоследствии и «окаменелость»), которую можно преодолеть путем обращения к свободе духа, и здесь Бердяев, несомненно, прав. Но для того чтобы преодолеть эту «ограниченность», надо быть по крайней мере на уровне понимания исходной ортодоксии, первоначального Божественного импульса, иначе «критика» будет выглядеть достаточно однобоко.

После описания своих личных и философских качеств Бердяев переходит к рассказу о встречах с разного рода людьми и к их характеристике. Весьма спорна, однако, его характеристика Андрея Белого — хотя, видимо, Бердяев, правда с оговорками, признает то, с чем согласна мировая современная литературная критика, видящая в Белом одного из величайших прозаиков XX века. Впрочем, «спорность» этой характеристики вытекает из сложности и «неуловимости» характера Андрея Белого: по существу, Бердяев просто излагает свои впечатления.

Более глубоко, на мой взгляд, описания встреч автора с народно-мистической Россией, которые он относит к лучшим моментам своей жизни. Очень точно сказано о сути сектантства: «В секте бессмертников, как и во всех сектах, была несомненная и важная истина, но взятая в исключительности и оторванности от других сторон истины, от полноты истины».

Упоминает он и о влиянии Якоба Бёме: «Я заметил, что Бёме у нас с начала XIX века просочился в народную среду. Его даже в народе считали святым. У меня было исключительное почитание Бёме, и мне было интересно его влияние».

По поводу же своего интереса к «правдоискательству» Бердяев замечает, говоря о секте бессмертников: «Русская народная религиозная мысль глубоко задумалась над проблемой смерти». Он пишет о высоком уровне своих бесед в этой среде, об их мистической напряженности, сложной и углубленной религиозной мысли, страстном искании правды.

Последние главы посвящены обзору философии автора, как она сложилась уже к концу его жизни. Свою окончательную философию Бердяев определяет не только как философию свободы, но и как активно-творческий эсхатологизм. Под последним Бердяев понимает творческое отношение к Апокалипсису, и поэтому ему в чем-то близок Н. Федоров. Он пишет: «Гениально у Н. Федорова то, что он, может быть, первый сделал опыт активного понимания Апокалипсиса и признал, что конец мира зависит и от активности человека. Апокалиптические пророчества условны, а не фатальны, и человечество, вступив на путь христианского «общего дела», может избежать разрушения мира, Страшного суда...»

В связи с таким признанием принципа свободы воли стоит и бердяевская философия познания, которая привела его к идее «объективации». Кстати, эта идея также вполне традиционна (ее истоки лежат в индустской метафизике) и в то же время достаточно научна с современной точки зрения. Речь здесь идет о том, что «объективной реальности не существует, это лишь иллюзия сознания, существует лишь объективация

реальности, порожденная известной направленностью духа». Практически это означает, что «объективный мир» не есть нечто раз и навсегда данное, незыблемое, прочное, а он изменяется в зависимости от активности сознания. «Объект есть порождение субъекта», — пишет Бердяев.

СВОБОДА И ДУХ

В основе мира, таким образом, лежат свобода и дух, которые меняют так называемый объективный мир, от них зависящий. Отсюда возможность преобразования мира. В этом отношении Бердяев принадлежит к оптимистам.

Однако зависимость мира и космоса от сознания, от субъекта, еще не гарантирует, вопреки вере Бердяева, победу человеческого сознания (как одного из вариантов инобытия мирового разума) над смертью и природой. В человеческом сознании могут получить преобладание низшие тенденции, и тогда, соответственно этим тенденциям, мир будет представлять все более гротескный и оторванный от своей духовной подосновы спектакль, что и сделает вмешательство Высших Сил неизбежным. Но предоставим истории свое последнее слово, не забывая при этом, что завершение «человеческой комедии» еще не есть завершение космической. Конец «этого» мира не означает конца всех других миров. ■

В ПОИСКАХ РОССИИ

*«Литературная газета»,
27 сентября 1989*

Сейчас в Советском Союзе, в эпоху гласности, видимо, настало время познания той части России, которую принято называть «зарубежной» или «эмигрантской». В XX веке началась драматическая история русского рассеяния, она еще не закончена, но впереди виден свет, который, может быть, не погаснет.

Если мировая жизнь пойдет не такими страшными путями, какими она часто шла в XX веке, то рано или поздно наступит момент, когда причины, породившие это неизвестное раньше в русской истории рассеяние (ведь Русь всегда держалась за свою землю), перестанут действовать, и начало этому процессу положено, я думаю, перестройкой.

Итак, сейчас, наверное, время подведения первых итогов бытия России вне ее священной земли, в чужом мире, ибо очевидно, что за рубежом оказались не просто русские люди, россияне, но и часть самой России (особенно это относится к первой эмиграции) — сохранялись культура, язык, вера и внутреннее духовное единство. Всем хорошо известно, какое культурное богатство хранила эта Россия — зарубежная Россия Бунина, Цветаевой, Рахманинова, Шаляпина, Бердяева и многих, многих других.

Подлинное познание этой России может быть осуществлено общими усилиями метрополии и зарубежья. Необходимы издания соответствующих книг и архивов, анализ их — и это, видимо, дело ближайшего будущего. Нужны люди, которые смогли бы исследовать и на высочайшем уровне осмыслить невиданный культурно-исторический опыт зарубежной России, и тогда Родина узнает, каким был мир в глазах русской эмиграции, и опыт познания этого мира перейдет к ней из рук зарубежной России.

В своей душе изначальная Россия переживает то, что пришлось пережить этой оторвавшейся от нее плоти. Тот опыт был во многом мучительным, в каких-то аспектах миссионерским. Россияне несли в этот причудливый и одновременно крайне рационалистический западный мир глубину и свет русской культуры, православия, то есть целый пласт своего бытия. Познание же иного мира совершалось и умом, и кровью, и даже ценой жизни. Никакие путешествия, открытые границы, туризм не могут дать и тени этого познания, ибо, чтобы действительно понять чужой мир, надо быть внутри его, и еще лучше — беззащитным и брошенным, но не с раздавленной волей: а воли к жизни у русской эмиграции хватало, несмотря на всю фантастическую сложность ее бытия.

Автору этих строк волею судеб, которые, как известно, не всегда благосклонны к русским писателям, пришлось прожить по крайней мере две, а точнее, три совершенно разные жизни (одну — на Родине, другую — в США, третью — во Франции), которые соотносятся друг с другом приблизительно так же, как жизни на разных планетах...

Естественно, пришлось познакомиться и со старой русской эмиграцией — еще живы были многие ее блестящие представители, доступны некоторые архивы и библиотеки. До известной степени открылся мне и традиционный Восток — через встречи с людьми, через книги, — тот великий духовный Восток (Индия в особенности), при знакомстве с которым очевидным становится вся смехотворность европоцентризма, точнее, западоцентризма.

И во всем этом воистину космическом опыте, через который проходили в эмиграции многие россияне, есть один «момент», на котором мне хочется остановиться. И да будет он темой этого рассказа...

Итак, что это за «тема»? Тема эта — Россия. Причем Россия глазами русских, оказавшихся в чужом мире и поэтому — по крайней мере духовно — мучеников. Всем, конечно, известно, что большое видится на расстоянии, но это звучит слишком обобщенно, и все же я думаю, что важнейшей стороной эмигрантского опыта является вовсе даже не познание так называемого мира, а познание России, которое благодаря удаленности от нее и, следовательно, обострению восприятия приобретает характер настоящей мистерии и вместе с тем молниеносного гнозиса, проникающего в самый центр вашей души. Лучше, чем когда-либо, вы понимаете, что даже на Антарктиде, среди льдов, под сиянием другого солнца, вы остаетесь русскими, во всей невыразимой глубине этого слова, во всей его достоевско-блоковско-есенинской стихии...

Этим я не хочу сказать, что русское самосознание с большей силой реализуется вне России, — такая мысль была бы нелепа. Просто удаленность от Родины придает этой реализации динамические и вместе с тем драматические черты.

Последствия любых страданий, в том числе духовных, могут быть двойными: или они ломают человека, делают его беспомощным перед лицом великого хаоса жизни, или, наоборот, придают зоркость духовному зрению, обостряют его, провоцируют глубинно-отчаянную попытку понять то, чего вы лишены.

Если речь идет о Родине, то это одновременно и путь к самопознанию, к постижению глубин собственной души, скрытых в великом Безмолвии, ибо познание России и самопознание человека, принадлежащего к русской культуре, — нечто близкое.

Тема эта — познание России — слишком грандиозна, но все-таки можно попытаться и в статье сказать кое-что об этом.

Что изначально стимулировало это?

Возможно, таким стимулом явилось желание осознать (ибо часто страдание обостряет мысль — и да благословенно тогда страдание!), в чем причина такой привязанности русских к России, почему многие духовные черты ее так приковывают к себе.

История русской эмиграции знает немало ужасающих, порой неопишуемых случаев страданий и гибели от тоски по Родине. Поток таких страданий, собранных в одной книге, может вывести из себя любого человека и произвести настолько страшное впечатление, что невольно вспомнится убеждение древних греков: нет худшего наказания, чем изгнание из отечества.

Когда знаешь об этой дантовской веренице трагических судеб, которые выпали на долю всей русской эмиграции, начиная с первой волны, невольно будешь искать выход, и я думаю, что по крайней мере один такой выход заключается в постижении России, ибо познание если и не избавляет от страданий, то, во всяком случае, не дает им возможности овладеть вами и привести вас к гибели. Так всегда считали древние мудрецы...

Но как начать это перепознание человеку, который живет в другом мире и находится в отрыве от живой плоти и души своей страны?

Один способ — естественно, через культуру. Книги остаются. Русская классика. Но вы уже перечитываете ее чуть-чуть иначе, чем на Родине. Одно дело читать, например, Гончарова или Пушкина в Москве,

но, мягко говоря, несколько иная цель медитаций возникает, когда вы читаете эти книги в Нью-Йорке или где-нибудь на Луне...

Конечно, главное в них остается главным, как и при чтении в Москве, но возникновение новых духовных прорывов неизбежно — тем более что вы подсознательно соотносите вселенную русских книг, их подтекст с окружающим миром.

Все это обостряет ваши чувства и духовное зрение. Конечно, многое зависит от индивидуальности и такой же остроты восприятия, по крайней мере, в смысле познания России — можно, конечно, достичь и на Родине: все самое значительное не обязательно познается через лишенность. Но все-таки... Я хотел бы рассказать о восприятии хотя бы двух авторов...

Пожалуй, наиболее драматично протекает в изгнании постижение есенинской поэзии.

Я думаю, что до сих пор существует определенное недопонимание поэзии Есенина и характера его гениальности (при всей фантастической любви к нему в Советском Союзе и силе воздействия его поэзии). В стихах Есенина есть нечто неуловимое, но экстремально существенное, что делает его поэзию совершенно исключительным явлением, даже выходящим за рамки обычной концепции гениального. Это «неуловимое» заключается, на мой взгляд, в том, что весь океан есенинской поэзии, образный, звуковой, интонационный (последнее, кстати, очень важно), непосредственно вступает в контакт с наиболее глубинными, первозданными, вековыми уровнями Русской Души — и именно в этом тайна ее сокрушающего бесконечного воздействия.

В изгнании становится особенно очевидным, что символика и метафорика русской природы и деревни в есенинской поэзии — не только манифестация духа тысячелетней крестьянской Руси, но и знаки глубинно-исходных состояний Русской Души вообще, вечные символы, которые выходят за пределы истории и деревни, так как они соотносятся с таинственной подосновой Русской Души, с ее архетипом, с ее априорной космической сущностью. Поэтому Есенина может любить (и жить его поэзией) любой русский человек, независимо от его мировоззрения, убеждений, образования, — феномен, который, кстати, не раз подчеркивался в зарубежной России: даже в Гражданскую войну, например, и «белые», и «красные» зачитывались Есениным. Можно всю жизнь прожить в городе, практически не знать деревни — но таинственные символы и интонации есенинской поэзии могут так же на вас действовать, как и на человека, погруженного в деревенскую жизнь.

И в то же время поэзия Есенина — это постоянная, страшная рана, открытая русскому сердцу, но такая рана, от которой не гибнут, ибо она источает жизнь — возвращает к истоку (хотя сам поэт принес себя в жертву). Имя этому истоку — Вечная Россия.

Вся русская классическая литература отличается тем, что она, обладая великим общечеловеческим значением, учит нас быть русскими. Но феномен Есенина поистине уникален в этом отношении, хотя, разумеется, поэт выразил далеко не все бездны и грани русскоискательства. Совсем иные стороны открыл гений Достоевского, но в целом наш величайший поэт деревни и величайший писатель города связаны друг с другом принципом дополнительности, а не противоречия. Они — каждый по-своему — создавали в литературе невероятный космос Русской Души. В то же время и другие титаны русскоискательства (Гоголь, Тютчев, Блок, Платонов, а практически в той или иной степени почти каждый русский писатель) внесли свой существенный вклад первооткрывателя тех или иных сторон этой темы.

Возможно, только в физическом космосе, среди холодного, равнодушного пространства, будет понята до конца поэзия Есенина. И сложный метафоризм раннего Есенина, и внешняя простота его примет русскости не меняют метафизический корень его поэзии.

Поэтому несомненно, что Есенин — не просто крестьянский поэт, но и поэт национально-космического уровня, ибо подтекст и дух его поэзии ведет в изначальный космос Русской Души (учитывая, что каждый народ индивидуален и имеет свой собственный духовный космос).

Разумеется, сразу возникает вопрос: какие именно первоначала Русской Души задевает поэтический гнозис Есенина и каково соответствие между символами, метафорами, звуковой и интонационной системами его поэзии и этой сущностной основой Русской Души? И в чем, собственно, эта основа состоит?

Но «ответы» на такие «вопросы» явно выходят за пределы этой статьи...

С другой стороны, сама поэзия Есенина вместе со всей философско-патриотической лирикой XX века (от Блока до Волошина) содержит в себе ответ, пусть и, естественно, неполный, к тому же скрытый за покровом поэтических образов, на загадочные медитации ранней лирики русскоискательства: «Но я люблю — за что, не знаю сам» (Лермонтов) и «Умом Россию не понять» (Тютчев).

И хотя Есенин сам писал: «Но люблю тебя, родина кроткая! А за что — разгадать не могу», это могло быть так скорее на уровне

его личности, а не на уровне его поэзии, которая приближает нас к «постижению непостижимого» в России.

Кроме того, познание России в целом, во всех ее безднах и глубинах, познание уже не поэтическое, а чисто философское, невозможно на уровне западной философии (она слишком рационалистична и поверхностна для этого) — здесь нужна, я думаю, всепроникающая мощь восточного, в первую очередь индусского метапознания.

Но если не прибегать к такого рода метапознанию русской патриотической лирики, то нам останется только ощущать и чувствовать ту же есенинскую поэзию как неуловимое нежное движение ножа по собственному сердцу, вызывающее лишь вихрь неуправляемых эмоций, которыми можно упиваться, но которые так и не дают ответа на вопросы «кто мы?» и «что такое Россия?»

Кстати, именно фантастическая искренность, обнаженность текста — вот что объединяет всю русскую литературу, но Достоевского и Есенина в особенности. Казалось бы, это чисто психологическая черта, но на самом деле она имеет явно онтологический бытийный смысл, ибо такая «искренность», «обнаженность» устанавливает глубинно-реальный контакт между микрокосмами каждой из индивидуальных Русских Душ, а также между книгой, ее образами и подтекстом, и читателями. И естественно, что эта искренность, обнаженность присутствуют и во всемирно известном феномене русского общения — без них это общение потеряло бы свой смысл, превратившись в банальное и ординарное общение, характерное для современного постиндустриального общества.

Следовательно, есенинская поэзия помогает воссозданию в нашем духе той удивительной реальности, которую можно назвать «Внутренней Россией». Ее значение особенно велико в условиях Зарубежья и эмиграции, ибо именно эта «Внутренняя Россия» дает возможность человеку выстоять и не потерять себя в обманчивой стихии чужого мира, отождествить себя со своим русским духовным центром.

В то же время внутреннее бытие этой России создает тайную возможность подлинно русского общения даже в эмиграции. Наконец, существование такой «Внутренней России» в душе хотя бы немногих людей сотворяет возможность редкостного Единства и, несмотря на все естественные психологические различия, объединяет людей на основе самого сокровенного, что в них есть. Люди становятся таинственно-близкими, не говоря уже о том, что это дает духовную силу и радость, особенно если вы находитесь в зарубежных мирах.

Этому становлению внутренней России активно способствует, конечно, не только русская словесность, но и вся русская культура в целом. Но главное, что это становление находит опору в самых экзистенциальных и сокровенных пластах души, без чего любое воздействие культуры могло бы повиснуть в воздухе. Укорененность «Внутренней России» и делает ее такой жизненной, нередко определяющей всю жизнь человека.

С другой стороны, зарубежная Россия, взятая как единая культура, неотделима от самой России, и я думаю, что это только вопрос времени, — и, наконец, рухнут все перегородки, и то, что отделилось, соединится со своим священным Центром. Они должны объединиться, потому что суть их едина. И, конечно, опыт русскоискательства зарубежной России и соответствующий опыт Центра — на определяющих уровнях един: русскоискательство в зарубежной России имеет, разумеется, многие минусы (отрыв от жизни Родины), но и плюсы (драматизм ситуации и связанная с этим обостренность национальной интуиции), однако в своих глубинах и тот и другой опыт идентичны.

Своеобразно воспринимается в русском зарубежье и на Западе Андрей Платонов. Казалось бы, как писатель он достаточно универсален, общечеловечен, а потому должен быть вполне понят миром. Действительно, при всей «злободневности» некоторых тем Платонова философский подтекст его прозы обращен к великим космическим темам бытия. Этот уровень подтекста и превращает его в одного из величайших писателей двадцатого века.

Платонов с русской обнаженностью продемонстрировал (особенно в «Котловане») космическую конфронтацию между Бытием и Небытием и скрытую, но все возрастающую жажду человека преодолеть смерть...

Таинственным путем произведения Платонова (и, конечно, не его одного в русской литературе) связаны с глубинами Востока, с Индией Духа. Характерен, например, интерес Платонова к уму, к его субстанции, к его сути. Но ведь роль мышления и ума в космической судьбе человека — великая тема Веданты.

Настя из «Котлована», один из самых потрясающих образов в мировой литературе, говорит перед смертью странную вещь: «Чиклин, отчего я всегда ум чувствую и никак его не забуду?» (кстати, перлы об уме рассыпаны по всему «Котловану»).

Грандиозность мышления и вместе с тем его ограниченность, его неспособность «понять» мир до конца показаны в «Котловане» с фатальной силой.

Настя «забыла» свой ум только тогда, когда умерла.

Однако, при всей универсальности Платонова, его плохо понимают на Западе. Конечно, частично — из-за сложности перевода. Мирра Гинзбург, известная американская переводчица русской литературы, говорила мне, что адекватный перевод практически невозможен, хотя какого-то приближения при большом мастерстве можно достичь.

В языке «русскость» Платонова выражена с потрясающей силой, но ведь за языком стоит образ мышления (и автора, и его героев) — и в этом еще одна трудность восприятия Платонова на Западе. В чем именно состоит эта трудность? Ведь воспринимает же Запад и Достоевского, и Толстого. Но прежде чем попытаться ее определить, я скажу несколько слов о своем личном восприятии Платонова...

На Западе оно немного изменилось (хотя это «немного» весьма существенно); например, по контрасту с психологией западных людей герои Платонова стали выглядеть более экстраординарными, чем раньше, а следовательно, и сама Россия, которая стоит за ними, начала казаться действительно удивительной страной, хотя бы в смысле ее уникальности и отличия нашей психологии от западной.

Разумеется, каждая цивилизация — индуистская, западная, китайская, мусульманская и так далее — уникальна, мир — это не безликий ряд стран и народов, но платоновская вселенная для меня — это мир четвертого (в психологическом плане) измерения. Его герои, движимые своей «задумчивостью», как бы направили свет своего сознания внутрь собственного бытия, готовые добраться до его истоков.

Фактически в них вычерчен и обнажен тот, кого древние называли внутренним человеком. Но любопытно при этом, что герои Платонова — вовсе не святые или мистики, а так называемые обычные люди. На Западе все, напротив, гораздо определенной: если вы «средний» человек, то вам отнюдь не рекомендуется «задумываться», особенно посреди работы, подобно Вошеву. Повседневная западная жизнь крайне рационалистична, поверхностна, скорее, даже «технологична» — и поэтому герои Платонова для западного читателя кажутся совершенно «фантастическими» существами (это же было сказано в западной литературной критике и о моих героях), таких людей-де не может быть в жизни, потому что жизнь — это простое функционирование, цепь «фактов» и больше ничего...

Другое дело, если человек — какая-либо исключительная личность, мудрец или мистик, тогда ему, так сказать, профессионально необходимо

«задумываться» — на Западе пунктуально различают функции и место каждого человека в системе, не смешивают их, выделяют, кто есть кто. «Задумывающийся» обыватель — это почти социальное бедствие. «Обыденная» жизнь в произведениях Платонова с ее необыденными глубинами — нечто противоречащее западному инстинкту жизни.

Не помню уж, из какой книги врезалось мне в память замечание одного западного исследователя, что только русские способны отложить обед, если не закончен спор о духовных проблемах. Следовательно, такие вопросы (с этой точки зрения) — не часть жизни, а в лучшем случае часть «культуры», обед же, напротив, и есть «реальная» жизнь, «факт»... В силу такого взгляда отечественная словесность воспринимается на Западе как литература иного, загадочного континента, которая, безусловно, имеет великую общечеловеческую ценность, но одновременно с налетом некоей тревожной (и не всегда приемлемой) внутренней таинственности.

Тем не менее, поскольку на Западе мне пришлось совмещать свою писательскую работу с преподавательской, я часто был свидетелем глубокой, искренней любви западных людей к русской литературе, причем обычно это нечто большее, чем просто «академическая» любовь...

Вернемся к Платонову. Здесь камень преткновения для западного ума — в «русскости», выраженной почти до предела; такая глубина погружения в бытие просто чужда западному уму, который прежде всего тянется к «фактам», а не к какому-то там «бытию»...

Последние годы, несомненно, внимание всего русского Зарубежья было приковано к событиям в Советском Союзе, к перестройке. Но всегда существовал интерес и к вечным аспектам России, к их проявлению в великой русской литературе. Ибо только через «вечное» познается суть. Отсюда, наверное, и возникла моя привязанность как к отечественной классике XIX века, так и к тем писателям и поэтам XX века, которые создали в своих произведениях самобытный философский космос, стали — по крайней мере, некоторые из них — властителями дум (такие, как Блок, Есенин, Хлебников, Платонов, Булгаков, Андрей Белый).

Чем еще была дорога и ценна для меня и многих других эмигрантов отечественная литература?

Конечно, тем, что она была мощной поддержкой в смысле сохранения себя, своей национальной своеобразности (и в языковом, и в психологическом, и даже в философском отношении). Думаю, что и наступающая везде компьютерная цивилизация не сможет убить это начало в народе — особенно если русская литература будет по-прежнему

верна себе, своим традициям. Но условием ее процветания является интенсивная духовная жизнь. Великая литература не рождается из пустоты.

Сейчас наша страна переживает судьбоносный период, который определит на долгое время и ее историю, и, вероятно, историю всего мира. Может быть, вопреки всем пессимистам, нам суждено открыть новый путь, а не просто варьировать обанкротившиеся старые — будь то наш застойный путь, будь то чужой, так называемый потребительский, где деньги равносильны и богам (как некая высшая ценность), и реальной политической власти. Этот новый путь может быть истинной демократией, но включающей в себя высокие духовные ценности.

Конечно, Россия существует в союзе с другими народами, что создает невиданную возможность взаимообогащения. Я убежден, что России чужд национализм, а патриотизм, неотделимый от русской культуры, — совершенно другое мировоззрение, открытое по отношению к другим народам и сочетаемое с любовью и уважением к ним.

Та или иная степень реализации братства, дружбы или хотя бы нормального сосуществования народов лежит не в неосуществимой нивелировке их, не в поглощении одной цивилизацией других (такая попытка, по существу, явилась бы агрессией, в какой бы форме она ни предпринималась, и поэтому неизбежно встретила бы мощную ответную реакцию), а в осознании общечеловеческого единства, общности судеб, взаимозависимости, но при сохранении в то же время права на собственный путь и духовный суверенитет. ■

ТЕНЬ ЛЮЦИФЕРОВА КРЫЛА

*«Московский комсомолец»,
25 марта 1990*

Каким образом вы выбрали именно такой жанр для своих рассказов? Это, в общем-то, странноватая сторона.

Да, это немножко необычно. Скорее, необычна не форма, а содержание, которое у меня связано с определенным видением мира и человека. Все произошло довольно внезапно. До этого я пробовал писать. Получалось довольно гладко, но было подражанием тому, что прочитано. И вдруг совершенно неожиданно (я даже запомнил день) увидел в своем воображении необычную ситуацию. В общем-то ничего особенного, но в ней был неожиданный поворот. Я зафиксировал эту ситуацию и начал писать. Но чтобы войти в то видение, которое у меня возникло, я должен был делать определенные усилия. Это не было просто так — садись и пиши. Конечно, сюжетная линия у меня рождалась заранее, но когда я садился писать, самым трудным для меня было войти в определенное состояние. Потому что именно в этом состоянии, психологическом или духовном, появлялось это видение. Рождались эти человечки, фигурки, о которых так часто говорят прозаики, описывая своих героев.

А потом уже оказалось, как подтверждали многие критики, что подобное видение свойственно русской литературе вообще, главным образом линии Гоголя и Достоевского. Но, конечно, это видение трансформировалось в нашем веке в еще более апокалиптическую сторону.

А кроме себя вы видите еще кого-то?

Кроме собственно родоначальников этой линии в литературе, были и такие, чье видение близко к моему. В этой связи упоминают Федора Сологуба, особенно его «Мелкий бес». Что касается современной

литературы, то таких я не вижу. Если взять русскую зарубежную литературу, ее авангардную ветвь, то кроме меня обычно называют Сашу Соколова и Лимонова. Но они совершенно иные.

Что касается советской литературы, литературы метрополии, то тем более я вряд ли могу кого-то назвать. Но беда в том, что мы знаем не всю свою литературу. Существует глубинный слой, который еще не опубликован и неизвестен советскому читателю. И если будет полная картина, то, уверен, подобные мне найдутся. А существующий термин «вторая», или «новая» проза — слишком обобщен. Туда входят писатели — «немножко нетрадиционалисты». Но это слишком широко.

Ваша форма классична. Можно найти и «просто» рассказы, без чертовщины и мистики. И их много.

Дело в том, что меня писателем-авангардистом можно назвать очень условно. Подтекст моих рассказов, само содержание воздействует несколько необычно. А раз необычно, люди думают — авангард. Конечно, никакого авангарда нет. Форма классическая, традиционно русская, идущая от Чехова. У людей молодого поколения, сейчас читающих мои рассказы, возникает реакция: почему это не было напечатано в семидесятые? Мы, мол, не видим никаких проблем. Но люди старшего поколения смотрят на это совершенно другими глазами. До нашего литературного возвращения (1988–1989 г.) они предупреждали — это невозможно публиковать, читатель не готов к этому. Видите, какая разная реакция?

Почему же тогда одни рассказы вы пишете в классической, а другие — в сюрреалистической форме?

Корни всей литературы — реализм. Но реализм — это очень широкое понятие. Прежде всего надо определить, что такое реальность... Вторых, переход от реалистической прозы к фантастической прозе, с моей точки зрения, не так уж и труден. Фундаментальным и ключевым здесь является определение Достоевского, что жизнь фантастичнее вымысла. Надо исходить из того, что в основе моих сюрреалистических вещей лежит обычная в русской литературе этой линии вещь — обнажение тайников человеческой души. Обнажение всего скрытого, часто непонятого, хаотического. Или, наоборот, великого, бездонного. В состоянии своего обыденного сознания человек как бы не замечает этого. Но «это» существует и иногда проявляется в его поведении. Часто человек нашей цивилизации живет в состоянии сна, совершает свою работу, и весь круговорот жизни

идет чисто механически. И он совсем не фиксирует внимание на тех глубинах, которые есть в нем самом. Если эти глубины обнажить, если поведение героев определить этими глубинами, то, действительно, мир станет как бы фантастичным. И это ярко выражено в «Петербургских повестях» Гоголя. В мировой литературе Гоголь считается основателем сюрреализма. Он чуть ли не вырастает до уровня Данте, Шекспира, Достоевского. А «Нос» — это классика сюрреализма. И герои Достоевского ведут себя не так, как бывает в повседневной жизни. Тем не менее это реализм, отражающий внутренние, самые странные, великие, темные, светлые, какие угодно, но не особенно стандартные состояния человеческой души. Но именно они имеют большое значение для людей, потому что именно из этих глубин создается искусство, рождается философия. Для этого человек должен выйти из своего ординарного состояния. У нас в России разница между глубинными и ординарными состояниями не такая огромная, как на Западе. «Ординарные» состояния у нас менее ординарны. Запад более рационалистичен, организован и дисциплинирован. И эта разница там гораздо больше проявляется. Поэтому-то там так любят русскую литературу. Она противоположна их обычному строю жизни.

Вы задумывались о связи с британской традицией: Свифт, Кэрролл?

Западные критики любят проводить параллели, разложить все по полочкам. И они в связи со мной называют два имени: Фланнери О'Коннор и Эдгар По. И называется еще имя Босха, гениального живописца, чьи полотна в средние века интерпретировались как изображение Ада. Ну а сейчас в зависимости от вкуса некоторые охотно принимают его как сюрреалиста.

А Салтыков-Щедрин? У него ведь тоже есть такие внезапные погружения?

Все-таки он более далек. Но если вы принадлежите к русской литературе, вы не избегнете параллелей со многими писателями. Это — единое море.

И все же складывается впечатление, что вы можете излагать обычным языком, не прибегая к фантазмагорическим приемам...

Это все зависит от сюжета рассказа. Чехов говорил, что можно написать рассказ о том, как люди обедают, — и волосы встанут дыбом. Если

вы берете сюжет, который возник из обыденной жизни, — это одно. Но, например, в моем рассказе «Голос из ничто» существуют мифологические существа, а в «Изнанке Гогена» живут вампиры. Что об этом можно сказать? На самом же деле это заурядный сюжет в мировой литературе, но для русской литературы, особенно для советского читателя, это необычно. Тем более, когда действие происходит в современном мире. Кроме того, сама тема. Когда вы пишете о потусторонних явлениях — это уже фантаσμαгория. С другой стороны, эти явления так часто описывались в мировой литературе, что можно считать их обычными. Но как к ним подойти? Можно взглянуть настолько оригинально, что это не будет иметь ничего общего с предыдущим. Однако для меня было интересно другое, а именно: изобразить не действия этих существ, что делается обычно, а их психологию, их внутренний мир. И тогда возникает эффект «фантастики». Это дает совершенно иной подход к теме «вампиризма», которая на Западе вульгаризована до невероятности.

А каково, на ваш взгляд, отношение русской классической литературы к этой теме с точки зрения своих внутренних законов?

Здесь все зависит от позиции писателя. Но все же смешно ожидать, чтобы в этом содержалась какая-то защита, оправдание таких персонажей. Если мы возьмем средневековую христианскую литературу, то такие темы были обычным явлением. Конечно, отношение к самим феноменам было отрицательным, но практически весь этот языческий пантеон все время существовал параллельно чисто христианской культуре. И у церкви это особых возражений не вызывало.

Церковь отлучила Льва Толстого, который как раз про чертей не писал.

Почти все русские сказки основаны на темах подобного рода. И с точки зрения церкви, думаю, ничего в этом страшного нет. Случай с Толстым говорит об ином. Церковь не может принять, когда систему ее мировоззрения меняют изнутри. Тогда возникает конфликт.

Если человек является христианином (как Кант или Шеллинг), но создает свою собственную, независимую философию, — это одно. Но другое дело, когда вы отвергаете те или иные положения христианства или меняете их, считая, что в этом и есть истина христианства. Это вызывает естественное противодействие церкви, ибо истины церкви даны через откровение, и не дело человеческого разума менять их. Поэтому в церковном учении истинно то, что древнее, что ближе к Первоисточни-

ку, а ложными являются попытки обновления, основанные на амбициях человеческого разума.

А вы не пробовали анализировать, почему именно у вас в мозгу зародилось это направление поиска?

Это трудно объяснить. Я думаю, у каждого писателя это бывает: в процессе труда возникает какое-то видение. Я думаю, когда Достоевский писал «Бедных людей», то у него возникло какое-то новое видение социальной реальности, которое не существовало раньше в русской литературе. Именно это сделало роман большим литературным и социальным событием. Мне кажется, такие явления носят органический характер, и анализировать их не имеет смысла. Существуют талант, сновидения, мысль. И я отнесся к этому как к факту. Существует видение, значит, может существовать подобная литература.

В зарубежной прессе у меня брали интервью, где мы пытались понять сам процесс творчества. Это довольно неисследованная сфера — философия и психология творчества. Конечно, всегда в искусстве, как и в жизни, есть область, до известной степени непознаваемая, есть элемент чуда.

При всем том я реалист и считаю, что искусство и жизнь связаны между собой коренным образом. Поэтому процесс создания произведения органичен. А само произведение можно исследовать, рационализировать, подводить ту или иную философскую базу, но это не исчерпывает его до конца.

Какие философские течения вам близки?

С одной стороны — русская философия. С другой — восточная метафизика, которая дает глубинные интерпретации космогонии человеческой жизни.

Но русская философия — это и Флоренский, и Бердяев...

Мне близка та линия, которая проявляется почти во всей русской философии: это попытка русских понять самих себя. Она может быть выражена в славянофильстве, она может быть выражена иногда даже в западничестве. Это проявляется и у Бердяева, и даже в известной степени у Флоренского, хотя он скорее теолог. Таким образом, меня интересует не один русский философ и даже не одно направление, а эта интересная черта русской философии, которая направлена на познание России. И что важно, это познание еще только началось. Во-вторых, оно коренным образом связа-

но с литературой. Если мы возьмем русскую литературу, то она до известной степени заменила собой русскую философию, недаром на Западе говорят о ее философичности. Но при этом задают вопрос: почему русская литература взяла на себя частично функцию русской философии? Просто потому, я думаю, что цели русской философии могут быть разрешены средствами искусства. Познание самого себя, своей страны — это часто разрешается именно на уровне искусства.

Чему непосредственно посвящены ваши философские работы?

Они посвящены тем вопросам, о которых я сказал. Одна из работ, например, посвящена России. Называется она «Новый град Китеж». Были и такие статьи в русской зарубежной прессе, как «Россия и современный мир». Что касается восточной метафизики — мои работы касались главным образом концепции «Я» (или Атмана) и его бессмертия. Это, пожалуй, одна из центральных тем Веданты, главной линии индуистской философии. Но я пытался интерпретировать эту тему согласно своему собственному метафизическому видению. Основная моя работа в этой сфере — книга «Судьба бытия» (часть ее опубликована на французском языке).

Круг этих вопросов очень интересовал меня и мое ближайшее окружение еще в 1960–1970-е годы. Кстати, когда я жил в Итаке, в штате Нью-Йорк, то там был один из лучших центров в Америке по изучению духовного богатства Востока.

Как бы вы оценили в связи с только что вами сказанным роль, которую многие приписывают литературе, — роль молитвы, катарсиса, медитации?

Можно подойти по-разному. С чем связано творчество? С одной стороны, действительно с молитвой. Особенно творчество религиозное. Мы знаем, как писались великие русские иконы, — после того как монахи постились и молились. По православным канонам все дела должны начинаться с молитвы. Но в творчестве еще присутствует и то, что называется медитацией. Медитация — это прежде всего сосредоточение, направленный на определенный объект поток мыслей. Но это довольно сложное явление — творчество. Ведь здесь еще присутствует и акт воли творца.

Существует теория, что все писатели исследуют человека как подготовку его к смерти. Линии Толстого и Достоевского — разные стороны подхода к одной теме. Набоков умудрился провести свою линию, пройдя

между ними. В линии Достоевского есть какой-то физиологизм. Набокову же, по-моему, удалось этого избежать, сохранив достоинства линии Достоевского. Другие же, в том числе и вы, этого не избегают. Намеренно?

Все-таки в первую очередь предпочтение нужно отдать жизни в глубоком смысле слова. К сожалению, наша жизнь абсолютно связана со смертью. И поэтому главный вопрос, сверхзадача — победить смерть. Иными словами, духовная жизнь должна победить смерть. Это легко сказать, но трудно сделать.

Что касается подхода к физической смерти, то присутствие у русских писателей некоторого физиологизма нормально. На физическом плане человек состоит из плоти, и плоть гибнет. Эта часть нашей жизни. Допустим, Набоков выбрал иной путь изображения человека. Но отталкивание от плоти у Набокова, как ни странно, можно объяснить психологией эмигранта, психологией отчуждения от жизни. Помните «Защиту Лужина?» Набоков сам любил играть в шахматы и создавать какую-то защиту от жизни. Это проблема общечеловеческая, а в эмиграции обостренная — защита от жизни. Да, у Набокова меньше физиологизма. Но это качество литературы XX века вообще. Как ни странно, в век материализма плоть уходит от жизни. Если мы возьмем авангардистов — Кафку, Джойса и других — как главное течение западной литературы, в котором работал и Набоков, то поймем, что все-таки это был некий уход в интеллектуализм, в абстрагирование. Многие интеллектуалы на Западе говорят о том, что они живут в своего рода «горизонтальном интеллектуализме» и это заслоняет от них реальную жизнь. Следует добавить, что это заслоняет от них и Небо, то есть высшую жизнь. Западные интеллигенты тем не менее нередко утверждают: «Мы слишком умны, чтобы жить». Таков парадокс. Но это не совсем тот ум, который нужен.

А последний виток авангарда?

Это дает какой-то результат. Тем более, что связано с линией чисто западной, европейской литературы, последнее слово которой: жизнь является абсурдом. На этом западная литература как бы застыла и дала блестящие образцы: Ионеско, Беккет, Сартр и т. д. Но я считаю, что это очевидный тупик. Надо было пережить ситуацию XX века, но, как-то ее преодолев, двинуться дальше. Преодолеть не искусственным способом, а органически, естественно.

Как вы оцениваете роль математики в литературе? В частности, ее склонности к логическому мышлению, к схематизации, расчленению?

Я преподавал математику. Думаю, что это слишком далеко от литературы. Конечно, вторжение математики в литературу в чем-то может помочь. Особенно в гармонии, структуре, построении произведения. Но математика слишком формальная наука, чтобы говорить о человеческой душе.

Ее считают своего рода поэзией.

Это возможно, если взять математику как чистую науку. Но переносить ее методы в литературу нельзя.

А исследование с ее помощью социальной жизни? За последнее время мы имеем два серьезных примера вторжения ученых в жизнь общества. Деятельность Шафаревича и Сахарова — она кажется многим несовместимой, но только на первый взгляд.

Согласен с вами. Конечно, в социологии методы математики более полезны. Но опять-таки, они не исчерпывают социальные реалии. Если говорить о жизни общества в целом: об истории, об этнических закономерностях — то здесь очень силен элемент непредсказуемости. Очень важен элемент человеческой воли, которая ломает все конструкции. И не только логические построения, но и здравый смысл. Особенно много ошибок, когда ученые пытаются предсказывать... История доказывает, что ученые, как бы они ни были значительны, полностью пасовали перед фантастическим феноменом, который называется человеческой историей. Я смотрел газеты, русские и зарубежные, начала века, где опрашивали ученых, писателей, общественных деятелей, как они представляют себе XX век. Большинство из них предсказывали безграничный прогресс и особенно подчеркивали мир на земле.

Другой пример, который так сильно повлиял на историю, — неумение Сталина понять мышление Гитлера. Эти две загадочные фигуры — Сталин и Гитлер — привлекают на Западе огромное внимание. О Гитлере даже больше написано книг, чем о Сталине, особенно на английском языке. Меня же это интересовало, главным образом, с психологической стороны, и, исходя из имеющихся исследований, можно было заключить, что в 1940–1941-м годах, перед началом Великой Отечественной войны, Гитлер так ставил вопрос: нападать или нет на Советский Союз. Он сильно колебался. Но, если следовать логике и здравому смыслу, нужно было принять следующее решение: сначала разбить Англию, потом напасть на Советский Союз, и именно это и рекомендовал Гитлеру Генеральный штаб. И именно исходя из здравого смысла, Сталин предполагал, что Гитлер не нападет на Советский Союз, пока не разделается с Великобританией. Но появился

тот самый непредсказуемый элемент. Советское руководство не учло характер Гитлера. Он был не только диктатором, но и игроком. В поступках Гитлера было много иррациональных моментов. В общем, все получилось, как в «Пиковой даме». Все иррациональные решения: введение войск в Рейнскую область, захват Австрии, оккупация Чехословакии — были очень опасными шагами. Это было в тот период, когда Германия была еще слаба, и, если бы Европа в то время объединилась, Германия потерпела бы быстрое поражение. Это были шаги против логики и здравого смысла. И некоторые немецкие генералы готовили переворот, опасаясь подобных шагов. Но Гитлеру все удавалось, только последнее решение оказалось роковым для него: нападение на Россию... Однако, как мы знаем из истории, не один Гитлер совершал точно такую же роковую ошибку.

И именно анализ игры мы находим у многих крупных писателей.

Конечно. Но в случае Гитлера был элемент не только игры. Там, возможно, было подключено что-то из более темных сфер.

Однако анализ этих темных сфер не мешает вам иронизировать. А вот Солженицын — тот непередаваемо серьезен.

Юмор вообще в русской литературе сильно выражен. Это традиция, и часто это очень серьезный юмор. Сюрреализм тоже дает определенные возможности. Можно определить сюрреализм через слово нам более близкое, — гротеск. Их концепции близки. Гротеск часто и легко переводим в комическую ситуацию, потому что это определенное преувеличение каких-то качеств реальности, концентрация их. Это дает блестящий комический эффект. Но причины смеха могут быть разные.

Сдвиг, определенное «издевательство» над реальностью, над ее ограниченностью — естественно, вызывают смех. Смех указывает на роковое несовершенство мира. Смеяться невозможно, наверное, только над абсолютно совершенным существом. Мир же дает возможность бесконечного смеха. И если от великого до смешного один шаг, то и наоборот: от смешного до великого тоже недолго идти. В хохоте Гоголя или Свифта явно слышится это величие.

Вы как-то обмолвились, что с удовольствием читаете наших «деревенчиков», а ныне, пожалуй, их надо называть «истовыми». Да и не каждый культурный человек теперь вот с такой смелостью заявит, что он-де любит Распутина с Беловым. Что же привлекает вас в них?

Распутин, Белов, Астафьев, Абрамов... Меня в них привлекает, во-первых, то, что они воскресили дремучий, экзистенциальный русский язык. Во-вторых, восстановление русской традиции. Пусть это касается только аспектов деревни. Но ведь и деревня — это целый космос. Это очень важно не только литературно, но и на философском уровне. Россия понесла такой страшный урон, такие жертвы, что любая другая страна, возможно, была бы надломлена окончательно. Я не знаю, каким чудом мы прошли через все это. Момент восстановления хотя бы части русской традиции вызывает симпатию. Но если говорить о восстановлении, то что мы можем восстановить? Мы не можем восстановить старые социальные формы. Это уже прошло и принадлежит истории. Мы не можем восстановить даже русскую деревню, по крайней мере, в прежней форме. В наш век, который называют постиндустриальным, нельзя восстановить то, что было. Социальные формы меняются, и это нормально.

Но что можно сохранить, так это культуру, язык, веру и само духовное начало. Оно может проявляться в других формах, но для этого надо знать свое прошлое, знать, как оно проявлялось раньше.

В русских деревнях кланялись человеку, именно как образу и подобию Божью. Возможен ли этот удивительный поклон в современном городе? Ведь там другой ритм. Даже движения современного горожанина другие, чем русского крестьянина XIX века. И если эта духовная любовь будет восстановлена, то она будет выражаться уже в каких-то других формах. Восстановить прошлое трудно. Но еще труднее восстановить его в той форме, которая вписывается в современный мир.

Как раз этого-то и нельзя ждать от «истовых». Но сейчас усилился процесс восстановления духовной культуры — без чьей-либо подсказки.

Это очень важно. Без этого невозможно наше нравственное возрождение. В человеке есть врожденная нравственность. Но в XX веке все противоречия настолько обострились, что естественная нравственность на фоне атеизма проваливается в пропасть. Потому что человек сразу сталкивается с проблемами бытия. Проблема смерти. Если человек считает, что живет только один раз, на короткий миг, и все отчаянно борются за жизнь и т. д., то, естественно, что нравственные моменты не выдерживают напора стихии эгоизма, эгоцентризма. Тогда же, когда нравственность обоснована, как в православии, онтологически, когда она опирается на то, что мир создан не волей случая, а по воле высшего разума, и что после смерти продолжается жизнь души и сознания, тогда вся картина меняется и нравственность полу-

чает фундаментальное обоснование. Поэтому я считаю, что возвращение религиозного создания для нашего общества — вопрос жизни и смерти.

А как вы оцениваете теперешнее положение этого возвращения?

Это только начало. С одной стороны, духовная жизнь глубоко свойственна человеку, это нечто совершенно естественное. Ненормально, наоборот, противоположное: стандартизированное, задавленное массовой «культурой», полумеханическое, полуживотное существование в современной «постиндустриальной» цивилизации. Поэтому, кажется, возвращение должно быть не таким уж трудным. Но история не повторяется, и вероятны катаклизмы и события, которые очень трудно предвидеть и которые могут все радикально переменить. Падение человечества слишком глубокое, поэтому необходим подлинный новый духовный взрыв, обладающий специфическими качествами...

И последний вопрос — о причинах существования русской литературы как своего рода монашеского подвига, обязательного для настоящего писателя.

В XX веке Россия пережила настоящий апокалипсис. Но дело не только в этом. Если мы вернемся в XIX век, то там никакого апокалипсиса не было. Но эта обнаженность, это стремление докопаться до самых глубин человеческой души, вывернуть все наизнанку, плюс интерес к конечной судьбе человека, к проклятым вопросам — это все проявилось и тогда со страшной силой в русской литературе. Особенно в Достоевском. Значит, мы можем сделать вывод — это не только лишь реакция на апокалиптические события XX века. (Хотя наш век и прогремел в этом отношении, вопреки так называемым научным пророчествам о грядущем счастье). Видимо, это еще связано и с какими-то качествами Русской Души, с ее обостренной реакцией на страдание. Вот эти два момента, собственно, и создали почву, на которой возникли — я могу сказать лишь о себе — романы и рассказы, хотя они и не отражают наш социальный апокалипсис в прямом смысле этого слова.

Хватит ли нам того, что случилось, перейдем ли мы к чему-либо принципиально иному? Тень Люциферова крыла, распростертого над нами, — это тень нашего XX века, как и предсказал Блок в начале его. Будем надеяться, что она оставит наш мир. ■

Беседу вел Иван Подшивалов.

РОССИЯ МЕЖДУ ВОСТОКОМ И ЗАПАДОМ

Журнал «Начала», №1, 1991

Юрий Витальевич! Вы совмещаете в себе писателя и философа. Ваши художественные и философские сочинения имеют, как им и положено, совершенно различный мыслительно-языковой строй. Как вам удастся совмещать в себе художника и философа?

Совмещение художественного и философского стилей мышления — действительно редкий случай. Однако оппозиция между философским и художественным стилями мышления существует только в том случае, если под философией мы разумеем, главным образом, рационалистическую западную философию, иначе говоря — картезианскую, в том случае действительно философско-рационалистическое мышление, то есть мышление современной западной философии, противостоит художественной интуиции, художественному мышлению.

Но если под философией вы подразумеваете метафизику, то здесь ситуация совершенно иная. Говоря о метафизике, я имею в виду проникновение путем сверхрационального мышления в запредельные миры, прежде всего, в высшие миры. Таким образом, метафизика коренным образом отличается от философии, потому что философия — это всего лишь рационалистическая попытка понять то, что рационалистически понять невозможно.

И в этом заключается основное противоречие западных культур. В то время как метафизика, которая существовала до современной эры, и прежде всего, на Востоке (в Индии, в Китае), и которая связана с древними религиями — это уже иное. То есть, грубо говоря, — это использование прежде всего сверхрациональной интуиции. То есть это попытка прорыва интеллектуального, причем не путем логического мышления, а путем медитаций, интеллектуальной интуиции — в высшие миры.

Кроме того, это связано с учетом данных сверхчувственного опыта, с учетом данных, скажем, древней йоги и посланий Откровения. Йоги обладали способностью к сверхчувственному опыту, который современным экстрасенсам, я думаю, и не снился. Это все было, это зафиксировано, это часть истории человечества. Можно назвать это оккультным опытом, поскольку чистая метафизика — это только познание Божественных истин.

Но метафизика использует оккультный, сверхчувственный опыт, то есть опыт познания миров. Хотя в строгом смысле слова метафизика — это опыт познания Бога, а не миров. Ясно отсюда, что между философией и метафизикой огромная бездна.

Если же говорить о связи между метафизикой и искусством, то тут связь самая прямая. Недаром в древней Индии людей искусства, по существу, считали браминами. Духовное искусство приравнивалось к высшему опыту медитации и созерцания, которым обладали люди со сверхрациональным мышлением. Искусство, направленное на познание глубин, неизбежно задевает сферу метафизики, мистики.

На примере древнего искусства мы видим это со всей очевидностью. Здесь метафизика и искусство сливаются в нечто единое. Самый очевидный пример — это, может быть, величайший поэт человечества Данте, в творчестве которого эзотеризм, теология, религиозная мистика и искусство были полностью объединены. Другой пример — это Андрей Рублев, где, по существу, произошло то же самое. То же самое можно сказать о «Махабхарате».

Итак, искусство противоположно философии, если под философией подразумевать рационалистическое мышление. Но поскольку искусство оперирует образами, и символами и имеет какую-то метафизическую «подкладку», то здесь явное сближение с метафизикой. При этом я говорю не только о символизме. Если мы возьмем некоторые реалистические произведения, скажем, Л.Н. Толстого, то увидим в описании состояния людей присутствие «неба», присутствие бесконечного начала. Поэтому я думаю, что искусство соединено с метафизикой и с религией.

У Данте в «Божественной комедии» описан опыт Божественного познания, который практикуется в разных религиях, в том числе в суфизме, — путем интеллектуальной интуиции, созерцания. Таким образом, в «Божественной комедии» духовная практика христианства и ислама некоторым образом совпадают. Надо подчеркнуть, что это все основано на

сверхрациональном мышлении, интуиции. Суперрациональное является противоположностью иррационального — это важно различать.

«Иррациональное» — главный термин фрейдизма, которым обозначаются низшие пласты психики человека. Основу фрейдизма составляет тезис о том, что высшее начало в человеке зависит в какой-то мере от этих низших начал. Иррациональное вводит человека в сферу бессознательного. Поэтому если фрейдизм — это изучение низшего в человеке, то мистика описывает высшего человека.

Что же касается соотношения рассмотренных способов познания — метафизики, искусства, религии — с наукой, то здесь надо отметить, что наука — совсем иной способ познания, очень специфический. И вовсе не абсолютный, он слишком замкнут на нашем физическом мире. Когда появилось философское мышление, оно укладывало целое в философскую систему — декартовскую, гегельянскую или какую-то еще. Древний способ познания отрицал систему, так как считалось, что сведение реальности в систему невозможно, то есть полной интерпретации целого рациональным путем не может быть. Скажем, в исламе всегда существовал принцип: вы выдвигаете какое-то положение и все время добавляете, что Бог знает лучше. То есть всегда есть момент нашего незнания, мы не можем даже суперрациональное в человеческом разуме отождествить с Божественным.

Сейчас в нашей стране возрождаются традиционные для русской интеллигенции споры западников и славянофилов. Каково ваше отношение к этому новому старому противостоянию идей?

Западничество и славянофильство. Это тема, с одной стороны, актуальная, с другой стороны — столько об этом написано, что в одном интервью невозможно изложить все, что нужно. Поэтому я хочу только поставить несколько вопросов, связанных с этой проблемой.

Первое. Западничество. Есть две точки зрения на Запад. Одна из них — Запад уже перестал быть тем, каким мы его представляли, понимали на протяжении всей его истории. В XIX веке, например, считалось, что Запад — это воплощение христианства, католичества и т. д. С другой стороны, Запад мыслился как проводник идей Возрождения, гуманистической философии и т. д. Надо совершенно определенно сказать, что такого Запада уже не существует. Когда люди говорят о Западе, то они говорят о Западе, который существовал до XX века и о котором они читали в книгах. Поскольку того Запада уже нет, то люди попадают в абсурдное положение, так как говорят о том, чего не существует.

Современная западная философия говорит о том, что на Западе наступила постхристианская эра. Совершенно очевидно, что современный Запад — это уже выход в какое-то иное состояние, которое уже ничего общего не имеет ни с гуманизмом, ни с христианством. С этим кончено. О крахе гуманизма западными философами написано столько книг, что о гуманизме просто смешно говорить. Западные философы считают, что исчез сам человек. Я не считаю, что наступил общий крах гуманизма как такового, но как система взглядов гуманизм потерпел крах еще в XIX веке, — это все признают. С другой стороны, говорят о том, что, несмотря на какие-то мутационные изменения, существует связь современного Запада с Западом «нормальным», таким, каким мы его себе представляем. Чтобы понять ту связь, нужно обратиться к одному из самых глубоких реалистов, Л.Н. Толстому, который обладал удивительно тонким пониманием человечества. У него есть маленький рассказ «Люцерн». Это, кажется, единственное его произведение, которое касается его впечатлений о том времени, когда он жил на Западе. Описание психологии тех людей с математической точностью совпало с характерами тех людей, которых мы увидели, оказавшись там, на Западе. Мы были поражены, насколько точно это совпадение! (Толстой обладает удивительно верным, правдивым взглядом на человека, без всякого умиления и приукрашивания).

Россию считают мостом между Востоком и Западом, Европой и Азией, что очевидно и географически, и духовно. Нам приводят в пример Японию, Корею, которые сумели сохранить себя и в то же время создать технологическую цивилизацию. Что касается технологий, то это, несомненно, изобретение Запада; хотя об этом знали древние, но они не хотели пойти по этому пути, так как видели, какую опасность несет он человечеству.

Тем не менее, Запад пошел по этому пути, так как хотел подчинить материю своей эгоистической воле. То есть был выпад «эго» против природы. Запад настолько преуспел в этом, что стал побеждать материально остальные цивилизации. Прежде всего была почти полностью истреблена прекрасная цивилизация индейцев, которая была связана с древнейшими культурами, в которые была заложена глубочайшая эзотерическая философия. Далее двинулись на Восток, подчинили индийскую цивилизацию... Все это известно. Началась эпоха колониальных империй. Это был поход против восточных цивилизаций. Перед последними встала задача выжить, сохранить себя, свою духовность.

Россия была первой страной, которая смогла успешно ответить на этот вызов Запада, потому что она была ближе к Европе и обладала чер-

тами и европейской, и восточной цивилизации. Россия сумела создать при Петре Великом такую ситуацию, в которой и уживалась современная технология, и предотвращалась западная экспансия. Таким образом, одна из восточных цивилизаций сумела сочетать западную технологию и свою духовную самобытность. С большим опозданием то же стали делать и остальные восточные цивилизации. Такое сочетание было для них огромной проблемой, потому что денежно-технологическая система Запада полностью убивает духовность.

Каким образом восточные цивилизации могут создать современную технологию, сохранив свою духовность? Примером решения этой нелегкой задачи могут служить успехи Японии, Южной Кореи и т. д. Но действительно ли они сохранили свою духовность? Окончательное суждение об этом выносить еще рано, так как мы не знаем отдаленных последствий технологического скачка для уникальной культуры этих стран. На примере Индии мы видим, что идет непрерывная борьба между денежно-технологической цивилизацией и величайшей духовной цивилизацией. Борьба идет беспощадная.

Сейчас мы все активно заговорили о необходимости нашего духовного возрождения. Как Вы считаете, неизбежно ли при этом возрождение религиозности или возможна духовность внерелигиозная?

Есть так называемая врожденная нравственность, которая дана человеку так же, как дан, например, разум. Она присутствует в каждом человеке независимо от его религиозных, политических взглядов. Мы видим, что есть атеисты гораздо нравственнее, чем верующие... На человека нужно смотреть реалистически, не нужно его идеализировать.

Глубоко ошибался Джефферсон, который говорил, что человек от природы добр, дайте ему только свободу! Церковь была права: в человеке есть и добро, и зло. Человек — это глубоко противоречивое существо.

Проблема заключается в том, что для того, чтобы действительно победить зло, нужна помощь религии. Одна только врожденная нравственность не может победить то зло, которое есть в человеке, особенно в современном мире. Это происходит по многим причинам, в частности, по той причине, что чисто врожденная нравственность, без онтологического подкрепления как бы повисает в воздухе, то есть она не подкреплена на философском, метафизическом уровне. В любой религии нравственность основана на том, что в основе мира лежит Высший Разум

и том, что человеческая душа, или вневременная часть человеческого сознания, бессмертна и вечна. И это совершенно меняет картину.

Если мы возьмем атеистический вариант, то здесь нравственность бессильна при мысли, что со смертью все кончается. Если мир — это просто создание слепого случая, слепой комбинации материи, почему я должен быть нравственным, почему не дать волю своему эгоизму, не дать волю стремлению к наслаждению, к господству над другими людьми? Но вместе с тем, если нравственное начало является частью религиозного мировоззрения, ситуация, конечно, принципиально меняется, потому что в религиях очень подробно разработана идея, почему человек должен любить других людей, каким образом от этой любви зависит его судьба после смерти, судьба его единства с Богом. Так что здесь все соединено воедино, но это не значит, что обязательно любой верующий нравственнее атеиста. Это может быть верно, если это настоящий верующий. Но в религии очень много было лицемерия, формальной веры и т. д. Отсюда вытекает, что человек неверующий бывает нравственнее, чем человек верующий. Но в общем, из всего опыта истории человечества мы совершенно ясно видим, что нравственность тогда имеет полную силу, когда она подкреплена религией.

Кроме того, одной нравственности недостаточно для духовного воспитания человека. Ответить на вопрос: «Что такое Бог?» не сможет ни психология, ни социология, ни тем более политика. На этот вопрос может ответить только метафизика, религия и искусство, кстати.

Мои студенты мне говорят, что иные люди следуют заповедям Бога из соображений практичности, для того, чтобы получить там вечное блаженство. Что это именно более высокого порядка практичность, чем практичность тех, которые стремятся взять все при жизни. Поэтому тут нужны, видимо, не только те аргументы, которые вы привели, но и те, которые исходят из того, что Бог — это Абсолют, который не позволяет встать на путь нравственного релятивизма, когда все демагогически можно оправдать, коль скоро нет чего-то безусловного, не требующего обоснования, оправдания, рационального объяснения.

Кроме того, с помощью религии человек проецирует себя в вечность. О существовании реальностей вне нашего физического мира знали древние благодаря тому, что тогда, в те времена контакты с другими мирами до известной степени были даже бытовым явлением. Конечно, я говорю не о Боге, но о потусторонних мирах. Особенно это проявилось

в контактах магов с природой и ее «теневой» стороной. Эти контакты были настолько распространены, что людям просто не приходило в голову, что этот физический мир — единственная реальность и кроме нее вообще ничего не существует. А теперь произошло то, что этот «теневой» мир закрылся от нас, опасаясь необузданного стремления к тотальной экспансии, но можно сказать и так, что мы сами его для себя закрыли. Хотя, разумеется, «щели» и контакты существуют и сейчас. Но в целом же технологическая цивилизация сосредоточивает людей только на одной стороне природы и закрывает контакты с силами, которые стоят за природой. Конечно, никто не отрицает силу науки, но нужно ясно осознавать, что наука не является единственным способом познания действительности. Она познает только одну сторону реальности своим особым способом, в то время как другие стороны реальности просто исчезают из ее поля видения. Нужны разные способы познания реальности. Научный подход в том плане, в каком он понимается, недостаточен, потому что Бога и высшие миры нельзя исследовать в научном смысле этого слова. Его можно «понять» только суперрациональным познанием, интуицией, созерцанием и так далее.

Каким вам видится будущее нашей страны? Чего в вашем взгляде больше — оптимизма или пессимизма?

Я не пессимист и не оптимист. Я считаю себя в этом отношении реалистом. Реализм означает такое понимание природы человека, которое исключает как идеализацию человека, так и его очернение. Собственно, человеческое общество — это проекция самого человека. Поэтому человек в наше время, в нашу эпоху упадка причудливо соединяет в себе добро и зло, причем так, что и разъединить-то их иной раз невозможно. История современного человечества — это тоже переплетение добра и зла и часто каких-то нелепых утопий, неправильных интерпретаций религии и т. д.

Сейчас все открыто стали говорить о том, что коммунизм — это миф. Точно таким же мифом я считаю миф о демократии. Этот миф ничуть не лучше мифа о коммунизме. То, что происходит сейчас — это замена одного мифа другим. Во всем мире демократия чаще всего является прикрытием каких-то сил, которые властвуют в том или ином обществе. Ну, в случае Запада — это деньги, Большой Бизнес, банки... Поэтому я не верю, что можно создать какое-то идеальное общество. Нужно просто расстаться с этими мифами и понять, что при современном состоянии человека это невозможно. Этого никогда не было и не будет в наш космологический отрезок. Но это вовсе не означает, что все так плохо, беспросветно. Я аб-

солютно против нигилизма и пессимизма. Главное — существует жизнь, которая является бесценным даром, существует выход в высшие миры, существует связь человека с Богом. Таким образом, если нет оснований для оптимизма в смысле какой-то гармонии, то нет оснований и для пессимизма. Наше время — это какое-то экзотическое сочетание негатива и позитива, причем часто негативное доминирует, но это не значит, что позитивные силы не существуют, что они потерпели поражение. Вовсе нет.

Я не думаю, что смена политической власти вообще кардинально меняет человека. Разумеется, при этом я признаю, что устройство политической власти может быть лучше и может быть хуже. Но я против утопий. В этот период упадка — в период Кали-юги — человечеству могут быть даны особого рода откровения, особого рода понимание, которого не может быть в «золотой век» гармонии, потому что полная гармония до известной степени — это все-таки золотой сон. А наше время дает возможность человеку познать всю бездну скрытого бытия. Это можно сравнить с обострением болезни, когда человеку дается момент особого прозрения, познания жизни.

Юрий Витальевич, нашим читателям интересно будет узнать о вашем философском творчестве, о проблемах, которые вы освещаете в ваших философских сочинениях, о судьбе этих сочинений.

Мои книги и статьи этого плана так же, как и художественные произведения, переведены на французский, английский и другие языки. Сейчас начали появляться мои прозаические вещи в нашей стране, значительно меньше знают здесь мои философские работы.

Здесь два направления: первое — попытка познания России (этому посвящена работа «Новый град Китеж»), второе направление выражено наиболее полно в книге «Судьба бытия». Оно связано с восточной метафизикой, с индуизмом, но это не просто изложение эзотерических концепций индуизма, но и изложение моего собственного философского кредо. Идея книги связана с метафизикой «Я», причем, под этим «Я» понимается не «эго» человека, не его психика, а высшее «Я», которое ищут во всех религиях, во всей метафизике, то есть «Я», проекцией которого является все то, что мы называем человеком. В последней главе дается описание метафизических поисков, которые происходили в Москве в 60-х годах. Когда-нибудь мы, я и мои друзья-единомышленники тех лет, расскажем о том, как это было. У меня есть роман «Московский гамбит», в котором описаны все эти поиски. Работы, о которых я сейчас рассказал, находятся в московских издательствах и, я надеюсь, выйдут в следующем году.

В заключение я хотел бы сказать вот что. Мы живем в очень странное, социально тревожное время. Очень хорошо, что несмотря на ту тревогу, я увидел, что много людей интересуется вопросами духа, вопросами самопознания. Это дает какую-то надежду на то, что наша цивилизация будет существовать в изменяющемся будущем, потому что она живет вопросами не только материальными. Вместе с тем мы действительно переживаем трагические страницы нашей истории, но я надеюсь, что это время пройдет, главное, по-моему, чтобы не было крови и чтобы все наши боли и страдания не превратились в социальную катастрофу, чтобы наша страна во всей ее духовной самобытности была спасена. ■

ДУХОВНОЕ ПАДЕНИЕ НЕЛЬЗЯ ОСТАНОВИТЬ НЕВЕДЕНИЕМ И ЗАПРЕТАМИ

«Вечерний клуб», 30 июля 1992

Юрий Витальевич, вас устраивает, что к вашему творчеству применяют термин «сюрреализм»?

Относительно. Этот термин говорит лишь о том, что мое творчество не совсем укладывается в рамки традиционного реализма. Как многие писали на Западе, его истоки в «сюрреализме» Гоголя и фантастическом реализме Достоевского. А эта традиция, на мой взгляд, гораздо глубже обычного традиционного реализма, она работает со скрытыми, часто необъяснимыми сторонами человеческой души и мира. Поэтому я бы сказал, что для меня больше подходит термин «метафизический реализм». Я бы определил его как реализм, который выходит за рамки обыденной жизни, который пытается проникнуть, скажем, в параллельные миры и в слои человеческого «я», которые относятся не к психике, а к необычным сторонам человеческой души.

Не сталкивались ли вы с отождествлением вас с вашими героями?

Как правило, нет. Моя проза написана таким образом, что вы почувствуете — автор несколько отчужден и стоит в стороне от всего там происходящего.

Мне кажется, этому способствует и некая доля иронии, присутствующая в ваших произведениях.

Да, определенная доля скорее даже не иронии, а, может быть, черного юмора. Но это не означает, что я отношусь к своим героям отрицательно или положительно. Отношение более сложное. Я изложил его в философской работе «Метафизика искусства». Писатель должен играть роль творца — быть одновременно связанным со своим творением

и вместе с тем стоять над ним. Такова позиция художника. И я считаю, что искусство — это вид познания. Познания не только человека и мира, но и метафизического познания, познания Божества.

Что способно усмирить бездны, таящиеся в человеке?

Тут сразу встает вопрос: какие бездны? Потому что человек — очень сложное существо. В традиционных представлениях всех мировых религий человек является местом, соединяющим небо и землю. Он связан как с физическим миром, так и с миром промежуточным (то есть миром тонким, параллельным), так и с Божественным миром тоже. Поэтому в человеке есть бездны, которые относятся к высшим, Божественным мирам. И я думаю, связь человека с высшими безднами усмирить нельзя. Потому что человек создан свободным. Это означает не только возможность свободного прихода к Богу, но и выхода за любые догмы и метафизические пределы, то есть возможность свободного метафизического путешествия вверх. Но это связано, конечно, с огромной ответственностью человека перед своей душой.

Если же говорить о сатанинских безднах, то и здесь человек свободен. Таким образом, свобода сама по себе не является ни добром, ни злом. Зло, с моей точки зрения, означает выбор тех возможностей в человеке, которые ниже его высших возможностей, это стремление быть ниже, чем человек есть в потенции. Оно легче реализуемо, к нему влечет человека ложно понятая любовь к себе. Поэтому и эти бездны прикрыть довольно трудно. Особенно в наше время — время конца определенного этапа жизни человечества. Это может быть так называемый конец мира, может быть просто переход в иную форму цивилизации. Наше время переходное и называется Кали-югой.

И в это время предохранить от падения, по крайней мере, часть человечества практически невозможно. Поскольку это предназначено самой судьбой. Это падение, являющееся частью космического цикла, должно быть совершено. И здесь не нужно никакой сентиментальности, никаких иллюзий, никакого золотого сна — часть человечества обречена на зло. Но в принципе людей может спасти от этой низшей свободы падения стремление к высшей свободе. Вот что может закрыть эти бездны. В наше время их очень трудно закрыть неведением и почти невозможно — запретами.

Поэтому судьба человека так драматична и трагична. Другие — нечеловеческие существа, например животные, — совершенно детерминированы своей судьбой, они есть те, кто они есть. А человек — нет.

Страдания человека вытекают из его сути. Поэтому в человеческой истории столько напряжения, столько страданий.

Согласны ли вы с утверждением Генона о том, что западная религия, предназначенная для всех, распалась на догму для рассудка, мораль для души и обряды для тела?

С этим согласится любой человек, сколько-нибудь разбирающийся в духовной жизни. Запад переживает тяжелейшую духовную инволюцию и, я бы сказал, находится в состоянии духовной смерти. Те, кто у них это понимает, отчаянно пытаются выбраться из тупика. И дай Бог, чтобы им это удалось.

Духовно восприимчивые люди, побывавшие на Западе, могли в этом убедиться воочию. На эту тему написано много книг, некоторые из них переводятся на русский язык. Видимо, они скоро появятся в России. Сейчас же можно просто обратиться к русской классике — к Толстому (например, рассказ «Люцерн»), Достоевскому, Салтыкову-Щедрину... Я думаю, тогда для самого неискушенного человека будет все ясно.

Да, на Западе, конечно, сохранилась формальная сторона религии. Но большинство людей там или абсолютно индифферентны к ней, или религия дана в искаженной, примитивной, вульгарной форме. Это можно сказать о многих американских сектах или движениях. Это уже не религия, это даже ниже материализма.

Принято считать Россию страной, промежуточной между Западом и Востоком. Можно ли это перенести на понятие православия?

Но Россия не только мост между Востоком и Западом. Она является самостоятельной мощной духовной субстанцией, отличной как от Запада, так и от Востока. Иногда употребляют название Евразия, понимая под ним не только Россию, но и сосредоточенные вокруг нее народы, духовная судьба которых близка к российской судьбе. Конечно, нам надо торговать и дружить с Западом — все это нормально и хорошо. На духовном же уровне Запад абсолютно ничего дать нам не может. Если мы и можем что-то взять, то только с Востока — из тех сокровищ, которые там накоплены в древности. Но все это должно быть переработано в нашем ключе.

Что же касается православия, то это христианство как таковое, сохранившее в себе наиболее сакральную часть христианства — исихазм и учение об обожении человека. Оно сохранено только в православии, что делает православие хранилищем истинного сокровища христианства. Многие эзотерические моменты православия имеют параллели и в восточной духовности.

Когда и в чем, на ваш взгляд, заблудилось человечество?

Тот же Генон считал, что последняя точка падения произошла очень давно — где-то в начале нашего тысячелетия. Тогда католическая церковь не смогла воспринять эзотерические влияния и пошла по пути создания чисто формальной иерархии, которая объявила себя абсолютом. Потом роль абсолюта стала играть монархия. После ее падения абсолютом стала буржуазия с ее чисто материалистическими ценностями. И наконец, выступил пролетариат, вернее, от имени пролетариата начали выступать узурпаторы, которые окончательно довели материализм до абсурда. Такая примерно схема.

Но я бы сказал, что эпоху Кали-юги нельзя воспринимать так уж негативно, как ее обычно воспринимают. Все мировые религии говорят о том, что этот период духовной инволюции заканчивается созданием нового мира или в смягченной форме — созданием новой духовной цивилизации. Это как и в жизни человека — смерть автоматически влечет за собой рождение. Или, по-христиански, воскресение. Это во-первых.

Во-вторых, в этот период полной свободы всегда бывают какие-то особые духовные возможности. В том числе действительно необычайные, хотя они и редки. Когда на Западе торжествовала теократия, духовные возможности были весьма ограничены. Духовный путь был строго регламентирован католической церковью.

Хотя иногда допускались исключения. Скажем, Майстер Экхарт, который выходил за эти пределы. Но и, выходя за них, он не нарушал церковного учения. Он просто шел в ту сторону, которая не входила в круг учений, выработанных церковью. И в Новом Завете говорится о «явлениях», которые не может вместить мир. А церковь берет только то, что необходимо человеку для спасения. Но ведь совершенно очевидно, что Бог знает гораздо больше. Таким образом, Экхарт, не нарушая церковных норм, входил в сферу Великого Неизвестного. Для Востока — это нормально. Для Европы — это было уникальным явлением. Так что отдельные моменты свободы были. Но в общем это был теократический золотой сон, который регламентировал духовные поиски при помощи костров инквизиции. Они сжигали не только «силы зла», но и людей случайных, и людей достойных.

А сейчас в нашем распаде и хаосе, которым охвачено человечество, присутствует тотальная свобода. Здесь иногда люди могут открыть необычайно высокие горизонты, которые даже не укладываются ни в какие духовные традиции. И вместе с тем, — что нередко, — можно пасть так низко, что из этого уже никогда не выберешься. В общем, страшная, трагическая, противоречивая эпоха.

Следовательно, вы считаете, что нельзя так уж однозначно утверждать, что эпоха Возрождения была главной точкой падения, поскольку было перенесено внимание с Божественного на человеческое? Сейчас об этом говорят довольно часто.

Да, обычно так говорят. И в этом, безусловно, есть правда. Но проблема скорее заключалась в том, что последователи гуманизма, открывая сферу человеческого, совершенно забыли о Божественном. Получилось нарушение баланса. Само по себе это открытие не было столь пагубным, если бы не отрицание прошлого. Мне недавно случайно попались книги французских энциклопедистов: Вольтер, Ламетри, Гельвеций и т. д. Сейчас это читать просто дико! Это на уровне атеистической пропаганды времен застоя. До такой степени опрIMITИВИТЬ человека, унижить и свести его к полумашине-полуживотному, имея позади такое великое духовное богатство! И это называется веком разума, веком просвещения! Его результат — кровь, бесконечные революции, расовые боины, атомные катастрофы Хиросимы и Нагасаки. Гуманизм обернулся антигуманизмом, разум оказался антиразумом, просвещение обернулось диким, дремучим невежеством. И человек забыл о своем Божественном происхождении.

Что вы ощутили, вернувшись в Россию?

Я испытал такое необыкновенное счастье, которое может испытать только человек, на какой-то период оторванный от родины — от своих корней, от своего языка, от своей земли. Лишь испытав такой разрыв, можно понять, почему проблема России стоит в душе так остро.

И я хотел бы сказать следующее... Разумеется начав со слов: «Бог знает лучше». Я все же склоняюсь к тому, что период, который мы переживаем, — конец так называемой малой Кали-юги. То есть это не конец всего периода падения, когда разрушается определенная плоскость космоса — тот физический мир, который мы отождествляем с Вселенной, и открывается новый пласт. В нашем же случае в пределах одного физического мира заканчивается определенный цикл человеческой цивилизации и начинается новый. Иногда это связано с катаклизмами. Например, гибель Атлантиды, всемирный потоп. Но все же эти изменения происходят в пределах нашей физической земли. И я думаю, может быть, этот переход будет смягчен. И надеюсь, что в возникший новый период жизни человечества России будет принадлежать величайшая роль. ■

Интервью записал Владимир Тучков.

СУДЬБА БЫТИЯ – ПУТЬ К ФИЛОСОФИИ

«Вопросы философии», №9, 1993

Расскажите, пожалуйста, об основных вехах своей биографии, поведайте нам судьбу вашего бытия, о том, что было с вами, и о том, что вы пережили.

До эмиграции я был преподавателем математики. Но главный центр интересов лежал в двух плоскостях: литература и философия (метафизика). Вот эти два интереса и послужили причиной того, что вокруг меня в начале 60-х годов сложилась целая полуподпольная группа. Подобные группы были довольно многочисленны в то время. Постепенно создавалась нонконформистская культура.

Проблема заключалась в том, что моя литература совершенно выходила за грани социалистического реализма и за грани всего, что можно было напечатать в Советском Союзе. Поэтому я даже не делал особых попыток войти в официальную жизнь и публиковаться. Это было невозможно. Я надеялся на будущее. А в настоящем была та подпольная деятельность и то общение, которое развилось в те годы. Это немножко напоминало Древнюю Грецию, когда общение в основном проходило на устном уровне, оно состояло из чтения на квартирах, но эти чтения переходили в своеобразную мистику. Там было немного Достоевщины. Это походило на странное обнажение душ, и даже трудно было понять, где разница между литературой и жизнью. Но уже тогда речь шла и о метафизике. Но вначале мои интересы в этом отношении сосредоточивались на классической немецкой философии. Потом уже появилось влечение к Востоку, к Индии духа. Но в течение 60-х годов у меня складывалась моя собственная метафизика Я. Она выражена в работе под названием «Метафизика Я», которая входит в мою книгу «Судьба бытия». Уже после эмиграции «Метафизика Я» была опубликована на французском

и голландском языке. Кроме того, и мои рассказы имели явный метафизический подтекст, литература и метафизика шли рука об руку. Наша «подпольная» жизнь была интенсивной, но в отрыве от социальной и политической борьбы. Тем не менее, мы всегда были под угрозой. Если я не смог со своей литературой войти в официальную жизнь, то тем более это было немислимо в плане философии.

В ваш круг, конечно, входили художники?

Да, в наш круг входили художники, поэты, писатели, а кроме того — довольно странные люди, их можно было назвать бродячими мистиками, которые для Руси были характерны, особенно до революции. Эти люди ничего не писали, но создавали устное мировоззрение мистического порядка и особую духовную атмосферу.

Поскольку это было связано с литературой, со словом, то нас обычно весьма опасались. И в конце концов, такая отключенная жизнь влияла на молодежь. У нас были, например, такие поэты и художники, как Леонид Губанов, Саша Харитонов, Анатолий Зверев. Веничка Ерофеев тоже потом примыкал к нашему общению. Сейчас они достаточно известны. Но в то время они были полупреступники. И к 1974 году сложилась такая ситуация, когда нужно было что-то выбирать.

Итак, мы были просто вынуждены уехать на Запад.

Вы занимались Гегелем. Но у Гегеля «Я» не является фундаментальным понятием. Это, скорее всего, характерно для Фихте.

Да, скорее всего, для Фихте. Но, как я говорил, интерес к немецкой философии был моим первым философским интересом еще в юности, до становления нашего кружка. Потом центр интересов переместился в литературу. И я почувствовал, что стихийное, иррациональное выражение мистических откровений легче всего выражается в литературе, в форме рассказа.

А влечение к созданию «системы» появилось в середине 60-х годов. Это вылилось в конце концов в мистический текст «Метафизики Я», который все-таки был, как оказалось впоследствии, ближе к индуизму, к Веданте, хотя и не совпадал со многими ее моментами. Это был органический текст.

Чтобы закончить краткое описание метафизических поисков в наших подпольных кругах, я хотел бы подчеркнуть еще одну линию. К концу 60-х — началу 70-х годов у нас уже появились другие люди, в частности Гейдар Джемаль. Он сейчас ближе к исламу, но связан и с Россией, и с ис-

ламом. Но наши общие поиски привели к доктрине, которую мы назвали «Последней доктриной». Это чисто метафизическая доктрина. И она включает мою книгу «Судьба бытия». Сначала же идет моя «Метафизика Я», потом сравнение этой «Метафизики Я» с Ведантой, показываются сходства и различия и дается анализ индуистской метафизики в связи с проблемой «Я». А потом уже скачок в эту «Последнюю доктрину», которая выходит за все мыслимые пределы мировой духовной традиции.

Вторая часть была написана в Америке?

Да. Первая же была написана в 60-х годах. И вообще сам вопрос о происхождении «Последней доктрины» немного странен, потому что ее «проявления» появлялись в моих рассказах, потом было предположение, что якобы нечто подобное существует, но в очень распыленном и закрытом виде, в обычном экзотеризме, в обычной традиции. В начале 70-х годов она у нас более или менее окончательно выявилась. Потом Джемаль остался в России, а я уехал. Мы оба работали над одной доктриной. И дальше наши интерпретации этой доктрины разошлись. Его интерпретация выражена в книге, которая ходила в самиздате, но ожидается ее публикация — «Ориентация — Север»¹. А моя интерпретация этой доктрины изложена в последней части «Судьбы бытия».

Таким образом, эта доктрина, с одной стороны, создана нами, а с другой стороны, она, может быть, предсуществовала в обычной традиции, но только в скрытом виде.

Проблема здесь весьма серьезная, ибо это была попытка выйти за пределы мировой духовной традиции, которая лежит в основе всех религий и метафизики. Такие попытки выхода за эти пределы существовали, пожалуй, раньше, но уже в другом направлении — в гнозисе. В частности, знаменитая гностическая работа «Pistis Sophia». Автор работы до сих пор не установлен. Она знаменует собой совершенно неожиданный выход за пределы традиций, которые известны человечеству. Она выходит за пределы в совершенно другом отношении, чем наша доктрина.

И вот мы приехали на Запад. И что же получилось? Получился шок. Потому что Запад оказался совсем не таким, каким мы его себе представляли. Над нашими представлениями о Западе просто смеялись. Это был шок во всех отношениях, в том числе и в социальном. Пришлось сильно перестраиваться.

¹ Гейдар Джемаль. «Ориентация — Север». М.: Издательская группа «Традиция», 2019.

У меня все сложилось более или менее удачно. Я попал в Корнельский университет с помощью слависта Джорджа Гибиана, который знал мою самиздатовскую прозу, когда бывал в Москве. Жена устроилась в библиотеку. Университет этот знаменит тем, что там преподавал В. Набоков. Потом вышла моя книга художественной прозы на английском, благодаря которой я сразу был принят в американский ПЕН-клуб. Были и другие публикации на английском языке. И одновременно я продолжал свою вторую творческую жизнь — в метафизике. И здесь мне тоже повезло, потому что под Итакой, где мы жили, существовал один из лучших метафизических центров в США. Он был основан уже умершим философом Тони Дамиани. Дамиани написал удивительную книгу, касающуюся Божественного Ничто, то есть самого глубинного уровня Абсолюта, если так можно выразиться. За упоминание об этом в Древней Греции могли казнить. Греки не терпели таких прорывов в самое сакральное. Это было запрещено.

Дамиани получил инициацию из Индии, и это было связано с именем Рамана Махарши, одного из величайших метафизических гениев современной Индии. Вокруг нашего метафизического центра было довольно много людей, но в основном эти люди искали только то, что можно назвать «rease of mind» (мир в душе), то есть они искали успокоения от всех бед современной жизни, от конкуренции, от бесконечной борьбы, от страха перед смертью. . .

Но внутри этого центра было внутреннее ядро, люди, которые действительно занимались глубокими духовными исследованиями, практически в том числе. Это был частный центр. У них была земля, был построен центр медитации, роскошная библиотека. И потом начались мои публикации по метафизике, в частности, на французском языке, касающиеся Гурджиева, и, наконец, появилась «Метафизика Я», сначала в голландском, потом во французском журналах.

И затем новая эмиграция — эмиграция в Европу? Почему?

В начале 80-х мы переехали в Париж, фактически совершили вторую эмиграцию. Все-таки наше культурное зарубежье концентрировалось в основном в Париже. И Париж нас очаровал, мы все вспоминали слова, что русские могут жить на Западе только в Париже. Поэтому мы и совершили такой безумный скачок из Америки в Париж. Это было связано с большими потерями, но все же мы переселились. Я продолжал работать в качестве преподавателя сначала в Медоне, потом немного в Восточном институте. И во Франции тоже продолжались мои публикации, как по метафизике, так и художественной прозы.

Потом начался следующий этап, когда разрушился «железный занавес» и нас стали звать в Россию. Это случилось примерно в конце 1988 года. В России вышли три моих книги прозы, готовится издание «Судьбы бытия». Но главное, это было неистовое желание возвращения на Родину, потому что, конечно, без России было очень тяжело. Естественно, жизнь на Западе имела позитивные моменты, в частности познание мира. Но самое тяжелое там — это невозможность быть в России, разрыв с Россией. Это самое страшное, что было в эмиграции, страшнее всех неурядиц, которые могли даже выбросить на социальное дно, потому что не все выдерживали склад западной жизни.

Вы говорили о немецкой философии. А русской вы не занимались в то время?

Тогда — не особенно. Но удивительно то, что, на мой взгляд, в русской литературе, в ее подтексте, содержится более глубокая философия, чем в собственно русской философии. Русскую философию, в ее стихийной форме, мы больше тогда познавали из литературы. Это немножко связано, видимо, с тем, что русская литература и искусство возникли таким мощным взрывом, благодаря которому русский XIX век может считаться наравне с веком Перикла и с эпохой Возрождения. Это был океан гениев. И русскую литературу считают к тому же самой философичной в мире.

Что касается самой русской философии, которая обычно занимает какое-то среднее место между философией в западном понимании и богословием — то все, что ею создано, это только начало. России еще предстоит выразить себя в сфере философии и метафизики, по крайней мере, в той степени, как она гениально, но все-таки не полностью, выразила себя в искусстве и литературе. Россия слишком глубинна и значительна, чтобы не выразить себя с достаточной силой в такой исключительно важной сфере, как философия и метафизика.

Сейчас вы кому-то отдаете предпочтение?

В. Розанов всегда был весьма интересен для меня. До известной степени Бердяев. Любопытные откровения были у славянофилов, у Чаадаева. Видите, когда я говорил о том, что Россия еще должна выразить себя в сфере философии и метафизики, я этим не хотел сказать, что русская философия еще не вышла из детского состояния. Нет. Потому что здесь были удивительные люди. Например, Леонтьев, Федоров, Данилевский, который предугадал многие позднейшие западные работы. И, наконец, даже

такая альтернативная российская мистика, как мистика Блаватской, Гурджиева, которые получили большое признание на Западе.

И все же русскую философию я больше чувствовал через литературу, например, через поэзию Блока, Белого, Тютчева, Есенина. У меня есть специальная работа по этой теме, в которой выражено мое понимание философского подтекста русской поэзии. И, конечно, особенность русской философии состоит в том, что часто ее объектом становится сама Россия как таковая. Скажем, как объектом немецкой философии явились мировой дух или вещь в себе, или становление Абсолюта в мировой истории, так в русской литературе и философии объектом была сама Россия, сама страна становилась философско-мистической и метафизической реалией. Это крайне интересно, потому что такого нет нигде.

На Западе русская философия известна, конечно, меньше, чем сама западная. Это и понятно. Но сейчас в Германии проводятся большие исследования по русской философии и отмечают ее особенности, а именно ее дистанцию от норм западного рационализма, и этим, видимо, она привлекательна.

Как вы знаете, литература при коммунистическом режиме продолжала существовать, традиция почти не прерывалась. Ведь в советское время жили и творили такие великие писатели, как М.А. Булгаков и А.А. Платонов. А философская традиция — более тонкая, еще только нарождающаяся в России, и она трагически прервалась. Удар был нанесен чудовищный. В самый начинающийся расцвет русской философии вдруг все рухнуло. Поэтому сейчас надо все воссоздавать сначала.

Каково отношение к метафизике на Западе? Насколько характерны метафизические поиски для европейской философии?

На Западе в философии существуют как бы две линии: одна — академическая, другая — альтернативная. «Альтернативная» философия связана, главным образом, с Востоком. Причем эта философия тоже изучается в университетах, но фактически она выходит за рамки университетов и существует в различных обществах и центрах и часто привлекает молодежь, в то время как академическая западная философия в настоящее время носит более замкнутый характер.

Последним величайшим западным философом был Хайдеггер. Но дальше западная философия в основном вращалась вокруг частных вопросов, связанных с отношением между языком и реальностью, и замыкалась в довольно узкой сфере.

«Альтернативная» восточная философия, хотя в университетах не пользуется большой поддержкой, все же изучается. Однако главным образом в рамках западной ментальности с преобладанием рационалистического подхода. Но когда эти течения выходят за пределы университетов, они становятся действительно альтернативными, потому что практикуют мировоззрение, абсолютно противоположное тому, которое господствует в западном официальном мире вообще.

Скажите, Т. Роззак относится к такого рода альтернативной философии? Есть ли это попытка возродить, скажем, философию гностицизма? Это тоже альтернативная философия?

Я думаю, что это так. Альтернативность заключается не только в том, что существует мировоззрение совсем другое, чем официальное, господствующее, но и в том, что это мировоззрение привлекает значительное число людей. Отсюда все попытки ухода от западной денежно-технологической цивилизации. До известной степени восточная метафизика — вызов современной цивилизации в ее наиболее ярко выраженном западном варианте, когда обожествляются деньги и создается новая глупейшая американская утопия по формуле: «деньги решают все» — даже и проблему смерти.

Меня больше всего привлекали высший индуизм, восточная метафизика, но не индуистская религия. Здесь есть один тонкий момент, ибо индуизм — это очень широкое понятие. Одно дело индуизм как религия, это относится только к Индии, другое дело — индуистская метафизика, Веданта, йога, медитативная практика. Богореализация — это общечеловеческое достояние, стоящее над религией, ибо это означает вхождение в Божественную реальность путем знания, путем особого знания — не рационального знания, а сверхрационального знания. То есть это подход к Божеству не путем веры, а путем метафизических знаний и соответствующей духовной практики. Это выходит за пределы религии, ибо религия не единственный способ связи человека с Богом.

И сразу мне бы хотелось яснее выразить то, что коренным образом отличает восточное мышление от западного. Здесь можно перечислить много моментов. Один из них — подход, связанный с метафизическим знанием. На Западе все-таки преобладала вера, а не знание, хотя были определенные исключения.

Но более кардинальным отличием является то, что в индуистской метафизике не существует непреодолимой пропасти между Творцом

и творением, ибо она основана на концепции не-дуализма. Напротив, в западном сознании наличествует фатальный разрыв между Творцом и творением, между Богом и человеком. Исключением — до некоторой степени — является православная концепция обожения.

В применении к человеку ведантийский не-дуализм выражается, как известно, в знаменитой концепции тождества между Атманом (Божественным Я внутри человека) и Брахманом (объективным Абсолютом). Сама эта концепция является шоком для западного сознания, если оно способно воспринять это тождество как реальность. Такая пропасть непреодолима и в традиционном исламе (суфизм — это исключение, навеянное Индией).

Проблема заключается в том, что на глубинном Востоке абсолютно противоположная ситуация, то есть там считается, что высшим достижением человека является Богореализация и человек может достигнуть такой ступени, такого единства с Абсолютом, что «становится» не чем иным, как Богом, вернее, скрытое высшее Я в человеке оказывается абсолютным тождественным Богу. И на этом стоит вся восточная метафизика. Не религия. В пределах религии всегда есть определенный разрыв между Богом и человеком. В восточной метафизике этот разрыв уничтожается не за счет того, что «человек становится Богом», потому что такие претензии были бы чистым сатанизмом и даже бессмыслицей, а за счет того, что внутри человека находится определенное скрытое от него ядро — Божественное Я. И человек может, уничтожив в себе все человеческое, отбросив отождествление себя со своим телом, умом, психикой, с «эго», открыть в себе нечто Божественное и прийти к этому Божественному Я как к своему истинному Я. Таким образом, не человек «становится» Богом, а просто человек открывает в себе Бога как свое подлинное Я.

По восточной традиции, в своем высшем выражении человек, строго говоря, не является человеком. Это только оболочка, внутри которой находится Божественная реальность. И конечная реализация человека — это Богореализация, что означает, в общем, конец человеческого существования, то есть человек не становится Богом, а, наоборот, отсекает от себя все тварное, человеческое, включая свое индивидуальное Эго, и то, что остается, является божественной реальностью, Атманом, тождественным Брахману. На принципе тождества между Богом внутри человека и объективным Абсолютом зиждется, таким образом, вся восточная метафизика. Очень важно при этом знать, что временное, индивидуальное «я» человека, с которым он обычно себя отождествляет, не имеет ничего общего с этим высшим Я. Временное «я» — это то, что,

собственно говоря, и составляет индивидуальность человека, то есть тот комплекс, с которым обычно в жизни мы себя отождествляем. Цель заключается в том, чтобы убить в себе не только низшие отождествления, но и отождествления с умом, с «Эго». И путем этого «убийства» прийти к самому источнику мышления, к тому знаменитому вечному Молчанию, которое находится внутри человеческой души и которое выше любого проявления. Приход к этому абсолютному Я возможен в индуистской практике. Есть целый ряд путей к этому, в частности, йогическая практика. Ведь йога означает единство с Богом.

И кто же достиг такого единства с абсолютным Я?

Существуют случаи мгновенной прямой реализации этого состояния. Есть путь духовного самоисследования — это путь Рамана Махарши. По индуистским стандартам, это был человек, который при жизни достиг высшего статуса Богореализации. Это не означает полный уход из земной жизни. Это означает только то, что все человеческие качества продолжают существовать как бы формально, в том числе и «Эго», но в душе появляется совершенно иной центр. Представьте такое сравнение: вдруг у животных появляется человеческий разум, для них это бы означало переход в совершенно иное состояние. То же самое и в этом случае. Человеческое «Я» остается где-то внизу как придаток, а вместо него возникает то, что невыразимо на человеческом языке, возникает источник и мышления, и «Эго», временного «Я». Появляется реальное иное «сознание», и все это совершенно конкретно, существуют признаки этого состояния. Такой человек после смерти, когда человеческое «Я» полностью отбрасывается, переходит в сферу Абсолюта, то есть он не «становится» Богом, он есть Бог, потому что он пришел к своему истинному Абсолютному Я. Иными словами, не человек стал Богом, а человек оказался тем, кем он является в действительности, если отбросит свои человеческие оболочки.

Теперь немножечко о Махарши. Это был человек, который жил в первой половине XX века в Индии. Он пришел к определенному методу Богореализации. Этот метод довольно тонкий и называется духовным самоисследованием. Он заключается в постановке перед самим собой не ментального, а метафизического вопроса: «Кто есть я?» Это самоисследование идет в глубь нашей души до такой степени, что в конце концов мы приходим к обнаружению своего собственного источника, обнаружению того, перед кем являются мысли, кому задается этот вопрос, к открытию самого источника мышления. Невозможно об этом говорить

в интервью, но центр метода заключается в самоисследовании и в поиске ответа на вопрос: «Кто есть я?» Этот метод чисто метафизический, потому что он проходит не в сфере ментальности, ибо в этой сфере он не имеет смысла, он должен идти дальше к самораскрытию высшего Я, которое выше мышления и является его источником. Путем такого метода тот, который был скрыт, обнаруживается, причем раскрывается в разных формах, в том числе и в знаменитой триаде: чистое сознание, чистое бытие и блаженство. Иными словами, бытие, очищенное от всего феноменального, как бы сама первооснова бытия, плюс чистое сознание, то есть сознание без объекта, сознание, созерцающее само себя. Наконец, блаженство, связанное с переживанием нашего первоисточника и первоосновы. Это может быть достигнуто, скажем, классическим методом медитации, метафизической медитацией об Атмане, но в том числе и тем методом, который предложил Махарши.

Когда было обнаружено, что по всем признакам этот человек реализовал абсолютное Я (хотя могут быть разные степени реализации этого Я), по индуистской традиции, к нему стали стекаться ученики, в том числе с Запада. Постепенно он стал одним из величайших духовных учителей Индии, а после его смерти его учение вышло на Запад, по крайней мере, для определенного круга людей. Один из свидетелей, первый европейский человек, который видел Мастера и который впоследствии изменил свою жизнь, отказавшись от карьеры чиновника, пишет: «...мы взобрались на гору увидеть Его. Достигнув пещеры, мы сидели перед Ним, около Его ног в молчании. Мы сидели так долгое время, и я ощущал какое-то необычайно возвышенное чувство. Полчаса я смотрел в глаза Махарши, которые все время не меняли выражения глубокого внутреннего созерцания. И я начал осознавать, что тело есть храм Святого Духа и воспринимал только то, что Его тело уже не принадлежит человеку. Мои чувства были неопишуты». Таково было воздействие Духовного Мастера.

Если говорить о знаменитых европейских философах, то книга «Духовное учение Рамана Махарши» вышла с предисловием Юнга. Интересно отметить, что другой свидетель пишет: «И многие были потрясены именно этой красотой, этим излучением, которое само было просто отражением внутреннего состояния Мастера. Это было такое излучение, что я не мог выдержать его взгляд». Иногда при встрече искателя истины с Мастером не было никаких вопросов, а человек каким-то образом преображался, когда созерцал лицо Мастера при ситуации абсолютного молчания. Махарши ни о чем не говорил, с его стороны было только мол-

чание, но такое молчание, которое больше звука, больше слова, то Молчание, в которое погружен Бог в самом себе.

Рамана Махарши и некоторые другие Мастера Духа, их учения — вот тот Восток, который я увидел, находясь на Западе. Но был один человек, уже «западный», чье учение произвело на меня не меньшее впечатление. Речь идет о Рене Геноне, ученом, который родился во Франции, в католической среде. И Махарши, и другие индусы оценивали Рене Генона как одного из немногих людей за всю историю Запада, которые действительно поняли Восток. Потому что обычно было явное недопонимание, мягко выражаясь. И кончил свою жизнь Рене довольно неординарно. Он стал шейхом в Каире, приняв ислам. Хотя духовно он был ближе к индуизму, но ведь индуизм как религия связан только с индийской землей. Но метафизически Генон был, на мой взгляд, индуистом.

Странно, мне известно, что он принял ислам. Индуистом? В чем вы видите его близость индуизму?

Глубинные причины, почему Генон принял ислам, им самим объяснены. Он говорил о том, что в наш период католичество утратило возможность спасения. Почему? Потому что из него ушло духовное созерцание. Хотя Генон считал католичество традиционной истинной религией, но он все время писал о том, что в наш век происходит необратимая духовная инволюция, беспощадно умертвляющая человека.

Кстати, позднейшие генонисты подчеркивали, что в православии содержится этот принцип — принцип исихазма, молчания, созерцания, то есть тот принцип, который был утерян в западно-христианской церкви, но благодаря которому только и возможен подлинный контакт человека с Богом. Совершенно очевидно, что именно в традиционном православии это сокровище еще сохранено, в то время как в западном христианстве оно утрачено.

Поэтому Генон совершил такой резкий поворот, приняв ислам. А между тем основные его работы связаны не только с исламом, скорее, они связаны с индуизмом. Скажем, одна из самых гениальных работ Генона — «Человек и его становление согласно Веданте». По духу он, я думаю, был ведантист.

Сам генонизм включает три кардинальных момента. Первый заключается в том, что Генон сумел дать в своих работах истинную интерпретацию фантастического духовного богатства Востока. На Западе, конечно, были определенные знания о Востоке Духа и раньше. Но знание и понимание не одно и то же.

Второй момент — переоткрытая Геноном Sophia Perennis, то есть традиция «Вечной Мудрости», которая говорит о том, что в подоснове всех мировых религий лежит единое духовное течение, которое можно назвать Традицией, мировой эзотерической традицией. Представьте себе такую картину. Бог изображается в виде Солнца, а лучи, исходящие от него, — религии. Важный нюанс заключается в том, что чем ближе к земле, тем больше эти лучи расходятся между собой. Но у Солнца, при переходе к Абсолюту, эти лучи все более и более сходятся, все более сливаются в нечто единое.

Может быть, это — вариант экуменизма?

Это все, что угодно, но только не экуменизм. Экуменизм — чисто социальное явление, ориентация на сближение церквей и людей разных религий. Здесь же говорится о том, что в самой глубинной подоснове религий лежит определенное метафизическое знание, которое было дано человеку высшими силами или получено другими способами, не только через Откровение.

На Востоке не только Откровение является источником такого рода знаний, но и собственное усилие человека, но не в форме рациональных попыток и обобщений, а в форме активизации так называемой сверхрациональной интуиции, интуитивного познания, которое относится к компетенции уже сверхрационального разума. Это познание сверхчеловеческое, то есть мгновенное познание того, что ты хочешь познать.

Дополнительным фактором на традиционном Востоке являлось и мощное развитие оккультного познания, если под оккультизмом понимать познание ближних к нам миров и их ценностей. И все это было связано с теми способностями, которыми люди обладали в древности.

В журнале «Вопросы философии» (№4, 1991) было напечатано несколько заметок Р. Генона и предисловие к ним Ю.Н. Стефанова. Р. Генон известен как критик европейской цивилизации. Но, может быть, это не только критика европейской рационально-технической цивилизации, но и цивилизации вообще?

Это третий кардинальный пункт — критика Геноном современной цивилизации, наиболее убедительно выраженная в знаменитой книге «Царство количества и знамения времени». Под современной цивилизацией Генон подразумевает цивилизацию, развившуюся на Западе, начиная с эпохи Возрождения и кончая нашим временем, в котором ее черты и ее итог наиболее ярко выражены. Генон считал,

что типическими чертами этой цивилизации являются профанизм, господство количества над качеством (над духовным качеством) и наличие контртрадиции, извращающей все духовные принципы. Вместе с тем вхождение в эту стадию истории связано с так называемым «затвердением» материального мира, когда благодаря новой направленности человеческого разума на интерес к чисто материальному миру нарушился контакт человека с более тонкими мирами (так как космос и разум связаны друг с другом), что привело к абсолютизации материального мира. Параллельно проходила утрата знаний эзотерического порядка и духовная деградация, включая деградацию восприятия и понимания традиционных религий. В конце концов изменился сам человек. Таковы выводы Генона.

Чтобы увидеть эту разницу между людьми разных цивилизаций, возьмем, может быть, несколько странный с первого взгляда пример — Александр Македонский и Наполеон. Два величайших полководца мира. Тем не менее, разница между ними колоссальная. Если вы знакомы с историей Александра Македонского, то вам совершенно очевидно, что этот человек, как многие властители того времени, был посвященным и мог вступать в контакт с силами, которые на нашем языке называются потусторонними. На самом деле, тогда они вовсе не были «потусторонними». Возьмите блестящее эссе нашего поэта М. Кузмина об Александре Македонском, в котором говорится о том, что после того как Александр Македонский побывал в Индии, он, оставаясь «земным» полководцем, стал человеком, который пытался покорить стихии и астральные пространства. И одной из такого рода заслуг Александра Македонского явилось то, что он сумел запечатать «ворота», в которые могли войти знаменитые «племена», упоминаемые в Библии как Гог и Магог.

Действительно, между нашим миром и параллельными мирами в древности существовал гораздо больший контакт, чем в наше время, и в этом-то и была принципиальная разница. Тогда материализм просто не мог существовать, в то время как сейчас многие католики на Западе говорят, что их тошнит от их собственного же материализма. Такой материализм не был возможен в древности хотя бы потому, что контакт с так называемыми невидимыми силами в античное время был частью обычной жизни. Это сейчас настолько непонятно людям, что некоторые американские исследователи считают, что в тот период человечество повально страдало шизофренией. Это, конечно, нелепость. Кстати, психические болезни развились как раз в нашу эпоху. В то время, я думаю,

их было гораздо меньше. Тогда действительно был контакт с различными силами, стоящими над природой, с силами, исходящими из ближних к нам регионов. Причем это принимало такие формы, которые для современного человека были бы совершенно немыслимы.

Вернемся к Александру Македонскому и к племенам Гога и Магога. В эзотерической интерпретации — это вторжение враждебных человечеству существ в нашу земную жизнь, вторжение, которое грозит чудовищной катастрофой для человечества и которое связано с расширением так называемых потусторонних «щелей», то есть «каналов», по которым эти существа могут проникать в наш мир. В древней истории Китая был такой момент, когда эти силы тоже пытались проникнуть и с помощью определенных знаний маги и мудрецы Китая как бы «зашили» эту щель. Но для этого нужно было обладать огромными знаниями и таким пониманием мира, которое сейчас полностью исчезло из сознания человечества. Александр Македонский такими знаниями обладал, и он совершал такого рода магические операции.

Теперь возьмем Наполеона. Смешно даже сравнивать, настолько велика разница между ним и другим завоевателем. И эта разница очевидна, вопреки тому, что иногда утверждается, что человек во все исторические эпохи одинаков. Представить себе Наполеона в качестве великого мага — невозможно. На примере Наполеона и Александра Македонского видна бездонная разница между двумя мирами. Генон считал, что западная цивилизация, точнее современная цивилизация (ведь она возникла на Западе), обречена, ибо целью истории является не колбаса или компьютеры, а человек. Современная же, западная, цивилизация, по его мнению, оказалась препятствием для духовной реализации человека, ибо она подчинена контртрадиции, в которой все ценности перевернуты и обратны нормальной духовной традиции.

Кроме того, за технологическую цивилизацию придется платить и платить по большому счету, потому что все эти изобретения были совершены при нарушении важных скрытых законов природы и ее равновесия, о которых знали древние. Древние жрецы отлично понимали, что может быть такой ход развития, когда путем рационального знания вы получаете контроль над внешней стороной природы. При этом происходит нарушение внутренних законов. Природа связана с так называемым астральным миром, то есть с более «тонким» миром, чем наш, с промежуточным миром, и вторжение в природу может привести к тяжелейшим последствиям. Природа — это живое существо.

Здесь сразу встает роковой вопрос о космических циклах, потому что проблема заключается в том, что денежно-технологическая цивилизация является препятствием на пути раскрытия потенциальных возможностей человека. Кроме того, она основана на мировоззрении и на ментальности, которые неизбежно исчезнут, как только будет опять вторжение тех сил, о которых современное профаническое человечество не имеет никакого представления.

Вся современная стандартная западная ментальность основана, по существу, на убеждении, что наш физический мир — замкнутая система, из которой нет выхода. И вся реальность заключена, как в тюрьму, в этот видимый мир. Вне его ничего нет. То, что лежит за его пределами, — это даже не платоновские тени, а вообще нечто абсолютно неизвестное, которое не принимается во внимание. Отсюда — экзистенциальное одиночество человека. Возможно, это представление о замкнутости, как все в мире, имело свой плюс, потому человек должен был как-то сосредоточиться на самом себе, ибо такая открытость, которая была в античный период, такой контакт с другими мирами были слишком тревожны для человека. Здесь есть какой-то позитивный момент, но в общем, конечно, как только замкнутая система разрушится, тогда полностью рухнет вся эта современная цивилизация, которая основана на примитивных иллюзиях, выдаваемых за здравый смысл. Культ денег, культ обывательской жизни и массовой культуры неизбежно ведет к идиотизации жизни, что является проявлением текущей духовной инволюции в ее наиболее карикатурной форме.

Но не является ли такое мировоззрение эсхатологическим, ожидающим конца мира и прихода Антихриста?

И здесь, конечно, вы подвели меня к тому, чтобы сказать пару слов о так называемом конце мира, о котором сейчас многие говорят.

На Западе существуют три течения в этом плане. Официальное господствующее мировоззрение основано на идее, что замкнутый «материалистический» мир обеспечивает якобы безопасность человеческого существования, его комфортность и спокойствие. И это ощущение безопасности и комфортности продлится — согласно таким представлениям — бесконечно долго. Но в это трудно поверить, тем более такое ощущение сейчас уже начинает исчезать. Кроме того, в истории всегда присутствует фактор «икс», фактор непредсказуемости, фактор неожиданности, который путает абсолютно все карты.

В начале XX века большинство философов и писателей считали, что XX век будет веком мира, любви, бесконечного прогресса. Что случилось, мы знаем.

Две другие перспективы заключаются в следующем. Первая в том, что конец мира будет в ближайшее время, даже по человеческим меркам. Это мнение основывается на разных признаках, включая глубочайшую степень духовной деградации современного человечества и возникновение контртрадиции, подготовляющей приход Антихриста. Так обстоит дело согласно этой концепции.

Кстати говоря, так называемый конец света не означает, разумеется, конца бытия.

Во-первых, это конец только нашего среза реальности. И, во-вторых, это воссоздание нового мира, нового неба и новой земли. Это означает, что завершение одного цикла ведет к началу нового.

Другая доктрина (восточная) не говорит о близком конце мира, в ней утверждается, что в этом последнем периоде (Кали-юга) есть так называемые подпериоды, так называемые малые кали-юги, конец которых не означает конца физического мира и начала нового неба и новой земли. Он означает радикальную смену цивилизации и духовности, грандиозные катастрофы, в том числе геологические, изменение климата Земли, наводнения и т. д. И одновременно с этим, естественно, меняется и ментальность людей, возникают новые цивилизации на нашей физической земле.

В этой доктрине говорится, что мы живем в период конца малой кали-юги, в период агонии старой цивилизации и начала новой, и весь этот переходный процесс растягивается на несколько столетий. Кстати, в этом случае у России есть большой шанс, потому что в традиции говорится о том, что наш таинственный евразийский континент имеет великое духовное будущее, и он сохранится. ■

Беседу вел А.П. Огурцов.

ЛЮДИ ЗАДАЮТ СЕБЕ НЕВЕРОЯТНЫЕ ВОПРОСЫ...

«Книжное обозрение», №34, 27 августа 1993

Юрий Витальевич, в издательстве «Терра» выходит наша книга в новой серии «Литература». Расскажите о ней, пожалуйста.

Эта серия основана издателем с целью выявить, если можно так выразиться, прижизненную классику, то есть литературу с большой буквы. Первой книгой в этой серии был том Тимура Зульфикарова. Второй — мое «Избранное», в которое вошли впервые изданный в России роман «Шатуны» (один из центральных моих романов, написанных еще в подполье в 60-е годы), роман «Московский гамбит», ранее опубликованный в журнале «Согласие», и мини-роман или повесть «Крылья ужаса», а также рассказы.

Что это за роман «Шатуны», написанный вами в застойном подполье?

История романа весьма любопытна. Я пробовал опубликовать его в американских издательствах и увидел крайне странную реакцию, нашедшую свое отражение в характеристиках романа (что-то вроде внутренних рецензий) для ряда американских издательств. Одна из них, написанная одним из лучших специалистов по русской литературе, говорила о том, что роман «Шатуны» исключителен по силе, но мир еще не готов к этой книге...

Что-то из булгаковского «Театрального романа»: пьеса не будет поставлена потому, что она всем очень понравилась...

Нет, это совсем из другой оперы... В том случае это означало то, что образы романа, ситуации, трактовка темных сторон человеческой души настолько поразили, казалось бы, ко всему привыкших американ-

цев, что они ужаснулись, и большинство американских издателей отказались публиковать «Шатуны».

И все-таки нью-йоркское издательство «Tarpinger» решило опубликовать роман, правда в сокращенном виде, выбросив одну треть. Конечно, не по политическим причинам, а по психологическим...

Франция оказалась для меня более подходящим вариантом. Несмотря на то, что наша жизнь в США складывалась благополучно, мы с женой решили уехать во Францию, потому что там в культурном и психологическом отношении нам было гораздо лучше, чем в США. Франция — это исторический приют для русских изгнанников. Итак, мы оказались и Париже, начали новую жизнь, новую эмиграцию. Французы встретили мой роман иначе, он был впервые опубликован полностью в большом издательстве «Робер Лафон» и вызвал мощную реакцию в прессе.

Он вышел на русском?

Нет, на французском. Один из самых известных западных искусствоведов Жак Котто написал статью о романе, в которой называл меня достойным наследником Гоголя и Достоевского. Проводя эту линию, он вспоминал также имена Сологуба и Платонова. В рецензии Котто отмечалось, что роман «Шатуны» не для нежных душ (так он деликатно выразился), что это страшный роман, что он переворачивает все основы человеческого сознания... Было и такое любопытное замечание: мол, русский человек мечется между двумя крайностями — самоунижением и мощным самовозвеличиванием... Роман был признан из ряда вон выходящим, элитарным, он оказался необычным не только для американцев, но и для европейского менталитета.

В прошлом году роман вышел на немецком. В Германии была такая же бурная реакция, но уже другого плана: более философическая. Французы укладывали этот роман в русло произведений так называемых «проклятых гениев». Есть у них такая традиция — проклятые поэты — Бодлер, Рембо... те, кто бросал вызов обыденному сознанию. Немцы же рассматривали «Шатунов» под другим углом.

Расскажите о «Шатунах» поподробнее.

Скажу несколько слов, необходимых для понимания романа. Я родился в семье психиатра, одна моя родственница была психопатологом. Хорошо зная эту сферу, я использовал ее для показа моих героев в «Шатунах». Но целью моей было не изображение безумия. Достоевский исполь-

зовал криминалистику для раскрытия нравственных истин. Мне же нужны были знания из психиатрии для показа парадоксальных, «запретных» сторон человеческой души. Таков был один из методов создания романа. Второй метод — метод интуитивного проникновения в скрытые тайники души. «Видимый» человек, которого мы знаем из нашего общения, это только маленькая часть всего человека. Вот в эти скрытые стороны я и пытался проникнуть и, исходя из неожиданных, странных, темных сторон человеческой души, творить характеры. Кстати, в той американской рецензии, о которой я говорил ранее, отмечалось, что в русской литературе есть такая особенность — творить характеры из потаенных сторон человеческой души; в частности, это было чертой творчества Достоевского.

Характеры, изображенные в «Шатунах», — не средние типические люди. Таких людей вообще нельзя встретить на улицах Москвы, Лондона, Парижа. Это — исключительные люди в исключительных ситуациях. Поэтому мой роман не носит социальный и т. п. характер. «Шатуны» — роман о действительно необычных людях. Некоторые из них в самом деле похожи на монстров. Но не исключено, что то неведомое, о котором идет речь в романе, может скрываться в глубинах почти каждого человека — хотя он об этом может и не подозревать. На каком-то уровне «Шатуны» — это поиск бессмертия и спасения в аду.

Возникает соблазн считать всех этих героев какими-то исчадиями ада. Думаю, не все они такие. Все дело в том, что эти люди начали задавать себе вопросы, на которые человеческий разум, вероятно, не в силах дать ответа. Иными словами, люди пересекли дозволенную границу, вступили в темную сферу метафизически неизвестного, стали путешественниками в духовно неведомое. Их необычная «монстрность» скорее всего в этом случае — оболочка. В душе они не адепты зла, во всяком случае — далеко не все. Скорее всего, даже наоборот. Эти люди стремились к почти недостижимому. Естественно, их сознание надломилось — и это плата за путешествие в черную сферу неизвестного.

Второй роман — «Московский гамбит» — в некотором роде противоположность «Шатунам», и вместе с тем он имеет много общего с «Шатунами». Общее в том, что там тоже изображены люди, которые задают себе совершенно невероятные, духовные, метафизические вопросы, связанные со смертью и бессмертием, отношениями между Богом и «Я» и т. д. Но этот роман написан совершенно иначе, в строго реалистической манере. Последнее было вызвано тем, что в «Московском гамбите» я попытался изобразить людей, которые окружали меня в моем художе-

ственном и философском подполье в Москве. Это реалистическая фиксация этого круга...

Записки из подполья?

Да-да... Там имеются прототипы, порой присутствует почти буквальное изображение. Я использовал обычный метод художественного реализма. Во-вторых, в «Московском гамбите», в отличие от «Шатунов», атмосфера нравственно противоположная. Кстати, в одной рецензии я читал, что в этом романе — добрая аура и все показано так, как будто люди, пытающиеся прорваться в запредельное, не всегда связывают себя с безумием, надрывом. Словом, атмосфера в романе гораздо более человеческая, чем в «Шатунах»...

И наконец, следующая моя вещь в этом сборнике — «Крылья ужа-са» — написана в моей обычной манере, в духе, условно говоря, сюрреализма и метафизического реализма. Но все же это не «Шатуны», это немножко другое... Потом идут рассказы, но о моих рассказах уже много написано, не буду больше о них распространяться. Отмечу только, что эти рассказы разбиты на несколько циклов. Некоторые написаны в эмиграции. Есть цикл народно-мифологических рассказов, основанных на русских легендах, вернее, на их интерпретации. Он тоже написан в эмиграции. Есть рассказы из американского цикла, они написаны об американской жизни, из них важнейший — «Чарли».

Юрий Витальевич, так как же вас все-таки называть? Сюрреалист, метафизический реалист, модернист, постмодернист? Если вам пришлось бы писать статью о писателе Мамлееве в «Литературную энциклопедию», какой термин вы бы использовали?

Я прежде всего Мамлеев.

Это жанр, стиль, метод?

Это реальность. А что касается метода... Сюрреализм — здесь очень условное и широкое понятие; наконец, я ни в коем случае не отношу себя к постмодернистам или к чистому авангарду. У меня свой метод. Какая манера у Платонова — этого, наряду с Булгаковым и Набоковым, одного из величайших мировых писателей нашей эпохи? Что такое «Котлован»? Сюрреализм или реализм?... У меня своя уникальная манера, которая ближе всего к такому определению, как метафизический реализм. Почему? Да потому, что это все-таки реализм, но не совсем обычный. Ведь

только одна моя вещь написана методом обычного реализма — «Московский гамбит». А остальное — выявление скрытых реальностей духовного космоса и человеческого бытия. Это встречалось — в другой форме и при другом подходе — и в средневековой литературе, например, где персонажами были не только люди, но и духи, все, что угодно. Так что метафизический реализм означает реализм, который выходит за грани обыденного реализма, дневного реализма, критического реализма...

Читая вашу книжку, вышедшую в «Московском рабочем», думаешь, что все-таки метод Мамлеева — не реализм, тогда как у того же Платонова метод — реализм...

Я не думаю так, все зависит от того, что понимать под реализмом... Гоголя в его петербургских повестях называют сюрреалистом, более того, многие на Западе считают его первым сюрреалистом и основателем этого течения. Другие продолжают считать реалистом. Вот и тема для разбора. Мировое литературоведение сейчас много занимается Гоголем... И учтите, большинство моих рассказов основано на действительных случаях.

У Гоголя тоже в основе лежат анекдоты... Так кто же ваши учителя?

Уникальность, вообще-то говоря, не мешает чувствовать за собой дыхание предшественников. По Достоевскому, все мы вышли из «Шинели» Гоголя. Но «Братья Карамазовы» мало похожи на «Шинель». Я чувствую себя глубоко русским писателем и всем обязан великой русской культуре. Я не нахожу особых аналогов и параллелей себе в западной литературе, хотя критика порой и вспоминает в этой связи Эдгара По, например. В нашей литературе это, конечно, не линия Тургенева и Толстого, не линия Горького, хотя некоторые его вещи я очень люблю. Моя линия — линия Гоголя и Достоевского, а через них ведущая в XX век — прежде всего к Сологубу; дальше, может быть, к «Крестовым сестрам» Ремизова. Потом Платонов, я ощущаю к нему какую-то странную близость; но читать его я стал относительно недавно, уже оказавшись в эмиграции...

Спасибо за беседу. ■

Беседу вели А. Щуплов и Д. Ильичев.

МОИ ГЕРОИ ЗАДАЮТСЯ ВОПРОСАМИ, НА КОТОРЫЕ РАЗУМ НЕ В СОСТОЯНИИ ОТВЕТИТЬ

«Литературная газета», №7, 16 февраля 1994

Вы возвратились в Россию в момент грандиозного социокультурного слома. Споры о будущем страны не могут, разумеется, не затрагивать и сферу ее духовного развития. Например, в СМИ усиленно проводится мысль о том, что русская культурная традиция лежит в основе нашего нестроения, нищеты, неумения обустроить жизнь экономически. Идет полемика о роли литературы: что она такое — высшая реальность, поиски утраченного смысла или игра творческого воображения, эстетический произвол забавляющегося «складыванием» слов индивидуума? Какую позицию вы бы заняли в этом споре?

Особая роль русской литературы, ее духовность и философичность — это наша отечественная традиция. Полагать, что литература в чем-то виновата, а тем более виновата в каких-то социальных или даже экономических неурядицах — абсурд, причем абсурд явно тенденциозный. К тому же не стоит упрощать соотношение духовного и социального. Их связи несомненны, но не столь прямолинейны, как иногда представляют. Если литература оказывает влияние на общество, это не только огромный плюс литературе, но и свидетельство высокой духовной отзывчивости данного общества. Здесь следует отметить один очень важный момент. Общественное значение русской классики было извращено теоретиками социалистического реализма, их усилиями литература стала орудием социального изменения людей, то есть творчество ставилось на службу политическим целям. В нормальных же условиях воздействие литературы гораздо более тонкое и вместе с тем более широкое. Наш XIX век в культуре отмечен совершенно необычайным духовным взлетом. В какой-то мере русская классическая литература стала

и нашей философией. По-моему, эта ее роль должна продолжаться, убеждая от соблазна пути, которым двинулись многие на Западе. И наконец, главное: из анализа мировой истории становится ясно, что в плане глобального выживания того или иного народа страны весьма важное значение имеет мощь его духовной культуры (и, конечно, религии), помимо, естественно, ее экономической и политической мощи и основанной на этом независимости. Здесь необходимо сочетание нескольких факторов. Но именно те страны, которые обладали уникальной и самобытной культурой, не только выживали, несмотря на все исторические бури, но и занимали ключевое и достойное место в истории человечества. Создавалось впечатление, что какие-то силы хранили их.

Недавно я слышала выступление одного из самых влиятельных литагентов в Америке, кстати, он из семьи наших великих писателей Андреевых, и говорил он поразительные вещи: как делается бестселлер, как, чувствуя конъюнктуру общественных настроений, он подсказывает писателю выгодную тему. Словом, настоящая индустрия по «организации» книги, причем весьма искусная. Куда нашим прежним руководящим партпостановлениям по литературе с их казенным языком!

Подобная практика, с большим или меньшим успехом, существует на Западе. Там бестселлер — своеобразный наркотик, средство самогипноза, уводящего человека от реальности, блокирующего глубокие переживания и размышления. Так возникает феномен современной массовой культуры, цель которой — профанация духовного начала, уничтожение его в человеке. В этом смысле влияние искусства, творчества на внутренний мир личности неоченимо. Более того, миссия культуры, до известной степени мистическая, философская, может помочь войти в совершенно новую фазу цивилизации, которая идет на смену нынешнему циклу.

Вы говорите о смене цивилизационного цикла, это, как видно, чревато катастрофами. Что поможет выстоять?

Если такая смена в ближайшем историческом будущем наступит, то, как и всякие глобальные перемены такого рода, она может сопровождаться самыми неожиданными катаклизмами. Спасти от этих катаклизмов по большому счету может только Провидение. Однако я — по целому ряду причин — глубоко верю в спасение именно России. Мотивы этого спасения — в ней самой, в ее глубинной таинственной духовной сущности, открытости иной реальности, которая придет на смену современной гру-

бо материалистической цивилизации с ее идиотической иерархией ценностей. Таким образом, для того чтобы выжить и достойно перейти в новую эру, России нужно прежде всего одно — самосохранение. Самосохранение духовное, экономическое, политическое и др. Сохранение своих недр, богатств, интеллектуальной силы, души. А если Россия сохранит себя, то, надеюсь, высшие силы защитят ее, ибо именно такая Россия сможет положить начало новой духовной эре и сыграть в ней решающую роль.

В романе «Московский гамбит» между героями, людьми творческими, вспыхивает спор о том, что невысказано все время существовать в подполье. Время действия романа — конец 60-х — начало 70-х. В те годы в России было несколько «подполий»: одно — политизированное, так называемые «правозащитники». Одно — христианское, его представитель, в частности, ныне известный писатель Л. Бородин. Тогда про них мы совсем ничего не знали, во всяком случае, о Синявском, например, писали больше. И существовало еще мощное «подполье» вольных философов и мистиков. Вот о них — «Московский гамбит». В романе прозаик Муромцев говорит, что подлинная культура только и может существовать в подполье. Ну, а когда все позволено...

То, что высказывал мой герой, было распространенным мнением среди неофициальной интеллектуальной элиты. Оно основано на том, что великая литература рождается из чувства сопротивления реальности. А подполье здесь понималось не как политическое или социальное, а личностное. Мир настолько неудовлетворителен в глубоком смысле этого слова, что человек восстает против него и выдвигает контрреальность — свое видение мира, начиная творить собственную реальность. А с другой стороны, здесь вот что получается. Когда сняты идеологические запреты, цензурные и даже психологические, это совсем не означает, что в душе человеческой наступит состояние некоего самодовольства и благополучия. Дело в том, что нынешнее состояние мира в целом вызывает такое чувство тревоги и неустроенности, что способно породить космическое сопротивление происходящему на Земле. Великие умы давно увидели грядущее завершение нашего цикла.

Многие ваши герои остро ощущают приближение этой грани.

Это скорее ощущение конца, но, пожалуй, не всей истории, не Апокалипсиса в религиозном смысле, а конца определенного исторического этапа. Вот на этом переломе и может родиться даже «офици-

альная», но великая литература, минуя социальное подполье, а скажем, в условиях космического подполья. Именно в этом экстремальном положении и возможна ситуация, когда, как метафорически говорит мой герой, русская литература может стать «сокровищем конца мира». В такие периоды все скрытое как бы обнажается. Те вопросы, которые мучили человечество, предстают во всей ясности, точно так же, как перед смертью человека проходит перед ним вся его жизнь, все его грехи и ошибки... Так и перед человечеством откроются вдруг все бездны и провалы, которые были в его предыдущей истории. Откроется прорыв к новым ориентирам и путям. Только бы Россия выдержала нынешние испытания, выпавшие на ее долю, и была бы готова к иной судьбе, устояв как самостоятельный, уникальный мир.

Ныне бытует мнение, что XXI век станет веком единой планетарной цивилизации. Вот как рассматривает, например, социальную эволюцию в мировом аспекте известный западный авторитет Ж. Аттали, считая ее неизбежной: Торговый строй постоянно стремится к организации единой универсальной формы мирового масштаба, кочевничество будет высшей формой Торгового строя... Магнитная карточка станет... подлинным протезом индивидуальности, протезом «Я» человека, открывающим ему доступ к универсальному Рынку... Деньги будут определять в нем законы... Вопрос вот в чем: ожидает ли подобное будущее Россию? Конформируем ли мы с этим обществом или, по тому же Аттали, станем «козлами отпущения»? Уйдем с арены истории? Или?...

Многие исследователи на Западе пишут в подобном духе о создании единой цивилизации (хотя тут же находятся и те, кто выдвигает возражения). С моей точки зрения, эти идеи — типичный пример переноса ситуаций и тенденций настоящего времени на будущее, а такой перенос, как правило, глубоко ошибочен. Дело в том, что обычно в истории происходят совершенно неожиданные повороты, события, которые почти невозможно было предвидеть, — одним словом, работает фактор «х», фактор неизвестного. Кроме того, есть и другие аргументы против этой теории... Наконец, я думаю, гораздо естественней выглядит модель сотрудничества на Земле нескольких глобальных, но разных цивилизаций. Народы как индивидуумы, и более нормально, если они, как и отдельные люди, сохраняли бы свою неповторимую индивидуальность и суть, такая модель выглядит и плюралистической, и вполне демократичной.

Когда критик в Америке писал, что «мир не готов» к вашей книге, и роман «Шатуны» вышел там в урезанном виде, а в Европе его напечатали полностью — в чем здесь причина?

Видите ли, внешне создается впечатление, что Запад — благодаря вседозволенности — готов к чтению любых книг. На самом деле это не так. Например, «литература ужасов» обычно читателями воспринимается тогда, когда эти «ужасы» носят поверхностный характер, характер «щекотания нервов». И как раз ужас реальной жизни, описание того, насколько может быть страшен и необычен человек, насколько бывают глубоки и непонятны бездны его души, — этого стараются избегать. Объясняется это тем, что западный обыватель всеми силами стремится сохранить свое иллюзорное душевное равновесие, хотя в действительности оно все время разрушается, чему тысячи доказательств, в том числе, например, массовое и все возрастающее, грозящее затопить современную цивилизацию распространение тяжелых нервных и психических заболеваний, особенно в США... А в моих книгах ведь не просто «ужасы». Мои герои выходят в неизвестное, в иные, запредельные сферы, и, как я уже говорил однажды, они просто люди, задавшие себе вопросы, на которые разум не в состоянии ответить. Я всегда подчеркивал, что многие мои герои кажутся монстрами именно потому, что они перешли границу возможного, они носители тайных, неизвестных сил, которые хранятся — непознанные — в глубине каждого из нас. В романе «Московский гамбит» я буквально списал мое окружение с натуры, а зарубежному читателю эти люди показались какими-то фантастическими фигурами.

Действительно, в этом романе так много реальных примет, атмосферы московских компаний 60—70-х годов. Эти дворики, «заныры», как вы их называете, эти посиделки на травке с пивком на фоне новостроек или в глубинах старой Москвы... И разговоры... Блаженный досуг, жизнь, как у птиц небесных, и постоянно возвращающийся рефрен: «Что будет? Кто стоит за судьбами людей и толкает их в пропасть? И что могут сделать люди? И почему все рухнет? И сможет ли выскочить из этих сетей человеческий род?... И запомни, если то, что вы называете Россией, исчезнет с земли, этот мир станет пустыней для вас...» Как будто сегодня написано, а не десять с лишним лет назад. Так заканчивается «Московский гамбит». И Голос говорит герою, что будущее человека — игра невозможностей и нет ничего предрешенного. Главное — не ошибиться в выборе. Может, уже ошиблись?...

Если душа России сохранится, все будет спасено...

А вам не кажется, что сегодня мы уже другие, даже те, кто сидел в московских «занырах», не говорю уж о молодежи. Становимся злее, расчетливее, прагматичнее. Меня не оставляет ощущение, что рвется какая-то историческая пуповина. В 60-е мы были ближе к Тургеневу и Толстому, не по времени, по духу, разумеется...

В 60–70-е годы мы читали русскую классическую литературу просто как отражение себя. Сейчас такого чувства действительно нет. Именно конец этого века и начало нового тысячелетия как раз и будет этим рывком, этим переходом в новый, неведомый мир. И поэтому по мере приближения к нему появляется чувство отдаленности, чувство прощания со старым миром, который теперь как бы «не наш». Но возможности русской классики далеко не исчерпаны. Ее влияние возродится на другом уровне, в ином качестве, мы лучше поймем ее пророчества и предостережения. И еще мне представляется: именно наша, отечественная культура станет связующим звеном с грядущим.

Не кажется ли вам, что вы идеализируете российского читателя? Атеисты, язычники, материалисты, оторванные от «небесной перспективы», несмотря на открытие церквей, ведь для большинства это всего лишь ритуал, не более. Мы уже почти не сдерживаем брожение этих «темных» стихий, о которых так много вы пишете. Сегодня время, по-моему, как раз для массового раскрытия этих внутренних «низовых миров», которые претворятся в данность нашей реальности. И что тогда? Даже не так, как у вас, когда герой, убив человека, говорит: «может, я сказку убил» — и завидует тому, кто мертв... Вполне возможно, что «массовая» развлекаловка, все эти «накачанные» голливудские супермены и «ужасники», слезливые телемелодрамы станут нашим образом жизни.

Такая опасность существует. Но она, на мой взгляд, может быть преодолена усилием внутренней воли, иной направленностью души. Голые задницы, кривляющиеся рожи, бессмысленное смехачество, жаргон уголовщины надолго всех не захватят. В России страшнее другое. Я имею в виду псевдомистицизм. Появляется масса сект, псевдорелигиозных течений, всяческие экстрасенсы, лжепророки и т. д. Как этому противостоять? Есть разные возможности. Например, постижение истинного знания о невидимом мире, понимание Традиции, того, что завещано человечеству в древности, когда существовало реальное знание о потусторонних мирах. С другой стороны, конечно, усилия

Православной Церкви. Православие — именно та сила, которая может противостоять всяческому «псевдо», уберечь от соблазнов мистического невежества. Завершается период «грубого» материализма. Постепенно эта стена, тьма, которая отъединяет материальный мир от невидимого, от «параллельных» миров, начинает разрушаться. В скором времени люди могут столкнуться с такими явлениями, о существовании которых они и не подозревали. Газеты много пишут о различных «чудесах»... И если мы не поймем, каков истинный характер этих «явлений» от каких сил они идут, то, конечно, роковые заблуждения и последствия их неизбежны, человечество все это уже «проходило». Потом опустился «занавес», где-то в начале эпохи Возрождения. Это связано с определенной материализацией мира, с доминанцией рационализма в сознании. Но ведь нас окружает Космос. А состояние природы, Космоса зависит от состояния человека. Нельзя губить Землю, нарушая экологическое равновесие, и надеяться на наступление всеобщего благоденствия. Проблема, повторяю, заключается в том, что без Традиционного знания, которым обладали древние, нам всем придется нелегко. Я придаю исключительное значение идеям великого современного метафизика Рене Генона, книга которого недавно вышла впервые на русском языке. Она называется «Кризис современного мира». Там этот выдающийся мыслитель подробно объясняет причины нынешнего всеобщего кризиса, говорит о том, что может ждать человечество в ближайшем будущем. Без таких мощных, я бы сказал даже, теоретических знаний сегодня невозможно ориентироваться. Дверь в иные миры постепенно открывается. И без знания Традиции, без знаний сути и строения «невидимого мира» трудно будет ориентироваться в наступающей реальности. Необходимо также и развитие собственной интуиции, духовного разума, который человека может выручить даже тогда, когда он не знает о коварном характере открывающихся ему феноменов. И опять же Церковь, вера... Вот надежная опора от всяческих «прельщений» и смущения души. Занавес постепенно открывается, и холод этого «открытия» проникает в сознание людей, рождая предчувствия, страх, надежды. Мы на пороге нового века. То, что мы называем силами зла, — они существуют, они занимают определенное место в Космосе, но наш Отец и наше прибежище — Бог, ибо мы созданы именно по его образу и подобию. А эти силы человеку враждебны. Мы созданы иначе, чем они, отсюда, естественно, вытекает, что должны тяготеть к тому, кто близок к наше-

му архетипу. Тот же, кто идет в другую сторону, разрушает себя, думая, что сохраняет свое «эго».

А вдруг случится так, как говорится в одной из ваших замечательных сказок: найдется старичок, подобный тому, кто «заговорил» немецкую артиллерию под Тулой, отведя чудовищную беду, и спасет нас всех, Россию, от сатанизма и разрушительных стихий? Я родом из тех мест, там в существовании этого старичка не сомневались...

Одних таких старичков маловато будет... Пора обратиться к Церкви... Человек должен быть защищен от «темных сил» духовно.

Предвижу, в чем нас обвинят. Скажут, вот навывдумывали! Везде проблемы — преступность, забастовки, безработица. Рядом — войны, беженцы. Первооснова — экономика! Нет средств — не будет ни книг, ни газет. Будете сидеть, как «пленные звери, и голосить, как умеете»...

Да ведь все взаимосвязано. Это наше материалистическое сознание никак рубежа не перешагнет, потому и топчемся на месте. Нужен качественный, духовный прорыв. Тогда и решения в экономике будут найдены. В данный период истории России экономика и политика имеют первейшее значение, не спорю, но как только кризис закончится, никуда нам будет не деться от поисков духовного смысла. Кроме того, духовный момент тоже связан с политическим и даже экономическим. Недаром многие говорят, что наши беды, в том числе политические и экономические, объясняются духовным вакуумом в обществе. Нет объединяющей идеи и объединяющих ценностей, и все развалилось.

Но ведь так много говорилось о вреде «объединяющих» идей...

А теперь из разных политических кругов раздаются голоса, что именно в их отсутствии вся беда. Думается, нет сильнее творческой объединительной идеи, чем та, чтобы Россия сохранила свою неповторимую самобытность и величие. Следовательно, для России в данный момент, помимо, естественно, проблемы выхода из кризиса, основополагающее значение имеет отстаивание — всеми силами национальной воли — своей политической, экономической и духовной независимости (а они связаны между собой). «Независимость» не означает, конечно, отказ от сотрудничества с миром, но оно должно быть основано не на подчинении. Есть узкий путь между опасностью изоля-

ции и замкнутости и опасностью рокового подчинения и незаметного превращения в колонию.

Если же Россия станет чьей-либо экономической (не важно — страны, блока или «мирового сообщества»), а следовательно, и политической колонией (даже оставаясь при этом формально независимой страной), это будет практически означать по целому ряду причин конец ее существования. С такими предшествующими этому концу явлениями, как беспредельное национальное унижение, гибель собственной культуры, распад страны, оккупация, вымирание народа... Россия — слишком неординарная страна, и поэтому у нее есть только такой выбор: или быть могучей, независимой и самобытной державой, или погибнуть. Иного не дано. Я чувствую всей душой, что у России хватит воли и сил выбрать первое и, главное, осуществить эту цель и опять стать великой и духовно высокой страной, той Россией, которую мы так любим и несем в глубине своего сердца. ■

Беседу вела Л. Лаврова.

У РОКОВОЙ ЧЕРТЫ О ПАТРИОТИЗМЕ И СУДЬБЕ РОССИИ

«Труд», 15 декабря 1994

Сегодня, кажется, уже всем ясно, что Россия не только переживает один из тяжелейших периодов своей истории, но ей угрожает смертельная опасность: остановка экономики, распад страны и всей государственной структуры... Однако даже сейчас, когда ситуация становится предельно обнаженной, у многих сохраняются иллюзии, что кризис носит только экономический и внутривластный характер, между тем как на карту поставлено самое священное (наряду с верой), что было у России и за что проливалась кровь на протяжении тысячелетия нашей истории — национальная независимость Родины. Но те россияне, которые умеют смотреть реальности в лицо (а их становится все больше и больше), понимают, что разрушение экономики, отказ от опоры прежде всего на собственные силы, политическое давление извне неизбежно приведут к полной колонизации страны. А в силу особых геополитических причин эта колонизация также неизбежно приведет к разделу и гибели страны и ее народов. Дьявольский характер этого процесса состоит в том, что он постепенен, скрыт, и его явные чудовищные результаты будут видны только тогда, когда будет уже поздно.

В такие моменты истории вся тысячелетняя жизнь страны проходит перед глазами, встают тени предыдущих поколений, и, кажется, они смотрят на нас. И нам, и им есть чем гордиться: уникальной культурой, давшей миру ожерелье невиданных гениев, православной верой, являющейся ядром мирового христианства, языком, непревзойденным по богатству и интуитивной мощи, величайшей державой...

Неужели все это обречено на гибель? Конечно, нет, но это «нет» зависит от нас.

Попытаемся «холодным умом» (насколько это возможно) совершить анализ ситуации. Нередко в печати, по телевидению утверждается, что выбор для России лишь такой: или западная модель, или особый, свой путь, ведущий к изоляции. Но такая дилемма абсурдна, ибо совершенно оторвана от нашей реальности: на самом деле, наш выбор не между западной моделью и «особым» путем, а между двумя особыми путями: тем, что пародирует западный путь и ведет к самоуничтожению страны, и действительно собственным, но конструктивным путем, который сочетает сотрудничество с Западом и твердую опору на собственные силы, приоритет национальных интересов и социально ориентированной экономики — с «капитализмом», но регулируемым государством.

При встречах на Западе с тамошними учеными, политологами, писателями я часто слышал: копирование западной модели для России абсурдно и губительно (причем речь идет не о деталях, а о самом существенном). Это подтверждает уже и практика, в частности неудачи экономических реформ.

Есть еще одна причина, по которой невозможно и абсурдно слепо следовать нам по западному пути. Если отбросить пропагандистские вывески, современная модель в духовном плане означает следующее: тотальное господство денег как высшей ценности, жесткий эгоизм в сочетании с индивидуализмом, прогрессирующее снижение роли культуры в обществе... Все это совершенно не соответствует российскому народному менталитету, так же как и менталитету других народов СНГ. И все попытки (тем более такие нелепые и смехотворные, какие предпринимались, например, средствами информации) создать в России иной тип сознания — то есть создать «мутантов» — по большому счету и тем более в массовом порядке заранее обречены на провал. Евразийско-российский тип сознания не смогли переделать даже коммунисты-интернационалисты. Разумеется, народ не примет такой модели. А в экономическом плане это, в частности, означает, что люди не будут по-настоящему работать, ибо, кроме естественных экономических рычагов, нам, видимо, необходима великая объединяющая идея, нравственная цель, которую западная модель дать не может.

Кроме того, Запад никогда не позволит нам стать великой процветающей державой, если это будет от него зависеть. Опыт последних лет — прямое подтверждение этому. Поэтому экономика, ориентированная на зависимость от Запада, обрекает Россию и подавляющее большинство ее народов в лучшем случае на жалкое полуколониальное существование. Это не означает, конечно, что необходим, отказ от со-

трудничества с Западом, но оно должно быть таким, чтобы исключалось подчинение кому-либо.

Однако для России так же опасна изоляция, а тем более конфронтация с Западом. Россия находится в этом отношении между Сциллой и Харибдой — и только узкий путь между двумя этими опасностями поистине спасителен для нас. Политика России должна, на мой взгляд, соединить твердость в отстаивании своих национальных интересов (в СНГ и на периферии своих границ) с мудрой гибкостью и готовностью к компромиссам, неизбежными в политике.

В течение последних пяти лет я утверждал и продолжаю утверждать, что всем нам необходимо осознать три важнейших момента. Первое. Россия может быть спасена и объединена на основе патриотизма. Второе. Всемирное устройство не может быть однополюсным, когда господствует только одна сила или одна страна. И, наконец, России необходим новый конструктивный третий путь.

Если говорить о третьем пути в социальном отношении, то я имею в виду доктрину, которая основывалась бы на особенностях народов России и отличалась бы как от тоталитарного социализма, так и от западного капитализма. Говорят, что такого пути нет, но если даже его «нет» (в чем я сомневаюсь), то он должен быть выработан ради спасения России. Вся трудность заключается в том, что в этой новой модели необходимо объединить экономическую и технологическую эффективность, присущую многим формам капитализма, с социально ориентированной политикой, ибо для нашего экономического развития неприемлемо как немыслимое социально-экономическое неравенство и несправедливость, характерные для капитализма, так и погубительное технологическое отставание, особенно в ключевых областях, от которых зависит безопасность страны.

Конечно, конкретизировать экономическую программу спасения страны могут только экономисты, ученые и политики. И те, кто это сделает, на веки вечные заслужат право называться спасителями Родины...

Очевидно также, что в России должна существовать мощная объединяющая идея, предлагающая высшую цель и высшие ценности. Но идеологию нельзя создать искусственно, она должна соответствовать истории и традиции народов, его внутренней жизни. Единственная идеология, которая может действительно работать у нас, — это идеология, основанная на патриотизме, то есть на таком мировоззрении, которое соединяло бы исторически сложившиеся идеалы и потребности России будущего.

И здесь мы подходим к важнейшему моменту: не только Россия должна понять мир, но и мир должен понять Россию, признать ее право на существование в качестве самостоятельной цивилизации. Ее самобытность не отрицает ее «общечеловечности». Если Россия найдет себя, то она войдет в эру внутренней и социальной стабильности и, следовательно, будут сняты ее противоречия с внешним миром. Спокойная, удовлетворенная своей жизнью страна выгодна и Западу: в этом гарантия и его спокойствия. Но патриотическое мировоззрение (разумеется, не шовинистическое, а, безусловно, включающее уважение к другим народам) должно наполниться конкретным духовным и социальным содержанием, оно должно быть разумным, гуманистическим, просвещенным, находящимся на уровне требований двадцать первого века, но в то же время не отрывающимся от своей первоосновы — вечной России.

Естественный патриотизм, который живет в душе и в сознании всех, кто любит Россию, является самым действенным и глубоким препятствием для всякого националистического экстремизма, ибо направляет национальное чувство и самосознание, неотделимое от жизни нашего народа, в нормальное русло. Это чувство исчезнет только тогда, когда умрет последний русский человек, причем в слово «русский» я вкладываю не только этнический смысл, но и духовный: русским может быть всякий, кто считает себя принадлежащим к вскормившей его культуре, кто любит Отечество.

Поскольку наша страна — многонациональная, то русский патриотизм должен быть органически дополнен общероссийским — или, если угодно, — евразийским патриотизмом, выражающим чувства всех наших народов и, в частности, их принадлежность к великой державе. Одно не противоречит другому. Но, учитывая роль русского народа, бессмысленно, по-моему, говорить о строительстве нового общества, затушевывая значение русского патриотизма и пытаясь подменить его чем-то искусственным или растворить его в некоем общесоюзном единстве, как было в советское время. Опыт мировых утопий теперь мертв для нашей страны, и пора понять, что сильное государство можно создать только на естественной национально-исторической почве.

Теперь о другом важном моменте. История учит, что однополярная система мира, предусматривающая господство одной страны или одной геополитической силы, невозможна и попытки ее создания, как правило, встречают сопротивление других цивилизаций.

Право России быть собой, ее право на национальную самобытность может быть осуществлено только в условиях многополярного мира,

когда отсутствует господство одной силы, а мир существует в форме нескольких цивилизаций (западной, исламской, индийской, российской, китайской...), сотрудничающих друг с другом, а не конфронтирующих между собой. Это была бы лучшая модель мира, которая позволила бы — путем взаимного отказа от экспансионизма — взаимодействовать народам, странам, людям, сохраняя при этом свою культуру и самобытность.

Можно возразить, что любая благополучная модель мира, основанная на стабильности, — всего лишь идеал, к которому надо стремиться, а действительность вместо этого может подсунуть наихудший сценарий. Но, имея в виду эту возможность, давайте думать о том, как и куда приложить все силы, чтобы это не стало реальностью.

Несмотря на жестокие уроки истории, данные нам не раз, не смолкают разговоры насчет некоего единого магистрального пути человечества, по которому-де все страны и народы должны следовать. Мы слишком хорошо знаем, чем это кончается. Поэтому России, при всей ее вовлеченности в современный мир, следовало бы сохранить определенную отстраненность — на всех уровнях — от этих путей. Тем более, я думаю, уже в начале нового тысячелетия от многого, что кажется «нормальным» сейчас, человечеству придется отказаться, хотя бы ради своего выживания.

Последние годы словно огонь, вырвавшийся из преисподней, прошел по России и странам СНГ. В будущем пламя может вспыхнуть в других регионах. В этом отношении ни у кого не должно быть иллюзий: у Провидения нет любимчиков.

Но если наша страна сохранит себя, свою вечную суть, свои великие внутренние и внешние сокровища, то ей — в силу многих ее особенностей — предстоит поистине великое будущее. Перед глазами каждого из нас — необъятная, бездонная, мерцающая Вселенная со своими бесчисленными звездами и мирами, но мы родились в маленькой ее части, называемой Россией. И всякое рождение не случайно. Значит, с Россией мы связаны самим Богом, и ее судьба — наша судьба...

Мы должны выстоять. Прежде всего духовно, сохранив свою великую душу и культуру, не допустив туда всей грязи и обмана современной цивилизации. И хотя Достоевский предупреждал, что нам не простят, если мы будем самими собой, думаю, что в конце концов все-таки поймут, догадаются — и простят... ■

РОЗАНОВ СЕГОДНЯ

«Накануне», №2, 1995

Актуален ли Розанов сегодня? При всех его заблуждениях, противоречиях, очевидных при чтении этих сборников, мне кажется, что вполне актуален, по крайней мере в некоторых аспектах, да и время, в котором он творил, — эпоха кризиса в России. Берем почти наугад, из первого тома: речь идет о Достоевском, год написания статьи 1911 — всего три года до мирового катаклизма и шесть лет до братоубийства в России.

И сразу: напоминание об эпизоде из «Подростка» Достоевского — студент Крафт, немецкого происхождения, страстно любивший Россию, застрелился потому, что пришел к заключению, что Россия — «второстепенное место» в истории... Вот уж, действительно, Розанов сразу берет быка за рога... И замечает, что такие «заключения» — для одних смерть, для других — типа небезызвестного Смердякова, отцеубийцы — пир души, предел исторических мечтаний.

Розанов далее пишет, что мучительные сомнения относительно судьбы России закрадывались иногда в душу самого Достоевского. Любопытно, что позитивным ответом на эти сомнения вполне может быть, на мой взгляд, само творчество Достоевского — ибо даже оно одно сразу поставило русскую культуру в первый ряд мировой, и вопрос о величии России фактически был решен одним только творчеством Достоевского, а ведь, кроме Достоевского, Россия дала миру целое ожерелье великих имен и гениев. О Розанове написано очень много, и самое лучшее сегодня — обратить внимание именно на отдельные «актуальные» моменты подобного рода. Вот еще один: Розанов напоминает о словах, которые высказал император Вильгельм: «Славяне — это вовсе не на-

ция, это только удобрение для настоящей нации». Что-то знакомое, не правда ли, и вполне в духе Гитлера?

Розанов, разумеется, пытается возражать не в меру откровенному императору, но в основном упирает на то, что существует русское «авось», «ничего», «вывезем», «нас не завоюешь», — Розанов ссылается здесь на некое таинственное чувство в народе, что все ужасное не будет ужасным до конца и в конечном итоге все «обойдется».

Корень этого чувства с немецкой точностью был выражен уже на метафизическом уровне одним немецким генералом, не помню, кем именно, но слова эти поразили меня, когда я прочел их еще в эмиграции. Их смысл сводился к тому, что России нечего бояться, так как Бог поддерживает ее, ибо в противном случае такая страна не смогла бы просуществовать и одного месяца.

Таков был ответ одного немца другому. Разумеется, при этом необходима воля и активность нации, ибо Бог помогает тем, кто хочет помочь самому себе, но «метафизическая тайна» все же присутствует здесь при всех раскладах. И при склонности Розанова изображать «вечно бабье» в Русской Душе, он признает, что есть и другие примеры, такие, кстати, как Петр Великий и многие другие — борцы и созидатели, именно такие и нужны сейчас России, чтобы она не превратилась в жалкую колонию.

Ответом на утверждение, что Россия не занимает свое великое место в мировой истории, если в такое утверждение поверишь, по Розанову, может быть только одно: «Нет, лучше пуля в висок... Лучше мозги по стенам разбрызгиваются, чем эта смердяковщина...»

Итак, если люди (а Розанов отмечает, что такие примеры не единичны) настолько отождествляют свою жизнь и ее смысл с признанием России, то это может означать только следующее: это внутреннее чувство должно отвечать чему-то реальному, и., следовательно, Россия предназначена к чему-то действительно необыкновенному. Если Россия ее людьми ощущается как «сверхценность» — значит, в ней действительно заложена некая таинственная притягательность, необъяснимая логически, но тем не менее имеющая какую-то историческую обоснованность.

Вот на какие размышления наводит, например, первый том сочинений Розанова.

Во втором томе следуют одни из самых значительных его работ, включая знаменитый «Апокалипсис нашего времени». В этом же томе наглядно видны все противоречия, провалы мировоззрения Розано-

ва. Не раз уже писалось, например, о пристрастии Розанова к «теплому язычеству» и о его критике христианства, которая фактически, я думаю, сводилась к тому, что христианство слишком высоко для человечества и предъявляет таким образом невыполнимые требования к человеку. Отсюда вывод Розанова о том, что христианство ничего не может изменить в мире, что оно не смогло предотвратить, в частности, мировые катаклизмы двадцатого века.

На это, однако, напрашиваются возражения: во-первых, без христианства и без религиозной морали могло быть еще хуже: во-вторых, христианство, как и любая трансцендентная религия, исходит из наличия в человеке реального Божественного начала и на этом строит свои требования, и не вина христианства, что это Божественное начало стало все более и более затемняться в человеке.

...Злым гением России Розанов считал, конечно, Гоголя с его «мертвыми душами». Но Гоголь не клеветал на Россию, им был показан на примере России общемировой объективный процесс превращения человека в духовное ничто, в мертвую душу, и на Западе этот процесс начался значительно раньше и протекал намного сильнее и мрачнее. Гоголь первым в России заметил этот мировой сдвиг (и Розанов вопил, читая Николая Васильевича: «Страшно, страшно!»), а нам теперь вовсе и не страшно: все эти чичиковы, коробочки, маниловы и т. д. очень даже милы по-своему, особенно по сравнению с современными мертвыми душами. На Западе, слава Богу, написано уже много томов о смерти человека в их цивилизации, о превращении его в пустую оболочку, манекена, и весь этот процесс, впервые замеченный Гоголем, уже исследован до конца с пунктуальной точностью социальных труповедов. «Не вы похожи на мертвых, а мертвые похожи на вас», — сказал бы в таком случае Розанов.

Но после Гоголя появился Достоевский, певец живых, а не мертвых, и Розанов любил его так глубоко, что заглянул в самую суть: «...тайна заключается в том, что он писал вообще Русскую Душу, и русский, оставаясь собою, не может остаться вне Достоевского».

И далее Розанов продолжает (о героях Достоевского):

«Это наш табор. Это русские перед Светопреставлением. Дрожат. Корежатся. Ругаются. Молятся. Сквернословят».

Разве это не актуально?

Светопреставление, вскоре после смерти Достоевского, действительно состоялось, пусть и частичное: от Первой мировой войны до Хиросимы.

Многие думали, в том числе, видимо, и Розанов, что после 1917 года Россия погибнет, не вынесет испытаний, но Россия возродилась, как Жар-птица, хотя бы в ту же Отечественную войну, ведь не Чичиковы же спасли тогда мир и Россию от коричневого господства...

...Когда Россия возродится опять, после теперешней смуты (а надежда и вера не покидают нас) — это будет новое чудо, великий русский прорыв, ради которого стоит жить даже в самом черном мире. ■

ТОЛСТОЙ И БОГ

Русская литературная классика считается во всём мире одним из чудес света в сфере культуры, наряду с веком Перикла в Афинах и эпохой Возрождения в Европе. Она возникла внезапно, и, по мере того как мир познавал её, она становилась мировой славой России, её истинным лицом. Одна из глубинных особенностей русской классики — её философичность. И в литературе, и в философии всё определяет слово, но сочетание образа и мысли даёт литературе даже некоторое преимущество. В мировой философии признано, что Россия дала миру двух философов высочайшего уровня, сопоставимых с Платоном, Ницше и Хайдеггером... Это Толстой и Достоевский — уже не как гениальные писатели, но именно как мыслители...

Тема этой статьи — Толстой как философ, как метафизик. Внимательно прочитывая его дневники, записи, я обнаружил нечто удивительное. Я всегда считал, что, несмотря на признание русской классики как реальности гениев (гениев в подлинном, а не современном смысле это слова), русская классика недооценена и не понята до конца. Недооценён и Толстой, по крайней мере, как мыслитель и духовидец. Признание его в качестве философа мирового уровня — естественно. Однако, на мой взгляд, оказалось упущено одно необычное «явление».

Но прежде чем говорить об этом «явлении», я хотел бы заметить вот что: пусть некоторых богобоязненных читателей не шокирует название этой статьи («Толстой и Бог»). На самом деле, нет ничего более близкого человеку, чем Бог, ибо сам человек, как известно, создан не по образу обезьяны, а по образу и подобию Божьему. Сама природа, с которой постоянно общается человек, гораздо более далека от человека, чем Бог. Вспомним, наконец, знаменитое определение: «Бог присутст-

вует во всём, но только в человеке Он живёт» (именно живёт, а не просто присутствует!).

А теперь вернёмся к Толстому. Как индолог я вполне могу утверждать, что в конце жизни Толстой самостоятельно пришёл к той духовной реальности, которая в Индии, а сейчас и во всём мире известна как адвайта-веданта и считается вершиной многотысячелетней индийской метафизики. Это учение, во-первых, не буддизм (и резко отличается от последнего), во-вторых, оно не было известно в Европе и России во времена Толстого. Кое-что из этого учения уже проникало в Европу, но в весьма поверхностном, если не искажённом виде. Только во второй половине 20 века Запад получил вполне адекватное представление об этом учении и практике, особенно благодаря переводу бесед с человеком, который сейчас почитается всей Индией. Имя его — Шри Рамана Махарши, переводы его бесед на русский язык сейчас всем доступны. В Индии он считается человеком, осуществившим полную Богореализацию при жизни.

С тех пор как адвайта-веданта и Веда в целом открылись миру, индийская философия признана высшим достижением человеческой мысли в сфере метафизики. И Толстой, по моему мнению, совершил настоящее чудо, ибо пришёл к этому учению самостоятельно, не зная о нём, открыв эту духовную реальность благодаря собственному великому внутреннему опыту. Никаких аналогов этому в мире нет, так как в европейской практике никто и близко не подходил к полному преодолению дуализма между человеческой душой и Богом, которое мы имеем в адвайта-веданте.

Надо только учесть, что это путь знания, а не веры, путь богопознания и самопознания. Веданта не имеет никакого отношения к религии, ни к индуистской, ни к какой-либо другой. К тому же, повторим ещё раз, веданта коренным образом отличается от буддизма, от буддийского мировоззрения вообще, так как Веданта признаёт существование Атмана, или истинного, высшего божественного «Я» в человеке. Буддизм же обращён к нирване, к шуньяте как к безличному неопишуемому состоянию.

Чтобы показать читателю, к чему пришёл Толстой в конце жизни, мы будем сравнивать тексты адвайта-веданты (на примере Рамана Махарши) и тексты Толстого. Надо сказать, что после ночи «арзамасского ужаса», когда Толстой фактически пережил посвящение, связанное со Смертью (посвящение, которое хорошо было известно в древнем мире и которое может облекаться в разные формы), его внутренняя жизнь резко изменилась. Суть этого посвящения — в признании тотальности

смерти, её непосредственной реальности и безусловной необходимости преодоления её.

Толстой мучительно искал путь к этому преодолению, преодолению прямому, а не путём веры. В этом была его особенность. Он хотел знать, а не просто верить. Путь такого знания мучителен, и в наше время доступен лишь немногим героям духа.

Надо было найти в самом себе то, что действительно неуничтожимо, бессмертно и отождествить себя с ним, жить в нём. Всё остальное в себе, что обречено на гибель, отбросить как «не-Я», как чуждое, с чем опасно и нельзя жить, ибо нельзя жить со смертью.

Поразительно, с каким упорством этот великий человек шёл к цели. И сколько препятствий, психологических и иных, было на этом пути. Вся вторая половина жизни Толстого — это сплошное борение, страстное обличение в самом себе того, что подвержено смерти или ведёт к духовной смерти. Никакой гордыни в нём при этом не было.

Итак, к каким же выводам пришёл Лев Толстой к концу жизни?

Толстой пишет, что сознание в жизни казалось таким маленьким по сравнению с огромным миром, «а оно между тем Всё»².

И продолжает: «Что такое сознание? То, что я спрошу себя: кто я? кто я? И остаётся Я — Я (Я есть Я. — Ю.М.). Но я спрошу себя, кто же этот второй Я? И ответ только один: опять Я».

Прежде всего здесь важно само слово «сознание». Сознание направлено внутрь, чтобы ответить на вопрос: «Кто я?» И на вопрос «Кто я?» ответ один — Я. Я есть Я. Всё это — прямо в точку, в центр ведантских представлений о человеке. Действительность, сознание, которое имеется здесь в виду, — этот так называемое чистое Сознание, которое занимает одно из важнейших мест в системе восточной метафизики. Более того, «Я», о котором здесь говорит Толстой, «Я — Я», или «Я есть Я», и есть высшее, верховное «Я», безусловно, отличное от маленького «я», «эго» в человеке, с которым он обычно себя отождествляет. Но именно Атман как высшее, подлинное, бессмертное «Я» в человеке и является центральной темой адвайта-веданты.

Посмотрим, что дальше пишет Толстой по этому поводу: «Моё истинное Я неподвижно, а двигается мимо этого Я весь мир». Далее: «Движение во времени кажущееся — ибо истинное Я постоянно».

Здесь уж не остаётся сомнений, о чём идёт речь. И представление об этом бессмертном, высшем, истинном «Я» становится централь-

² Мысли Толстого: Из дневников 1881–1910 гг. М., 2003.

ным для Толстого. Это «Я» — не то маленькое «Я», которое имеют в виду, когда говорят: я — учёный, я — инженер, я — гражданин, я, к примеру, Пётр Иванович, Джон, Карл, Франсуа и т.д. И даже когда говорят: «Я — человек», речь идёт всё о том же маленьком «Я», связанном с временем и пространством. «Я», которое обнаружил в себе Толстой, — это трансцендентное «Я», не связанное ни с какими реалиями феноменального мира, высшее, надмирное и потому вечное и бессмертное. Из текста следует, что Толстой на основе собственного, личного духовного опыта пришёл к осознанию этого высшего, истинного «Я» и периодически входил в это состояние чистого Сознания и высшего «Я». ведь у него не было и не могло быть к тому времени Учителя, который бы вёл его в этом направлении, или какого-либо иного внешнего источника познания.

Такое метафизическое знание по принципу неотделимо от духовного опыта. Кроме того, такой «опыт», как известно, — довольно редкое, если не исключительное явление вообще, даже в Индии. Имея такой опыт, невозможно не сделать следующий шаг.

Толстой пишет: «Бог есть в самом себе... то духовное начало, которое я сознаю своим и которое я признаю во всём живом».

Здесь ключевое слово — «своим». Толстой преодолевает дуализм между душой и Богом. И именно это характерно для адвайта-веданты.

И наконец:

«Моя душа не есть что-то божественное, а есть сам Бог». Толстой пишет, что как только это высшее «Я» создаёт себя, так нет ни зла, ни смерти. Толстой отождествляет свое истинное, высшее «Я», в обычной жизни скрытое от человека, с Богом.

С точки зрения адвайта-веданты, индийской метафизики вообще, — в этом нет ничего удивительного, это традиционная точка зрения, ибо это истинное «Я», или Атман, согласно индийской традиции фактически является чистым духовным началом.

Толстой совершенно точно пишет о том, что в этом состоянии не может быть ни зла, ни смерти. Поскольку это состояние по своей природе вечно, в этом вечном «Я» не может ощущаться даже тени смерти.

И тогда с полным правом можно сказать: «Смерть, где твоё жало? Ад, где твоя победа?»

Следует особо подчеркнуть, что при полной реализации этого состояния человек не становится Богом (что было бы абсурдом), но человек обнаруживает в самом себе присутствие Бога как своего истинного

«Я» и входит в это «состояние», отождествляет себя с образом и подобием Божиим, а согласно индийской традиции — просто с Богом.

Толстой прекрасно осознавал это, поэтому в его утверждении о своём истинном «Я» как о Боге не было никакой гордыни. Это был факт его духовного опыта, вообще говоря, очень редкого и исключительного, тем более что ему это удалось одному, вне соответствующей традиции.

Под понятием «душа» в отрывке, который я привёл («моя душа не есть что-то божественное, а есть сам Бог»), имеется в виду дух, истинное «Я».

Толстой писал впоследствии, что именно это духовное начало не затрагивается смертью, а всё остальное в той или иной степени подвержено превращениям, трансформациям. Но в этом истинном «Я» и залог вечного бытия человека, или того, кто был человеком.

Теперь необходимо сравнить прозрения Толстого с учением адвайта-веданты. В качестве примера лучше всего рассмотреть жизнь и послания величайшего Гуру Индии 20 века — Шри Рамана Махарши, влияние которого распространилось далеко за пределы Индии. Считается, что Рамана осуществил полную Богореализацию при жизни — случай, исключительный даже в Индии.

Рамана родился в семье брамина, но уже в юношеском возрасте с ним случилось нечто подобное «арзамасскому ужасу» Толстого. Иными словами, его настолько поразил сам факт существования смерти, что молодой человек решил отказаться от земной жизни и погрузиться в состояние медитации и внутреннего глубинного созерцания. Цель была одна — победить смерть и познать бессмертие. Он провёл так многие годы, потом, познав на своём опыте то, что он хотел познать, — стал открытым для людей, и вокруг него образовался сначала небольшой, а потом всё расширявшийся круг и расширявшийся круг людей, его учеников и просто слушателей.

В Индии известны способы, позволяющие легко определить, действительно ли данный человек является духовным учителем. Относительно Рамана никаких сомнений не было. К нему съезжались ученики со всех концов света, в том числе европейцы. Один из них, например, так выразил свои впечатления от встречи с Рамана: «Мои чувства были неопишутемы». И далее он пишет, что Рамана молчал, но его глаза говорили нечто неповторимое, говорили лучше слов. «Я не мог себе представить раньше, — заключает он, — что человеческое тело может быть вместилищем Святого Духа».

Возьмём несколько высказываний Рамана — в русском переводе, конечно³, а потом сделаем заключение.

«Познайте, что в действительности вы есть бесконечное чистое Бытие, абсолютное Я».

Истинное Я всегда присутствует здесь и теперь, никогда не появляясь сызнова и не исчезая вновь». Эта мысль параллельна мысли Толстого о неподвижном, то есть вечном, истинном «Я».

«Это безмолвное Я есть Бог». «Истинное Я есть Атман»

В индуистской метафизике часто употребляется слово «Атман», что, собственно, означает Бог как личность, как высшее «Я». Истинное «Я» в адвайта-веданте, как и у Толстого, означает высшее «Я» каждого человека, в отличие от «эго», маленького «я». И, наконец, это истинное «Я» человека является Атманом, то есть Богом. Таким образом, преодолевается пропасть — дуализм между человеческой душой и Богом. Индивидуальная душа, достигшая такого уровня, считается «освобождённой», а сам процесс реализации Атмана — Освобождением.

«Имеет место чистое Я — Я. Держитесь за него». Выражение «Я — Я» здесь, как и у Толстого, означает Я есть Я, то есть это «Я» носит трансцендентный характер, и оно не отождествляется ни с чем, кроме себя самого; когда же говорят, например: «я — инженер», «я — учёный», «я — спортсмен» или даже «я — человек», речь идёт об «эго», обычном «я» человека.

«Узнайте, кто вы есть, и оставайтесь самим собой, Атманом (то есть своим истинным «Я». — Ю.М.), свободным от рождения, смерти и возвращения». Толстой тоже подчёркивал, что в этом состоянии истинного «Я» нет смерти и зла.

В конце концов, достаточно даже относительно беглого взгляда на эти высказывания Рамана и мысли Толстого, чтобы увидеть их сходство. Даже такая специфическая формула, как «Я — Я» употребляется и Рамана, и Толстым. Между тем эта формула, переводимая как Я есть Я, означает, что это истинное «Я» не есть тело, ум, психика или чувства, не есть, собственно говоря, и человек как таковой, а есть чистое «Я», дух, Атман, или Бог. Это то неуничтожимое, неподвижное начало, о котором писал Толстой. Слова «истинное Я» тоже (как и Толстым) употребляются Рамана, ибо это выражение обозначает высшее «Я» в нас (в человеке). Это истинное, высшее «Я» и есть Бог (или Атман, в терминологии Веданты).

³ Следующие цитаты даны по книге: Будь тем, кто ты есть! Наставления Шри Рамана Махарши / Сост. Д. Годмана. СПб., 1994.

Таким образом, повторяю, преодолевается дуализм между душой человека и Богом, что и соответствует основам недуалистической Веданты (адвайта-веданты). И Толстой, внутренне исходя из собственного духовного опыта, следует этой доктрине.

Не стоит дальше углубляться в бездну этой ведантийской доктрины, ибо это увело бы нас слишком далеко. Но надо отметить следующее.

Рамана осуществил при жизни полную Богореализацию, в то время как в большинстве случаев наблюдается неполная, ступенчатая Богореализация, которая, однако, неизбежно ведёт к полной Богореализации после ухода человека с земного плана.

Человек, осуществивший при жизни полную Богореализацию (или эту реализацию в значительной степени), является истинным Гуру, а такой Гуру, согласно древней индийской традиции, есть Бог, ибо в нём проявляется природа Бога. Физический облик и человеческое существо Гуру являются только видимостью, ибо в нём живёт Бог, который и есть его истинное «Я».

Определённо, по целому ряду причин Толстой не осуществил в себе это редчайшее чудо, но совершенно очевидно, что какую-то степень Богореализации (реализации Абсолюта, реализации Атмана) он осуществил. Ведь полная Богореализация осуществляется только тогда, когда соотношение человека с Богом, с Атманом, постоянно и достигает предельной глубины. Но, несомненно, частичная Богореализация (при которой такое онтологическое состояние непостоянно) вполне может означать, что осуществивший её человек близок к состоянию Гуру в подлинном ведантийском понимании. Во всяком случае, он заслуживает целого ряда специфических имён, означающих высшую мудрость, присутствие в нём Бога и способность стать истинным Учителем духа.

Всё это, разумеется, относится и к Толстому. В отличие от теоретиков духа, он осуществил метафизическую реализацию, и его вполне можно рассматривать как Гуру, как учителя духа.

Духовный опыт Толстого часто сближают с буддизмом. Однако при внимательном прочтении мыслей Толстого становится очевидно, что ключ к его духу лежит не в буддизме, а именно в Веданте, ибо Толстой всё время сосредоточен на осознании «Я», высшего и истинного «Я» (или Атмана). Буддизм же по целому ряду причин негативно относится к учению о «Я», об Атмане, предпочитая безличностную реализацию. Между тем с «Я», конечно, связано представление о личности, и если говорить о высшем «Я», то — о Божественной Личности. Всё это противоречит духу орто-

доксального буддизма. Зато такой ведантийский подход близок к христианскому пониманию Бога и к русской духовной традиции вообще.

Наконец, обратим внимание на то, что веданта не является религией, а представляет собой Знание, метафизическое Знание.

Этот путь знания отличается, естественно, от пути веры. Во всей восточной традиции эти два пути — веры и знания — заметно различаются, но ведут они к одной цели. Толстой, несомненно, шёл дорогой метафизического Знания.

Здесь следует обратить внимание не только на путь знания, но и на путь веры. Естественно, они во многом переплетаются, но различия весьма значительны. Религиозный опыт, разумеется, в основном носит как будто дуалистический характер. Но в христианстве, и прежде в сего в православии, на определённом высшем уровне дуализм в той или иной степени преодолевается. Достаточно упомянуть исихазм и возможность обожения.

Наконец, христианство как религия распространяет своё спасительное воздействие на широкие человеческие массы, а путь метафизического Знания предназначен только для небольшого круга людей. Это очень важное различие.

Кроме того, отмечая такие особенности религий, как обряд и таинство, необходимо подчеркнуть следующее. Поскольку человек обладает свободой воли, то воздействие на него религиозных таинств не носит, разумеется, автоматического характера, а зависит от волеизъявления человека и его готовности принять эти таинства во всей их духовной полноте. Если человек равнодушен к восприятию этих таинств и принимает их чисто формально, то их воздействие не будет преобразовать личность верующего (в православии особо подчёркивается этот момент свободы воли). Во второй половине 20 века в России и во всём мире во многих случаях воздействие таинств не преобразовало духовную личность именно потому, что тогда начался значительный отход образованных классов от религии, восторжествовало чисто формальное к ней отношение. Именно тогда и могло сложиться сугубо частное впечатление, что таинства якобы не воздействуют на человека.

На самом деле, вся духовная мощь христианства сохранялась в православии.

А теперь перейдём к иной теме. Другой определяющей особенностью Толстого был его пророческий дар во всей его тотальности. Этот дар не касался череды событий, он возвещал о главном: о зловещем характере современной цивилизации, которая ещё только зарождалась при

жизни Толстого и которую интеллектуальное большинство того времени славословило не иначе как эру прогресса, мира и всеислия науки. Толстой же определял её так: «Спасение от бедственной нашей жизни одно: признание полного безумия нашей жизни и полное отторжение от неё» (курсив мой — Ю.М.).

Здесь ключевой момент — слово «безумие». Толстой не раз подчёркивал, что именно безумие — двигатель цивилизации 19–20 веков. Что означает в этом контексте слово «безумие»? Только то, что оно означает: это именно искажённое восприятие реальности, её патологическая деформация. Задолго до Рене Генона Толстой со свойственной ему убийственной ясностью видел фундаментальную ложь тех догм, в соответствии с которыми строилась новая эра. Эти догмы: вера в прогресс, эволюционная гипотеза (которая выдавалась как научно доказанный факт), убеждение во всеислии науки, материализм (и философский, и особенно практический).

Толстой пишет, что дарвинизм, эволюционная теория — это абсурд; отдельные частные наблюдения обобщаются и выдаются за абсолютную истину — таков метод этих научных построений. Кстати, сейчас, в 21 веке, дарвинизм переживает тяжёлый кризис, наблюдается возврат к теории Кювье о неизменности видов и невозможности перехода из одного вида в другой. Эволюционная пирамида, не подтверждённая фактами, рушится, и вместе с ней — нелепая гипотеза о происхождении от обезьяны. «Обезьяний проект», абсурд которого был очевиден для Толстого, медленно, но верно разваливается на глазах, несмотря на то, что для современной цивилизации он был очень выгоден. Толстой пишет, что при современном ему научном подходе делаются такого рода мировоззренческие обобщения, при которых почти не учитывается сам факт существования сознания, между тем как именно оно, сознание, — главное. Отсюда грубое искажение картины мира: второстепенное выдаётся за главное и, как следствие, торжествует материализм.

«Всё зло от того, что люди не знают, что такое Бог и поклоняются тому, что не есть Бог». Эти слова Толстого попадают прямо в цель. Далее Толстой пишет: «Жизнь без духа — безумие». Безумие современного мира Толстой видит в том, что люди посвящают свою жизнь совершенно второстепенным вещам и, не обращая внимания на духовную сторону собственной жизни, жизни собственной души, фактически сами себе роют могилу, уничтожая возможность достойного продолжения своего бытия после так называемой смерти. Это то же самое, как если бы больной раком не лечился, а продолжал вести эдакий игривый образ жизни...

Так же неотразима ирония Толстого по поводу всего этого технического прогресса: так ли уж важно, размышляет он, что человек будет передвигаться быстрее лошади, если ценой этого «прогресса» будет отказ от самого главного. Мы уже не говорим о таких особенностях этого прогресса, как атомное оружие и разрушение равновесия в природе. К концу 20 века вера в прогресс, как известно, стала весьма шаткой. Циклическое развитие рода человеческого — снова на повестке дня.

Толстой оказался великим провидцем, и недаром Чехов в своё время говорил: «Вот умрёт Толстой — и всё пойдёт к чёрту». Так оно и случилось. Наблюдая всё это движение к пропасти, Толстой приходил в ужас, ибо любил людей и страдал за них.

Итак, подведём итоги. Несомненно, Толстой настолько уникальная, для многих непостижимая личность, что трудно найти в истории мировой культуры другого писателя такой глубины духа. Сверхгениальность является нормой для него. Это признано. Тем не менее, я всё-таки считаю, что Толстой — недооценён. Как можно, спросите вы, недооценить гения? Это вполне возможно, ибо дух такого человека воистину безграничен. Между тем существуют различные уровни гениальности. Не все гении равны. Недооценка Толстого связана, на мой взгляд, главным образом, с непроникновением до конца в глубину его философской мысли. Это и понятно, ибо как раз в этой сфере Толстой не всегда стремился к открытым декларациям. Самое удивительное, самое тайное совершалось в уединении, в глубинах его духа и отражалось только в отдельных его записях. Там, перед собой и Богом, Толстой ничего не скрывал. После ночи «арзамасского ужаса» в этом величайшем писателе помимо собственно творческой работы началось огромное внутреннее движение духа, направленное на преодоление торжества смерти над миром. Любовь, непротивление злу насилием — да, но главное — смерть. Преодолеть смерть можно только одним путём — найти Бога в самом себе, в своей душе. Конкретно, а не в теории. Толстой преодолел торжество смерти без Учителя, без соответствующей подготовки, что даже в Индии, с её многотысячелетним движением в этом направлении, могут очень немногие. Практически он совершил чудо. И духовно обосновал это. Так родилась его адвайта-веданта. И в этом отношении он недооценён.

Я думаю, что полноценное, насколько это возможно, понимание Толстого придёт тогда, когда недуалистическая метафизика станет в Рос-

сии и в мире достоянием более широкого круга людей. Развитие в этом направлении неизбежно, и в последнее время резко увеличилось число людей из России, посещающих ашрамы Рамана на юге Индии.

В конце жизни Толстой с полным правом мог сказать: «Смерть, где твоё жало? Ад, где твоя победа?» — ибо его дух был там, где нет смерти. Его одинокий внутренний героический путь от «арзамасского ужаса» к бессмертию того, что действительно бессмертно в человеке, был закончен.

Впрочем, как я уже говорил, факт недооценки Толстого — не единственный по отношению к великой русской классике. Но его случай наиболее очевиден. Вся русская классика недооценена, ибо какая-то почти неуловимая метафизическая глубина в ней ещё не разгадана. Но это уже другая тема. А нам остаётся повторить, что именно русская классика, культура 19 и начала 20 века представляет в мире истинное, великое лицо России. И на Западе, и на Востоке признаётся, что русская классическая литература — это самое великое, вечное, что создано в России (они забыли только лики наших святых — но это другой вопрос). И как следствие — признание необычайной глубины и мощи великого русского языка, воистину мирового явления. И мы можем гордиться тем, что мы носители этого языка.

Толстой любил жизнь, он знал её без всяких покровов, но стремился он, по существу, к некоей райской жизни и потому ужасался многим сторонам земной. Отсюда, из света этой райской жизни, которая была в его сердце, жизни без насилия, войн и обмана, и проистекала его проповедь безграничной любви и непротivления злу насилием. Сейчас это кажется утопией, но не забудем, что учение Толстого о непротivлении восторжествовало при освобождении Индии от британского владычества...

Кроме того, люди в 19 веке ещё помнили христианские заветы, и такие проповеди находили отклик. Но, естественно, тут рождалось сопротивление. Предложил же Николай II европейским державам заключить договор о вечном мире и ненападении. Если бы такой договор был заключён — удалось бы избежать и Первой, и, как следствие, Второй мировой войны. Но дух жадности и насилия восторжествовал — европейские державы отказались. Несомненно, сейчас, в 21 веке, учение о любви и ненасилии выглядит утопично, хотя, как это ни странно, оно и актуально, ибо мир в своём безумии, которое столь остро чувствовал Толстой, верно и не так уж медленно подходит

к пропасти самоуничтожения. Но, в конце концов, как возвещает Традиция⁴, есть миры, где нет зла...

Толстой был максималист, но не разрушитель. Его критика государства была основана не на революционных идеях, которые он презирал за их бессмысленность, а на идее такого преображения человека, при котором государство станет ненужным. Разумеется, в данный период истории — это утопия, но глубинно-тайное желание царства Божьего на земле неистребимо, ибо оно заложено в природе человека — человека как образа и подобия Божьего. И актуальность учения Толстого о любви заключается в том, что в определённой степени оно и сейчас может влиять на людей, ибо призрак самоуничтожения вполне различим.

Но хватит о мире. Лучше — о Толстом. Его одинокий внутренний путь, исполненный страдания и ужаса перед небытием, завершился победой. Он вошёл в неуничтожимое состояние духа, но перед смертью сказал: «Вот и нет Льва». Льва нет, но есть Вечность, в которой он есть.

Два титанических свершения, Толстой и Достоевский, сравнимые в мировой истории и культуре разве что с Вергилием и Данте, обозначили, раскрыли величайшую высоту и мощь русского духа. Один — Достоевский — обнажил боль, почти невыносимый драматизм существования человека и всего мира в целом. Толстой шёл иной дорогой.

Эти два мыслителя были очень разные, но таинственным образом они пересеклись, словно их свела сама Россия. В последние дни Толстого книга «Братья Карамазовы», как известно, была рядом с ним. ■

⁴ Здесь разумеется Традиция в том понимании, которое ей придавал Рене Генон, то есть передающаяся из поколения в поколение совокупность знаний, имеющих «сверхчеловеческий», «надчеловеческий» («supra-humain») характер.

ТОЛСТОЙ И ЭПОХА «ПРОСВЕЩЕНИЯ»

Для понимания внутренней духовной жизни Толстого и его отношения к глобальным процессам становления человека нового времени необходимо ещё раз внимательно перечитать его рассказ «Из записок князя Нехлюдова. Люцерн», написанный в середине 19 века. Герой рассказа, князь Нехлюдов, путешествуя по Швейцарии, останавливается в роскошной гостинице в городе Люцерн. И начинается его знакомство с людьми этого города и с богатыми иностранцами, в основном англичанами, приехавшими в Швейцарию отдыхать. Перед Нехлюдовым проходит, таким образом, вереница человеческих характеров того времени. Сам Нехлюдов, пожалуй, до известной степени типичный русский человек из образованного высшего класса России. Что его больше всего поразило? Для начала, «общаясь» с этими иностранцами в залах гостиницы, за завтраком и так далее, он обнаружил, что никакого общения не получается. Но больше всего удивила причина этого. С пронизательностью, свойственной великим писателям, Толстой (приписав это открытие своему герою) обнаруживает, что причина лежит в полном отсутствии реальной внутренней жизни, движения души у окружающих, в отсутствии малейшего интереса к человеку как таковому и в восприятии реальности с чисто формальной точки зрения. Иными словами, герой рассказа (а фактически Толстой) ясно видит печать смерти на лицах этих людей, представляющих «век девятнадцатый, железный» (А. Блок).

Нехлюдов поражён своим открытием в гораздо большей степени, чем если бы ему показали слона или даже мамонта на улицах швейцарского города. Ибо никакое внешнее событие не может быть столь значи-

тельным, как то, которое происходит внутри человека, ибо человек есть мерило, и не что иное, как мерило, цель и смысл истории.

Отсюда понятно известное презрение Толстого к техническому прогрессу, который ничего не даёт человеку как духовному существу. И совершенно очевидно, что Господь будет судить о человеческой истории не по состоянию экономики, банков и т.д., а по состоянию человека, содержанию его внутренней жизни. Есть что-то гротескное в современном развитии внешних факторов человеческой жизни и в забвении самого человека, его сути. Разумеется, Нехлюдов и Толстой судят об окружающем мире именно с этой, последней точки зрения, с позиции самой сути человека.

В дальнейшем Нехлюдов общается с обывателями этого города и видит такое же отчуждение человека от самого себя, от своего не только духовного, но и просто душевного, эмоционального начала. Только отчуждение это принимает уже другую форму, более вульгарную и гротескную. Единственный, в ком Нехлюдов видит сохранность этого начала, — это несчастный бродяга, исполнитель песен, пытающийся развлечь народ и этим заработать себе на пропитание.

Есть несколько весьма тонких и горьких замечаний князя Нехлюдова, связанных с этой ситуацией в целом. Одно из них — по поводу равнодушия, безразличия к поэзии, невосприятия её. Это важнейший симптом. Восприятие подлинной поэзии возможно только тогда, когда наличествует внутренняя, духовная или, по крайней мере, душевная жизнь человека. Если её нет, то нет и поэзии, которая в силу своих особенностей может задевать самые глубинные сферы души, если таковые существуют. На примере этих наблюдений Нехлюдова о потере интереса к поэзии, об очерствении человеческой души становится особенно ясным, что эти наблюдения Толстого за жизнью в Люцерне не носят какой-то локальный характер, а, по существу, говорят о пророческом даре Толстого, так характерном для русской классики.

Это пророчество в целом относится, конечно, не к каким-то внешним событиям, а к становлению нового типа человека, которое стало очевидным в 20 и 21 веке. Но об этом — в дальнейшем изложении. Отметим только, что потеря интереса к поэзии стала характерной чертой нашего времени. К примеру, музей Рембо во Франции забыт и посещается в основном японцами. Поэзия во всём мире продаётся ничтожными тиражами.

Другой важный момент в наблюдениях Нехлюдова касается так называемого очерствения человеческих душ, отсутствия сострадания

вследствие диспропорционального возрастания в человеке эгоизма и корысти. Нехлюдов оказался особенно чувствителен в этом отношении. Он горячо сочувствует несчастному бродяге, певцу, судьба которого в других вызывала только насмешки. Князь видел в бродяге, люмпене, своего брата. Другое важнейшее наблюдение — пропасть между крикливыми социальными лозунгами (свобода, равенство, братство) и самой жизнью. Здесь, конечно, поле для самого чёрного, но освобождающего юмора настолько огромно, что привлекло бы любого мастера гротеска. Но Толстой пошёл по другому пути.

Он вполне лоялен по отношению к положению о равенстве всех людей перед законом. Одним словом, это прекрасная идея, хотя её вовсе не просто распространить на людей всех рас в эпоху колониальных империй. Но Нехлюдов обращает внимание на иной аспект: реальная человеческая жизнь охватывается законом на какую-то ничтожную часть, нередко чисто формальную, а основная жизнь человека, включая, конечно, его внутреннюю жизнь, не охватывается законом совершенно, протекает вне его. Эта основная часть человеческой жизни, включающая те стимулы (корысть или, наоборот, любовь, сострадание), которые являются двигателями его жизни, протекает сама по себе и ограничена только формальными правилами, легко обходимыми. Иными словами, закон и дьявол вполне и очень даже совместимы. Несовместима с дьяволом только любовь, но её-то и нет. Оставим здесь без рассмотрения совершенно гениальные размышления Толстого по поводу совмещения добра и зла в нечто единое в человеке. Однако нельзя не заметить проскользнувших а «Люцерне» замечаний о том, что деньги являются определяющим моментом не только в экономической жизни, но и в сознании человека. Для середины 19 века — я уже не говорю о России, но даже для Запада — это всё-таки что-то новое, учитывая, что совсем недавно существовали совсем иные ценности и к тому же религиозная жизнь в то время не была окончательно оттеснена на задний план. Пророческая пронизательность Толстого касается также того, что все сколько-нибудь значимые впечатления от жизни скользят по поверхности сознания этих современных ему людей, совершенно не задевая их внутренней жизни.

Это очень важное наблюдение, ибо оно показывает, что эстетическое или религиозное восприятие, например, становится чисто формальным и протекает по ту сторону самой реальной жизни человека, которая определяется уже иными ценностями, довольно зловещими по своей сути. Всё это стало очевидным в 20 веке, но Толстой предвидел это заранее.

Человек, естественно, прежде всего обращает внимание на то, что происходит вокруг него (войны, экономические катастрофы, революции). Но всё же самое существенное — это то, что происходит с самим человеком, ибо это и определяет его судьбу и судьбу так называемой истории.

Однако то, что происходит внутри человека, конечно, не так бросается в глаза, как то, что происходит вне его. В значительной мере это дело писателей — увидеть, что происходит внутри.

Уже в начале 20 века становится более ясным то, что предвидел Толстой. Эту печать смерти на человеке, которую он увидел в своём «Люциферне», прекрасно изобразил Бунин в знаменитом «Господине из Сан-Франциско». То же самое увидел и Александр Блок, когда обозначил современную ему западную цивилизацию как «остров смерти». Есть много и других свидетельств. Речь здесь фактически идёт о второй смерти, отмеченной в Апокалипсисе, о духовной смерти и полном отстранении от своего духовного начала, которые могут последовать после физической смерти. Но вторая смерть, духовная смерть, видимо, может наступать ещё до физической смерти. Такая ситуация, естественно, сопровождается ощущением, что единственная реальность — только физический мир.

Сомерсет Моэм, наблюдатель с острым взглядом, отмечал, что ещё в конце 19 века люди умирали совершенно спокойно, как и подобает верующим, но неожиданно произошёл какой-то поворот, и уже в начале 20 века люди стали умирать с ужасом и чувством отчаянья. Действительно, не обошлось без «тени Люциферова крыла», о котором писал в «Возмездии» тот же Блок. В наше время этот зловещий процесс духовного умирания зашёл так далеко, что и на Западе, и у нас, в России, уже говорят о приходе новой постчеловеческой цивилизации, в которой всё профанировано — религия, культура, — а сам внутренний мир человека сведён к минимуму.

Надо, однако, отметить, что это явление не носит абсолютно тотального и всеобщего характера, поскольку есть цивилизации, ускользающие от такого влияния (например, Индия), и, кроме того, внутри этой «постчеловеческой цивилизации» есть значительные слои, неподвластные этому могучему течению духовной смерти. В России это «течение» явно противоречит тому, что можно назвать Россией духа, Россией неумирающей духовной традиции (традиционализм в православии, мощь и влияние вопреки всему русской классической литературы, загадочный, парадоксальный менталитет народа и т.д.). Но всё это выходит за пределы данной работы.

Толстой на протяжении своего жизненного пути с пугающей ясностью видел, чем грозит человечеству активно наступающая эпоха «просвещения» с её материализмом, нелепыми гипотезами о происхождении человека от обезьяны, о вечном прогрессе, о сознании как «продукте мозга» и другими классическими идиотизмами этого времени просветителей. Правда, Толстой не дожил до окончательного просветления в виде мировой войны, этой бойни, положившей конец всем гуманистическим мечтам, которые и так были ничем не оправданы. Толстой нигде не стеснялся выражать своё мнение относительно всех язв мира сего.

И вот здесь я хотел бы остановиться на совершенно несправедливых обвинениях чуть ли не в подготовке Толстым русской революции. Ленин особенно разгулялся в этом отношении в своей известной статье. Но тут возникает целая гамма возражений. Во-первых, обличение и критика общества — это одно, рецепт излечения — совершенно другое. Толстой никогда не предлагал и не мог предложить в силу своего учения такое «излечение», как революция. Более того, всякое насилие было ему отвратительно: кровь, насилие, принуждение были органически противоположны тому, чему он учил всю жизнь. Относительно революции, марксизма, прихода к власти рабочего класса Толстой недвусмысленно писал, что даже если такое случится, это ничего не изменит: вместо одной деспотии придёт другая. И он оказался удивительно точен в своём выводе. В то время как многие, в том числе и всяческие псевдомыслители, рассматривали революцию как путь к свободе, Толстой поставил точный диагноз. Единственное, чего он не смог предвидеть, — это то, что марксистская деспотия окажется в миллион раз более жестокой, чем царская власть (да и кто мог такое предвидеть?). Не мог он, как и практически все люди, предвидеть абсолютно апокалипсический, нечеловеческий характер первой мировой бойни. При своей жизни Толстой, я думаю, просто не мог бы поверить, что такое может произойти. Но ведь именно эта чудовищная бойня явилась и главной определяющей причиной революции 1917 года. Россия развивалась более или менее нормальным эволюционным путём, и если бы не эта война, никакой революции не было бы. С этой очевидностью нельзя не согласиться. Даже первая русская революция 1905 года произошла на фоне неудачной войны с Японией.

Те реальные пороки, недостатки, язвы, которые существовали сами по себе, были вполне преодолимы эволюционным путём, и, не будь войны, система не могла бы рухнуть. Это касается причин русской революции; более детальное обсуждение её конкретных причин и роко-

вых ошибок, сделанных Николаем Вторым, выходит за пределы статьи. Что же касается Толстого, то самое главное заключается даже не в этом. Во-первых, излечение, которое он предлагал, носит не только антиреволюционный характер, но вообще не связано с какими-либо либеральными «эволюционными», социал-демократическими или иными путями такого рода, направленными в основном на улучшение, корректировку экономического развития, сводящимися (как в случае социал-демократов) к требованию простой делёжки — с тем чтобы разжиревшая буржуазия, устроившая мировую бойню, поделилась своими доходами с рабочим классом и т.д.

Такой подход фактически ничего не менял в самом человеческом существе. Рабочие оказались так же движимы корыстью и другими заблуждениями века, как и буржуазия. Сущность цивилизации голого чистогана оставалась при этом сохранной. Толстой же предлагал преобразование прежде всего нравственное, самого человека; иными словами, он предлагал изменить причину всех причин, а не последствия, вытекающие из отчуждения человека от своей духовной и нравственной сущности.

Собственно говоря, если иметь в виду человеческую историю, то могут возразить, что человек агонизировал всегда. Но агония агонии рознь. То, что произошло в 20 веке, носит характер качественного изменения. И дело не только в преступлениях и злодеяниях 20 века (от концлагерей до Хиросимы) — преступления в мировой истории совершались всегда. Вспомним колониальный геноцид, ещё до Первой мировой войны, — геноцид китайского народа, связанный с опиумной войной, начатой Британией против Китая, когда ради прибыли опиум был безжалостно внедрён британскими компаниями в Китай (путём войны), что привело к катастрофическому уменьшению численности населения Китая. Дело не только в этом. Как уже отмечалось выше, в 20 веке основное качественное изменение произошло в самом человеке. Именно поэтому Толстой и предлагал свой путь, путь нравственного излечения. При чём же здесь революция?

Существуют два пути внутреннего преобразования человека. Один — путь нравственного преобразования, неизменно связанный с глубокой верой. Другой, принятый на Востоке, исходит из того, что все заблуждения человека, все зигзаги и приступы его эгоизма являются результатом его духовного невежества. Если бы человек знал, для чего он предназначен, знал, что его ожидает после смерти и чем определится его дальнейшая судьба, он и вёл бы себя соответствующим образом. В этом случае излечение мо-

жет состояться на основе метафизического знания. Путь знания был знаком Толстому (подробно об этом я уже писал в своей статье «Толстой и Бог»). Но, к сожалению, этот путь, связанный с духовным исследованием собственного сознания, открыт только для тех, кто имеет весьма специфический духовный дар. Это как с талантом: или он есть, или его нет. Другое дело — путь нравственного пробуждения, путь любви. Это заложено практически в каждом человеке (если в нём не произошло обратное, негативное пробуждение, пробуждение сил зла и духовной слепоты). И учение Толстого, как известно, связано именно с этим путём. Впрочем, считается, что учение Толстого весьма уязвимо, ибо оно глубоко утопично. Возражения сводятся к тому, что в наше время массовое, тотальное преобразование человека в этом направлении невозможно, реально такое преобразование только в отдельных случаях или в небольших группах людей. Поэтому учение о любви утопично, а любые утопии приносят только вред людям. Более того, в наше время бездонного цинизма человек с чистой душой чаще всего обречён стать жертвой: он незащищён перед лицом мира хищников. Правда, его может защищать закон, но закон — относительно слабая защита, ибо есть бесчисленные возможности причинять зло, не нарушая никаких законов или обходя их. Но все эти возражения, в свою очередь, уязвимы, хотя, несомненно, большая доля правды в них есть.

Во-первых, мы знаем, что существовали времена, когда христианские истины действительно преобразовали большую часть общества. Например, так было во Франции времён Людовика Святого и, несомненно, у нас на Руси: ещё в 19 веке двери в крестьянских домах не запирались, а убийство человека, тем более, самоубийство, было большой редкостью. Всё это изменилось уже к концу 19 века: с одной стороны, свою лепту ненависти внесли революционеры, а с другой — торжество материализма, стяжательства, денежного мешка, падение веры. Однако даже в 20 веке учение Толстого о любви и ненасилии сыграло огромную роль — в деле освобождения Индии.

Кроме того, такое омертвление души, о котором говорилось выше и которое предвидел Толстой, не может охватить всё человечество, все социальные слои. Если бы такое случилось, то тогда уже слово за Апокалипсисом, ибо существование людей в таком виде бессмысленно с точки зрения замысла Божьего о человеке. Значит, ничего не остаётся, кроме свершения нового неба и новой земли. Причём именно тогда этот переход, конец этого мира и начало другого, может произойти внезапно, когда его никто не ожидает, ибо тотальное омертвление может после ряда катастроф совмещать-

ся с благополучной, сытой жизнью, даже с мещанским уютом. Поэтому почему же «конец», если всё благополучно? Ведь мёртвый не замечает своего омертвления. Само собой разумеется, что такая ситуация далека от современной. В этом смысле нам пока, думаю, ничего не грозит.

Современный мир кипит, в нём есть всё: и омертвление, и бьющаяся духовная жизнь, разнообразие цивилизаций, идеологий, поисков, цинизм и революционный порыв, грозное приближение огромных перемен, цивилизационных сломов. Омертвление — это существенная наша черта, но лишь одна из нескольких. Другая важнейшая черта этой цивилизации — чудовищные заблуждения, которые принесли с собой и кровь, и смерть, и тупик. Поэтому вся критика Толстым государства, власти носит отнюдь не политический характер; по крайней мере, она не строится по обычной политической схеме: одна система власти — плохая, и её надо заменить другой, более правильной. Его критика больше направлена против современной цивилизации в целом, не исключая так называемой оппозиции, которая не лучше власти, а, по существу, сотворена из того же теста, если не из худшего.

Толстой был крайне радикален, гораздо более радикален, чем все революционеры вместе взятые, но его радикализм не был политическим, это было бы слишком мелким для него. Его радикализм — это радикализм любви и ненасилия, бескровный радикализм, требующий полного духовного преображения человека и на этой основе — отмены современной цивилизации как таковой. Фактически это призыв к воссозданию рая на земле, рая в подлинном, религиозном смысле этого слова. Является ли это утопией? Конечно, да. Но это такая утопия, которая в отличие от коммунистической и всех прочих, противоположных коммунистической, не несёт в себе крови и смерти.

Она может оказывать определённое влияние (что доказывает пример Индии) и в целом — быть, по крайней мере, неким идеалом, пусть недостижимым. Кстати, христианское ортодоксальное вероучение вполне реалистично в этом отношении. Христос показал, что спасение возможно для всех людей, но христианство признаёт реальность зла и его силу в человеке, хотя и временную. Толстой, конечно, видел силу зла в человеке, да её и невозможно было не видеть. Но в построении своего идеала он как будто отменял все препятствия на пути его реализации и показывал конечный результат. Такое впечатление, что Толстой сам пришёл на землю из какого-то райского состояния и даже как-то спонтанно, с детства стал верить, что существует некий ключ к всеобщему счастью. Он умудрялся видеть присутствие Бога как в самой природе — такой жестокой и бес-

пощадной, наполненной борьбой за существование, — так и в человеческом обществе. Он считал, что благодаря таинственному присутствию Бога в человеке возможен некий качественный скачок из мира тьмы, заблуждений и самоуничтожения в мир всепроникающей любви человека к человеку и к окружающему его миру.

Конечно, одним из главных препятствий к созданию какого-либо рая на земле является смертность человека и его неведение относительно своей судьбы после физической смерти. В этом — корень и источник страха, который явно мучит современного человека и который он тщателью пытается скрыть от себя. В современном мире (я не говорю, конечно, о тех регионах, где истинная религиозная традиция ещё жива) создаются все условия для того, чтобы забыть о том, что человек конечен, утопить человека в обществе потребления («потребление» тоже, кстати, находится под угрозой), в повседневной трескучей бессмыслице или в патологической жажде чисто животной жизни; это в лучшем случае, а в худшем — утопить в пустоте, в роботоподобии существования.

Одно из лучших лекарств от всей этой пародии на жизнь — русская классическая литература, которая пробуждает к совершенно иной жизни. ■

СТАТЬЯ О РОССИИ ВЕЧНОЙ К ЛЕКЦИИ В МГУ

В данном тексте, который связан с моей лекцией в Московском государственном университете на факультете философской антропологии, я постарался как можно более кратко и яснее выразить то, что я там рассказал. Прежде чем приступить к лекции о России Вечной, я начал именно с момента, как это зародилось. Я попал вместе со своей женой Марией в США, эмигрировав из Советского союза в семидесятые годы при общем потоке так называемой диссидентской эмиграции из СССР. После прибытия в Америку, на протяжении двух-трех месяцев и больше, я достаточно ясно представил всю ситуацию и был поражен одним глубоким обстоятельством, глубокой реальностью.

Вот что меня поразило. Когда мы с Машей познакомились с остатками «белой» и другими волнами эмиграции, меня потрясло то глубокое страдание, потрясение, которое испытывали люди, лишенные своей родины, лишенные России. Это чувство было гораздо глубже, чем ностальгия в обычном понимании. Это было, как разлука со своей мистической матерью. Как с некой первоосновой собственного бытия, с собственной душой. Разрыв с тем, что с тобой неразрывно. Страдания при этом принимали исключительно часто характер самоубийств или возвращения на Родину, особенно среди «белой эмиграции», когда человек знал, что он или попадет в тюрьму, или его расстреляют. Так и бывало. Шли на гибель, но возвращались. Вспомним стихи Набокова по этому поводу. А тех, кто не возвращался, посещало это чувство разрыва с неразрывным — это абсолютно не походило на чувство других эмигрантов, даже тех, которым было

запрещено возвращение на родину. Политических эмигрантов из разных стран было полно — и китайцев, и японцев. Китайцев, скажем, было очень много. И других народов, особенно из Восточной Европы. Китайцы непознаваемы, в обычном смысле этого слова. Для нас непознаваемы, может быть. Эмигранты из восточной Европы — понятные люди, но они никогда так близко не страдали, как страдали русские. Глубина этого разрыва, этой ностальгии меня настолько поразила, что я стал искать причины этой тоски. Для этого, естественно, я погрузился в исследования, прежде всего, даже не русской истории, а русской культуры, включая религию, конечно. Потому что в культуре, особенно в литературе, может быть полностью выражена «национальная душа». И перечитывая классику, прежде всего, не советских писателей, это смешно, а классику. Потому что в русской классике был, естественно, не отрезан самый высший уровень зеркального отражения души — я имею в виду уровень метафизический, религиозный, духовный, которым была полна русская классическая поэзия, то есть досоветская поэзия и литература. Классика от Пушкина, Достоевского, Блока и до Булгакова и Платонова — они все-таки были детьми Российской Империи. Пусть революционные, как Маяковский и Платонов, но их менталитет создавался еще в Российской Империи. А советские писатели, при всей их талантливости, были лишены этого уровня. Потому что читать о вечном, о Боге, о смерти, о бессмертии души, о путешествиях души по невидимому Космосу, о высшем Я — это было невозможно. А писать об этом — даже и думать было запрещено. Диссидентская литература мало отличалась от советской, она была еще хуже, правда, за некоторыми исключениями. Когда я погрузился в исследование русской классики, православия, истории и, наконец, просто собственной души, души друзей, передо мной открылась картина, настолько глубокая и в философском смысле значимая, значимая до ужаса, до восторга, что, естественно, сразу зародилось целое учение — учение о России и о русской душе, потому что это — одно и то же. Макрокосмос — Россия, микрокосмос — человеческая душа, но они идентичны, они — то же самое, в принципе то же самое. Но выразить в одной статье или лекции все, что я обнаружил, конечно, сложно. Возможно, я смог это выразить в книге: «Россия Вечная», но это — большая книга со многими дополнениями. В короткой статье или лекции это выразить можно, только опираясь на некоторые фундаментальные моменты. Когда как бы выяснилась вся картина, то я, прежде всего, остановился на тех основных реалиях, в которых выражалась Россия Вечная. То есть, Россия Вечная — Россия Духа. Каковы же основные кон-

центры выражения вечной России, русского Духа? Этих концентров, основных как бы, несколько.

Прежде всего — православие. Одна из великих идей России заключается в том, чтобы сохранить христианство, православие до конца мира. Это, можно сказать, вселенская задача, поскольку с приближением конца мира истинные религии будут оттесняться и ситуация человека будет крайне экстремальной в этом отношении. И все же, надежда заключается в России. Только в ней сохранится очаг спасения, очаг православия.

Потом, в широком смысле — русская культура, в которой конечно выражена Россия Вечная с потрясающей силой любви и загадочности, поиска. Это, пожалуй, самый открытый и доступный уровень понимания Вечной России. И следующее — это невидимое мировоззрение. Невидимое мировоззрение — это то мировоззрение, которое возникло в России, в русском народе в доисторический период, возможно даже, в доязыческий период. Здесь следует сказать, что я рассматриваю историю не только как историю, которая выражена письменно — она очень короткая. Реальная история человечества, именно нашего цикла, она несоизмеримо уходит в далекие времена. Насколько мы можем судить по санскриту, по индусским источникам, они обнимают пространство примерно в сто тысяч лет до новой эры. Надо знать учения о космических циклах и циклах, которые проходит человечество. Сейчас я просто указываю на ту древность, о которой мы знаем из письменных источников — индийских, таких как «Махабхарата» и другие, которые подтверждены также археологическими открытиями. Это невидимая проблема заключается в том, что русский язык является необычным языком. По исследованиям, проведенным Гусевой, великим индологом, и по исследованиям этнографа Жариковой обнаружилось, что в двадцатом веке есть места, где люди говорят на протосанскрите, на чистом протосанскрите. Это на севере, под Архангельском. Потом выяснилось так же, что протосанскрит, фактически, на семьдесят процентов совпадает с русским языком. Когда индусы, знающие санскрит, приезжают и приходят на базар, полный народа где-нибудь в провинции, они потрясены тем, что понимают эту речь. Современные индийские языки, хинди и так далее, более далеки от санскрита, чем русский язык. Все это известно. Открылись также вещи и археологического порядка, которые полностью изменили представления о происхождении русского народа, стандарты которых связаны с варягами и прочим — все это отпадает. Так же надо обратить внимание на то, почему в Индии так любят Россию. Потому что гуру — те, кто прине-

сли высшую мудрость в Индию, — пришли с севера, как они считают, из России, давно, в доисторические времена. Таким образом, я говорю это, чтобы было понятно, что означает концентра «невидимое мировоззрение». Она означает то мировоззрение, которое существовало в русском народе в доисторическое, может быть доязыческое время, когда, видимо, существовала еще Гиперборея, о которой писали греки, и о которой написал книгу Ломоносов — «Об истинном происхождении русского». Но, как известно, власть пришла в ярость, потому что это разрушало сословную теорию, связанную с происхождением князей и так далее, это слишком меняло ситуацию, и книга была запрещена. Екатерина II запретила ее, а потом эта книга была уничтожена. Она была связана именно с тем, о чем я говорю. Мы не знаем, какое это было мировоззрение, хотя можно догадываться о каких-то деталях, которые, несомненно, видимым образом присутствуют в нашем генетическом коде, выражаясь современным языком. В нашем невидимом поле сознания. Я не употребляю фрейдистские термины — подсознание и так далее. Недостойно употреблять современную терминологию павших людей, совершенных профанов, в той статье, где речь идет о чем-то высшем, сакральном. Это невидимое мировоззрение каким-то образом все же проявляет себя в нашем бытии.

Здесь существует также другая концентра, которая связана с влиянием Востока на Россию. Это влияние не такое уж видимое, но оно, на самом деле, в нашей культуре очень существенно. Достаточно вспомнить Толстого, Бердяева под конец жизни, Бунина и многих других писателей, и сам дух Востока, и, прежде всего, индоевропейский мир. То есть, это — мир Индии и влияние некоторых других моментов, не самой религии индуизма. Индуизм может быть качеством только индусов, в этой религии можно только родиться, а не перенять ее. Конечно, это не было влиянием религиозным, это было влиянием метафизическим, которое особенно проявилось у Толстого, в его знаменитых записках, в его дневниках. У меня есть специальная статья — «Толстой и Бог», в которой я показал, что Толстой, изучая Восток, сам открыл решающие аспекты адвайта-веданты, в то время, как об этом великом учении в Европе знали в конце девятнадцатого века, но писали абсолютную ерунду. Было внешнее знание, но понимание было равно нулю. И только уже в середине двадцатого века, благодаря работам Рене Генона с переводом индийских текстов, стало понятно, о чем идет речь. Сейчас адвайта-веданта считается высшим пиком метафизики. А Толстой открыл ее. Возможно, не до конца — там должны быть следующие шаги, но принцип ему открылся. Не со-

зная, может быть, этого, но сознавая значимость того, что он пытался открыть. В этом смысле влияние метафизического Востока, не религиозного, я повторяю, а философского для нас стало существенным.

Другая концентра — хаос. Мы знаем, что такое сакральный хаос. Дело в том, что в хаосе заключены все потенции и элементы будущих порядков. Порядок выходит из хаоса. Недаром говорится, что анархия — мать порядка. Это такое смешное выражение анархистов, но это, действительно, так, по большому счету. Когда аспекты хаоса организуются, из него выходит тот или иной мировой порядок. Хаос всегда больше порядка, в нем всегда заложены элементы того, что данный порядок может быть отвергнут. В хаосе заключены все потенции мировых направлений. Поэтому наличие хаоса, не буквального, но хаоса мировоззрений, хаоса даже в организации, хаоса в истории — это весьма опасный, но очень духовно значимый момент. Это признается западными историками, которые пишут, что русские могут жить только в хаосе, и что хаос побеждает любой порядок. В одной статье американский журналист возмечтал победить Россию и расселить русский народ по странам. И написал, что в каждой стране должны жить не менее десяти процентов от общего населения страны, иначе русские своим хаосом, своим мировоззрением, непонятным Западу, могут заразить эти народы. Вот такой распоясавшийся мечтатель.

Есть другая важная концентра. Как хаос проявляется в русской истории — это специальное такое исследование, он присутствует в нашей истории, не только в нашей душе. Потому что русская душа, по бердяевским моментам, полна антиномии, то есть противоречивых направлений — это очень существенно. Русская идея Бердяева, как он ее понимал, — это очень существенный шаг. Все эти противоречия в русской душе дают внутреннюю свободу, свободу разной направленности. Вместе с тем, в нашей общественной жизни, истории, хаотической в относительно разной степени, возможности присутствуют везде, поэтому нам нужна крепкая и очень сильная власть, чтобы организовать нашу страну, иначе она может просто распасться. Потому что беспорядок в общественной жизни, даже в государственной организации, присутствует, во всяком случае, по сравнению с Западом. Это действительно какие-то движения хаоса. Недаром один немецкий генерал высказался, что русским не стоит беспокоиться за свою страну, потому что Бог на их стороне. Если бы было иначе, то страна за два-три месяца распалась бы и ушла,

как единая страна. То есть, он имел в виду именно это отсутствие железного порядка, настоящего порядка, которым отличается Запад.

Наконец, последняя концентрира — русское бытие. Оно заключается в следующем. Абсолютно признано, даже на уровне телевидения, и американцы так считают, что особенностью русских является, в самом простом выражении, наличие некоего «второго этажа» в сознании. Что это значит? Это значит довольно простую вещь — «первый этаж» связан непосредственно с жизнью людей, с их материальным бытием, с физиологией тела, с бытом, с карьерой, с успехом, неудачами, в общем всем, что составляет такую текущую жизнь человека, чем он живет. На Западе считается, именно в сегодняшней западной цивилизации, что именно этим должен жить человек — потреблением и больше ничем. Так, специалиста по Чехову ни в коем случае не должен интересовать Бальзак или, скажем, Достоевский, поскольку это — не его специальность. Человек должен заниматься только своей специальностью и тем, что дает ему деньги, а все, что выходит за пределы возможности получения денег, не должно для него существовать, и никакими другими знаниями он не должен обладать. То есть человек уподобляется физиологическому зверороботу, который не должен интересоваться ничем иным, кроме своей работы. Конечно, это вызывает сопротивление, в том числе и в западных странах. Что касается русских, здесь речь идет о «втором этаже» — о том, что, кроме «первого этажа», который свойственен всем людям, существует этот «второй этаж», который заключается в том, что мы должны жить для чего-то. Такой вопрос: ради чего мы живем? То есть должен быть некий смысл выше уровня быта. Это можно назвать национальной идеей, можно назвать какой-то целью, можно назвать иначе, но этот «этаж» всегда присутствовал в жизни русского народа, в том числе и в жизни периода Советского Союза, когда царила коммунистическая утопия, надежда на социализм, как выход из бед, и тотальное господство цивилизации «голового чистогана» социализма. Все время жили надежды, по крайней мере, в Советском Союзе в массовом сознании, что все же нужно стремиться к лучшему строю. Всегда существовал этот «второй этаж». В имперское время в царской России это была вера — Бог, Царь и Отечество. Но это был мощный «второй этаж», который все время присутствовал. И также в частных других случаях — у каждого была своя надежда, мечта, что-то, что выше быта. Присутствие этого «второго этажа» выше быта, это то, что до известной степени имеет даже массовый характер. Поэтому на Западе считается, что русские — самые мистический народ Европы. Это действительно так, но уже

по более глубоким основаниям. Дело в том, что об этом «втором этаже» и этаже, который выше второго этажа, мы будем говорить в дальнейшем. О том, что в сознании русских существует некая вторая реальность. Надо здесь сделать одну оговорку, что под термином «русский» мы имеем в виду не только собственно русских, но и тех, кто живет в русском языке, русской культуре и считают Россию своей родиной. Более того, есть иностранцы, которые обладают русской душой. Что такое русская душа — это состояние души, определенное, совершенно определенное состояние души. Это бывает, у Сьюзен Мэсси, как пример, с ее книгами о России. Она родилась в Швейцарии, но ничего общего с ними не имела. Чтобы закончить этот вопрос, надо сказать, что учение о России Вечной не имеет ничего общего с национализмом. В том смысле, что национализм всегда предполагает негативное отношение к другим народам, что русским совершенно несвойственно и неприемлемо. Патриотизм — другое дело.

Возвратимся к нашей теме. Чтобы яснее представить себе, что такое Россия и что стоит за этими концентриками, во что конкретно они выливаются, в короткой статье можно сделать таким образом, чтобы выделить некоторые основополагающие пункты в русской культуре, в русской истории, по которым становится ясна конкретизация, что такое русская душа и, что такое Россия Вечная. Я выбрал несколько стихотворений, которые сразу придают определенную направленность, которая характеризует Россию Вечную, как Россию Духа и Россию, как страну. Первое, скажем, стихи Есенина и Лермонтова. Такого порядка, у Есенина: «Но люблю тебя, родина кроткая! А за что — разгадать не могу», то же и у Лермонтова: «Не могу понять, за что люблю. Но люблю, за что, не знаю сам». То есть, это — первый момент, на который мы обращаем внимание, что любовь к России очень сильная, но загадочная. Она не определяется какими-то качествами или чем-то еще, хорошо или плохо живется в России или чем-то иным определенным. Она неуловимо существует и носит загадочный характер, как выражено в этих стихах. Эта загадочность России, загадочность такой необычной привязанности к ней и проходит вообще через всю русскую культуру и, как пример, это выражено в этих стихах. Второй момент, на который я хочу обратить внимание — это момент, когда Россия в русской литературе выступает, как тайна. Это сильно выражено у Блока: «И в тайне — ты почишь, Русь». Русь даже во сне — тайна. В любом своем состоянии это — тайна. Это проходит через русскую культуру очень сильно, потому что все время возникает вопрос — что такое Россия? Вопрос этот может возникнуть только тогда, когда ответ не-

ясен, он хранится в какой-то тайне. Дело все в том, что такой вопрос не существует в культуре других стран, потому что нелепо спрашивать, что такое Англия. Каждый англичанин ответит, что это — страна. Вопрос «что такое Россия?» проходит в русской литературе. Такое ощущение, что Россия — это не просто страна, а какая-то метафизическая тайна, и в ней лежит что-то большее, чем просто страна. Это проходит через культуру, и другой момент, который подтверждает все это, — знаменитый стих Есенина: «Если крикнет рать святая: «Кинь ты Русь, живи в раю! Я скажу: «Не надо рая, дайте родину мою». То есть, здесь уже нечто иное, некое добавление к тайне. Это добавление заключается, во-первых, в том, что притяжение России настолько сильное, что оно игнорирует счастье и выше, чем счастье, потому что рай — описание счастья, тотального счастья, но счастьем нужно пренебречь, потому что в России лежит нечто, что выше, глубже и интереснее счастья. Ради этого отвергается рай, как символическое, скажем, название, и не только рай. И опять не говорится — почему. Здесь выражено, одно — чувство любви к России, такое, с которого мы начинали, говоря о Есенине и Лермонтове, и оно подтверждается даже этим стихотворением. Но, кроме любви, такой мистической любви, есть намек на какое-то особое состояние души, которое дает Россия и которое заключено в русской душе и в России. И вот это состояние, необъяснимое, таинственное, но родное — оно выше рая. Для нас оно выше счастья, выше всего, разумеется, кроме Бога. Но это — уже другой вопрос. И, наконец, завершая все это, приведу одно великое стихотворение Волошина, называется оно: «Россия, 1915 год». Оно кончается таким образом:

Сильна ты нездешней мерой,
 Нездешней страстью чиста.
 Неутоленную верой
 Твои запеклись уста.
 Дай слов за тебя молиться,
 Понять твое бытие,
 Твоей тоске причаститься,
 Сгореть во имя твое.

В этих двух четверостишиях выражено много, даже слишком много. Как раз здесь указывается на один из главных принципов русской веры русской души. Это — неутоленность веры, стремление к запредельности: «Сильна ты нездешней мерой». Любая вера не уголяется, надо идти все дальше

и глубже — это естественно для нас. То есть выясняется основной метафизический импульс вечной России — стремление к запредельному. «Сильна ты нездешней мерой, нездешней страстью чиста» — это не просто какое-то любопытство, а стремление заглянуть в то, что непознаваемо, что скрыто за пределами человеческого разума. К этому влечет некая нездешняя страсть. Страсть познать Россию, во-первых, и страсть к запредельному. Почему еще необходимо познать Россию? Второе четверостишие как раз об этом говорит: «Твоей тоске причаститься». То есть здесь очень важный момент выходит, момент так называемой «русской тоски», о которой много говорится в русской литературе, очень много. Известно, что она беспричинная и не связана с какой-либо потерей. Бывает, и с потерей, но тут — другое. Все моменты, которые здесь описываются, когда речь идет о русской тоске и метафизической тоске, здесь как раз о том, что необходимо «твоей тоске причаститься», то есть понять твою тоску как тоску о том, что запредельно. И мы видим из этих стихотворений целый кодекс России Вечной, кодекс русской души. И совершенно понятно поэтому, завершая эти точки, которые необъятны, потому что они распространяются на всю русскую культуру, что «в Россию можно только верить» — знаменитые тютчевские слова. Но, действительно, что это значит — «в Россию можно только верить»? Верить можно таким образом — когда вы видите нечто, что вас привлекает, вы идете к этому, тянетесь к этому, это — нечто сверхценное для вас, но одновременно вы не можете все это познать. Этот объект частично вам открыт, но его основа, его продолжение находится где-то там, оно закрыто, и вы в это верите. Это вера — всегда соединение и знание, потому что надо понимать и знать, во что вы верите. И, в тоже время, это — вера. Потому что, если этот объект, в данном случае Россия, уходит в запредельное, то это, конечно, становится вопросом веры, да еще неутоленной. Если мы с вами отбросим все свои горести и печали, связанные с теперешней ситуацией России, и обратимся также к великой русской литературе, то мы увидим, что все это с огромной силой проходит через творчество Достоевского — все, что я описал здесь, у Толстого, в поэзии, особенно у Пушкина, Блока, Есенина, в классике целиком, у великих и даже классиков «второго ряда». Проходит тоска по запредельному и все моменты, о которых мы говорили. Например, хотелось бы обратить внимание на то, что Толстой и Достоевский считаются великими философами. Наша литература — это одно из чудес света в сфере культуры, это признано, как время Перикла и время эпохи Возрождения, оно породило гениев высшего плана — таких, как Толстой и Достоевский. Достоевский признан лучшим мировым писателем всех времен. О нем написано книг

больше, чем о всех других писателях мира, кроме Шекспира. Шекспир — драматург. «Война и мир» признана лучшим художественным произведением мира. Но дело не в этом. Дело в том, что наша литература философична, и очевидно, что всем известно, что из произведений Достоевского родился современный экзистенциализм. На Западе много написано о Достоевском, как о философе. Что касается Толстого, то здесь еще сложнее. Я уже говорил о том, что он стал открывать адвайту-веданту, когда об этой великой метафизике еще никто ни в Европе, ни у нас не имел представления. И последние слова Льва Николаевича, когда он уже умирал и лежал на одинокой железнодорожной станции, и, насколько я читал и слышал, он уже умирал, бредил, но какие-то слова, исходящие из его души, произносились. И эти последние значимые слова были такими: «Я люблю истину». И здесь, в понятии Толстого, имелась в виду абсолютная истина. Абсолютной истины не знает никто. Понятие «абсолютная истина» касается, фактически, тайны Бога, тайны всего Бога. Не только Бога-творца, а всего. Гигантской бесконечной реальности, Бога в самом себе или Ниргуна-Брахмана по-индийски, который бесконечен. Он больше, чем Бог-творец, но связан с этой бесконечностью, как любой элемент Абсолюта. И эта абсолютная истина, как последняя основа Абсолюта, возможно, является тайной для самого Бога. Для самого Бога в полном понимании этого слова — не Бога, который проявлен, а всего, включая великое божественное Ничто. И Толстой стремился к этому — к абсолютной тайне. И кое-чего смог достичь, хоть и путем такого драматического разрушения. Потому что он, как видно из его дневников, был объят сомнениями, мучениями, страданием. Поэтому его русская душа выражается не только в «Войне и мире», в его великом патриотизме, а еще и в поисках того, чего нельзя найти. Вот такие великие души бродили по Имперской России. Я говорю и о тех душах, которые неизвестны в этом мире, поскольку они не выразили себя произведениями, но я знаю, что таких молчащих для мира странников в России было много. Такие странники были и в Советском Союзе. Потому что даже чудовищная сила советской власти, запретившей православие и религию, не смогла победить Россию Вечную и русскую душу.

Что же мы можем выразить, как некую метафизическую основу России вечной — это стремление. Это ясно из этого текста, но мы подчеркнем, что это стремление к запредельному. Стремление к бесконечному. Стремление к неутоленности веры. Этот комплекс, направленных метафизических лучей. Он образует очень мощную метафизическую реальность, стремление. И, кроме того, другие моменты.

Подведем итоги рассмотрения русской идеи, русской души и России Вечной — это составляет нечто единое. Это — некая троица. Одним из глобальных проявлений русской духовности является стремление к запредельности, к бесконечности, как мы выяснили, стремление дойти до предела, до крайности, в том отношении, чтобы выйти за пределы любой завершенности, чтобы найти большее, чем все, что завершено. То есть, стремление познать запредельное, несмотря ни на какие трудности, мягко говоря, в этом направлении. Другим моментом нашего рассмотрения русской души и России Вечной было ощущение тайны, глубокой тайны, скрытой в основе существования России, поскольку эта тайна выходит за определенные пределы, доступные прямому исследованию. Тайна сопровождает Россию и «в тайне — ты почиешь, Русь». Другим важным моментом этой тайны является ее метафизичность, то есть совершенно очевидно, что такого рода существование целой идеи Вечной России является тайной, которая выходит за пределы земного мира. То, что выходит за пределы земного мира, является ответом на вызов запредельности. Совершенно очевидна метафизичность этой тайны. Другим важным моментом является так называемая тоска, которая в России носит тоже метафизический характер, как мы выяснили. Наконец, надо упомянуть знаменитую бердяевскую антиномичность русской души, то есть, присутствие в ней несомнимых противоречий, несовместимость явлений, которые, казалось бы, не могут принадлежать одной и той же реальности.

В связи с этим, несколько слов о негативных моментах русской жизни — о том духовном анархизме, который часто выплескивается в этом порыве. «Вся великая, темная, пьяная, окаянная двинется Русь». Однако Блок провозгласил: «но и такой, моя Россия, ты всех краев дороже мне». Его гений приводил его к пониманию того, что негативное в России имеет неизбежный и глубокий смысл, так как все негативное является неизбежно необходимым моментом существования светоносных высших реалий. Чтобы познать свет, надо познать тьму. Тем более, что тьма у нас особенная, она может быстро превращаться в озарения — такова антиномичность русской души. Отсюда понятно выражение Тютчева: «В Россию можно только верить». Таинственный характер любви к России и наше отталкивание от любой завершенности, которое образует тупик для дальнейшего прыжка в бездну неизвестного. Если мы возьмем все эти характеристики метафизического характера русской души, метафизических планов России Вечной, благодаря которым она именно и становится вечной, как она переходит границы земной истории, ста-

новится действительно ясно, что эта необъятность русской души, России, выраженная даже географически в ее просторах и ее природе, которая отражает русскую душу, благодаря чему мы чувствуем сакральность наших лесов, нашей природы, сакральность есенинских пейзажей, эта необъятность, конечно, может реализоваться, только переходя границы земной истории. Она выражается и в земной истории, но переходит ее границы и образует реальность космологической России, России, выходящей за пределы земной истории — это неизбежно, исходя из раскрытия русской идеи и русской души. Земная история очень ограничена, она относительно короткая, она, в общем-то, движется к завершению и к переходу в иное качество — «новое небо, новая земля» из христианской теологии. Поэтому понятно, что Россия неизбежно имеет пролонгацию в видимом или, скорее, невидимом Космосе, о котором говорят все космологии древних, который признают все традиционные религии, эти огромные реалии невидимого Космоса, куда уходит и наша душа. Ясно, что в этих мирах должна реализоваться русская идея и существование космологических Росий (может быть, она не одна, и наша земная Россия — один из вариантов этой космологической России). Совершенно понятно, что дальнейшее движение должно быть направлено к выяснению отношения России Вечной к Абсолюту, но прежде надо представить себе, хотя бы, платонический Космос, когда образуются сначала идеи, потом они принимают некую определенность, наконец, воплощаются. Согласно философскому традиционализму, любая глубокая идея метафизического характера неизбежно должна воплощаться в мире. Есть понятие — словообразующие миры. Слово, в котором воплощена божественная энергия, великая идея, неизбежно должно воплотиться. В китайской традиции — это идея «белого дракона», то есть мыслительной силы, которая воплощается в земных мирах. Ясно, что русская идея не может уложиться только в короткую земную историю. Но обратимся к тому, что ее задача и стремление выходят за эти пределы. Что касается отношений между Россией Вечной и Абсолютом, это совершенно другая тема. Она предполагает, по крайней мере, специальную статью, так как это — уже чистая метафизика, для прочтения которой нужна, возможно, все-таки некая подготовленность, поэтому мы не будем сейчас говорить об этом аспекте, который требует специального рассмотрения. При общем взгляде на ситуацию мы знаем, что вся воплощенная реальность имеет свой прообраз в абсолютной реальности, в Абсолюте, в Боге, и она воплощается, получает жизнь только потому, что она дана в самом Абсолюте, что

она исходит от Бога, как любая другая метафизическая идея — нечто, что должно воплотиться, что обозначено Словом и ждет своего воплощения.

Следовательно, теперь, когда мы завершили вот этот круг, обозначили, что такое космическая Россия и углубились в ее вечные аспекты, нам нужно сделать бросок в земную Россию, нашу Россию и попытаться более близко, в конкретной ситуации сделать некий обзор ее будущего, ее идеалов. Если говорить о нашей современной России, то в данный момент она находится в трудной ситуации, поскольку ей объявлена негласная война, но выйти из этого положения и найти план выхода может только руководство страны, потому что оно обладает всей полнотой информации оборонного значения, космического, экономического, политического и любого другого, а, следовательно, только оно может правильно оценить ситуацию и найти выход из положения. Поскольку мы чувствуем, что Россия предназначена к великому — великому существованию, великому будущему, то можно надеяться, что мы успешно пройдем этот трудный период и выйдем из него, но предназначенность не означает, разумеется, что мы должны уповать только на высшее начало и сидеть, сложа руки. Бог помогает только тем, кто сам хочет помочь себе — это глубокая истина, потому что ничего не делается против свободы воли человека, в той мере, на котором эта свобода воли распространяется. Вечная Россия в любом случае воплотится где-то или реализуется, но, если мы не будем ее любить, не будем любить себя, свой внутренний мир, себя, как таковых, и не будем стремиться к устройению России, то не исключен вариант о том, что этот великий проект, великая и вечная Россия, может рухнуть на этой земле. Это не значит, что этот проект не осуществится в других мирах, этих миров достаточно. Но здесь, если мы сами не будем стремиться к самоутверждению России, то нельзя недооценивать опасность крушения России, поскольку мы все знаем о ситуации. Надеюсь, что этого, конечно, не будет, но этого не будет только при условии, если мы будем прилагать к этому все силы. Но, однако, мы можем сделать некоторый рисунок, идеальный, будущей России с нашей точки зрения. Не такого отдаленного будущего, а более-менее близкого. Речь идет о том будущем, которое уже будет, возможно, реализовываться после того, как мы выйдем из этого положения и обеспечим свой суверенитет.

Сейчас мы попробуем обрисовать эту картину России, основные черты, с моей точки зрения, идеального будущего. Основой этого будущего является суверенитет, независимость России, причем этот суверенитет не только политический или экономический. Суверенитет распростра-

ется на все уровни жизни — и духовный, и психологический, и суверенитет в сфере образования. Это реальный суверенитет всех важнейших уровней бытия России. Почему это важно? Потому что из всего вышеизложенного ясно, что у России собственный путь, что именно только на этом пути она может реализоваться, как духовно великая держава и более того. Поэтому, собственно говоря, если мы говорим на языке земной истории, то следствием этого, совершенно очевидно, является образование российской цивилизации. То есть, то, что являет собой русский менталитет, духовность и черты вечной России, настолько свойственно России, это ее черты, что образуется само понятие российской, русской цивилизации, к которой приобщаются и наши братские народы, оставаясь в то же время со своими национальными чертами и своей национальной сущностью. Суверенитет в сфере духовной, скажем обобщая, необыкновенно важен, потому что в центре цивилизации, в центре всего стоит человек. Человек творит экономику, творит политику, а не экономика творит человека. Каков человек, такая и цивилизация. Поэтому духовный момент очень важен во всех отношениях — и в отношении связи России с Богом, с высшими силами, и в отношении ее будущего, и в отношении защиты России от тех влияний, которые могут ее разрушить. Мы видим на примере истории, что эти влияния действительно могут разрушить Россию и превратить ее в антироссию. Следовательно, за этим уже следует колонизация, в той или иной форме, и гибель Великой России. Поэтому Россия должна быть защищена своей духовностью. Она, так же, как человек, имеющий внутреннюю мощную жизнь, защищен от всех информационных и других влияний, так же и суверенитет в сфере духа может защищать Россию от многочисленных явлений и влияний, которые могут разрушать не только нас, а еще и другие народы, все народы. Защитить может только броня нашей культуры и веры в Россию. Нечего и говорить о том, что суверенитет должен быть подтвержден силами обороны, так как без соответствующей обороны у нас не только не будет хорошего будущего, а вообще никакого будущего не будет, поскольку мы рискуем тогда просто не существовать, если не будем заботиться об обороне, ибо мы знаем, в каком мире живем.

Далее, что касается политической системы, то она должна быть демократической, насколько это вообще возможно, но главное, она должна работать для народа, для страны. Политическая система должна защищать страну, какой бы она ни была, она действительна только тогда, когда она работает для страны и народа, а не для какого-то отчуж-

денного от страны капитала или других стран и так далее. В связи с этим, если говорить уж об экономике, хоть мы и не специалисты в этой сфере, но, конечно, важно, чтобы эта экономика работала прежде всего в таком идеальном виде. Это может быть экономика, которая сочетает сильные стороны капитализма и социализма, во всяком случае, настолько, насколько возможно добиться такой гармонии. Собственно, и европейская экономика так или иначе является компромиссом между социал-демократией и правыми силами, но это — европейская экономика, там все другое. А наша экономика все-таки должна быть социальной, то есть она должна служить всей стране, всему своему населению, а специфические рекомендации нам трудно давать, для этого надо быть специалистом. Поэтому мы сразу перейдем к следующим чертам нашей России.

Другой важнейшей чертой является, конечно, духовная составляющая. Без нее России вообще не может быть. Всякая великая страна велика именно благодаря этому уровню, потому что, когда создается великая культура и духовное начало в целом, выраженное в религии, метафизике, философии, культуре и так далее (именно так происходило в китайской, индусской, персидской, греческой истории), тогда страна при помощи этого духовного начала не только обеспечивает себе связь с высшими силами и Богом, но и обеспечивает длительность существования страны, потому что то, что делается ценного в этой сфере и потом может становиться мировым достоянием или нет, принадлежать только этой стране, требует продолжительности, при которой разворачиваются все эти явления, которая относится к относительно вечным моментам. Другим важнейшим моментом является та роль, которую Россия может нести в мире, как страна, стремящаяся к гармонии цивилизаций и, в конечном итоге, к миру. Это вытекает из того, что Россия обладает всем, что ей нужно для своего процветания и жизни, и нам не нужна никакая экспансия, тем более какая-либо агрессия, поэтому задача России в международном плане — это обеспечение мира для всех народов, больших и малых, и для гармонизации мировых отношений. Совершенно очевидно, что мировое господство — это абсурд, это неосуществимо, это приносит вред и разрушения, даже тому государству, которое пытается это осуществить, поэтому неизбежно сосуществование нескольких цивилизаций, таких, например, как российская, китайская, индийская, мусульманская, западная, европейская, американская, латиноамериканская, которая только начинает образовываться, и установление мира между ними за тем, чтобы избежать термоядерной войны, чтобы избежать бесконечных конфликтов и истощения сил чело-

вечества, которые пригодятся для многих других испытаний, которые человечеству предстоят в отдаленном будущем, может быть, даже довольно близком — все это составляет цель России, с нашей точки зрения, цель в международных отношениях. Конечно, желательно иметь союзников, но мы должны ровно относиться ко всем, в том отношении, чтобы избежать войны, серьезных конфликтов и угрозы существования человечества.

Другой существенной чертой нашей великой России является характер отношений между людьми — это необычайно важно, потому что это вытекает из самой идеи России Вечной. Согласно этой идее, Вечная Россия отражается в душе наших людей, нашего народа и образует, применительно к личности, внутреннюю Россию каждого из нас. Таким образом, мы, фактически, являемся братьями и сестрами по духу и генетически, в конце концов, тоже. Но главное — духовное начало. Недаром говорят, что быть русским — это состояние сознания, особое состояние сознания. Это совершенно вытекает из России Вечной, из всего предыдущего сказанного, что это — несколько не генетическая связь, а связь высшая, духовная, и это определенное, выраженное больше или меньше, состояние сознания. Поскольку мы являемся не только людьми, но и братьями и сестрами, то, конечно, должна присутствовать любовь, быть интерес друг к другу, интерес к общению, к душе наших соотечественников — они вместе образуют некую картину России, внутренней духовной России. Должна царствовать любовь, основанная на этом единстве, любовь между нами — в семье, к детям, к соотечественникам.

Что еще следует из всего перечисленного — проследим за вытекающими следствиями. Одним из самых важных следствий является так называемый духовный патриотизм. Он вытекает из самого существования великой России, тем более Вечной России. Этот патриотизм, основанный на отношении к православию, к нашей культуре, к нашей душе, независим даже от политического патриотизма, от национального патриотизма, который тоже необходим, но духовный патриотизм образует особый вид патриотизма, который не зависит от того, плохо ли жить в стране, хорошо ли, потому что он является патриотизмом духа, патриотизмом сферы, которая не зависит от политики, от того, кто нами правит и так далее. Конечно, правление должно соответствовать интересам России — это понятно, но, в общем, духовный патриотизм образует некую независимую силу, которая может, так сказать, быть своего рода мировоззрением, которое держит Россию на уровне. В связи с этим очень важно подчеркнуть, что в этой великой России должно быть пол-

ностью преобразовано образование и воспитание, гуманитарное прежде всего. Это образование должно основываться на принципах духовного познания тех реалий, о которых мы говорили. Скажем, если говорить о культуре или литературе, которая является основой культуры, прохождение классики, образующей именно эти элементы Вечной России, которая обращена к самым глубинным моментам русской души, и надо изучать это таким образом и выбирать то, что имеет вечное значение, то есть значение, актуальное для каждого человека любого времени, потому что вечность стоит над временем. Те моменты, которые выражены в поэзии Блока, Есенина, Пушкина, в гениальнейших творениях Толстого и Достоевского, они образуют именно круг русской души, и надо выделить эти моменты в творениях наших гениев. Это — большая работа для учителей, для образования, они сами должны научиться быть духовно русскими и дать это образование в школе, причем этот духовный патриотизм имеет характер, приемлемый для всех народов нашей родины, для наших братских народов, при сохранении, разумеется, их национальной культуры тоже.

Другой особенностью, касающейся культуры, является проблема русского языка. Не будем повторять и говорить о том, насколько русский язык — великое явление. Мы хотим здесь сказать о другом. Поскольку русская идея выходит в запредельное, в богопознание в поиске последней истины, то неутоленность и прорыв в эти сферы нуждаются в соответствующем языке, даже сакральном. Не потому, что он чисто религиозный, он — язык народный, но для нас он — сакральный, язык нашего общения, нашей культуры. Эти прорывы в Россию Вечную — это создание фактически новой метафизики, это ясно выражено в моей книге «Судьба бытия», они нуждаются в языке, в том отношении, что возникает совершенно новое понятие, невыразимое на языке существующем, и нуждаются в образовании новых понятий, глубоких обозначений. Присутствие в России, в нашем сознании «второй реальности», о которой мы говорили, все это нуждается и будет нуждаться в великом углублении русского языка, тем более будущее, уже более отдаленное, будет сопровождаться невероятными открытиями, которые тоже нуждаются в понимании. Невероятными до такой степени, что эти явления могут поразить современного человека, как если бы христианин восемнадцатого века оказался в современном Нью-Йорке. Углубление русского языка в сторону неизвестного — тоже дело культуры. Поэтому, я считаю, что русский язык для нас — сакральное явление, и мы должны развивать, беречь, укреплять его всеми силами.

Другим важным аспектом нашей великой России является необходимость, по отношению к состоянию, в котором мы находимся, нравственной революции. Дело в сознательном вторжении так называемого капитализма в Россию в его самом худшем варианте. Даже не капитализма, а просто сознательного разрушения, когда совершенно дикие частные инстинкты господствовали над всем и вся и разрушали все — нашу психологию, нашу историю, нашу духовность, нашу культуру. Сметали все с лица земли, с такой же яростью, как если бы это делало насильственным путем гитлеровское вторжение. Может, я преувеличиваю, по крайней мере, у нас был элемент свободы, и мы могли сопротивляться этому разрушению на всех уровнях. Собственно, разрушения были и в сфере нравственности, потому что господствовал самый дикий культ эгоизма, свобода джунглей, ведь свобода имеет и негативные стороны — она может быть не только высшей, разумной, человеческой, ведущей к Богу и, по крайней мере, нормальному человеческому существованию, любви к семье, к людям, к соотечественникам, к родине. А свобода джунглей — свобода дикого эгоизма, свобода, беспощадная к другим людям. Когда говорят «свобода», то всегда почему-то думают только о ее позитивной стороне, в то время, как свобода может нести страшные негации — есть свобода для Бога, и есть свобода для дьявола. Свобода — вовсе не однозначное слово, оно может быть также негативным, как и многие другие выражения, и поэтому, чтобы выйти из этого тоталитарного торжества эгоизма, который перерастает в какую-то уголовщину (всем понятно, о чем идет речь), мы нуждаемся все же в нравственной революции, в частичном возврате консервативных ценностей и так далее. Нужно особо подчеркнуть важность возвращения человеческой морали, совести, любви к людям и понимания того, что дикий эгоизм наносит удар не только другим людям, но и, прежде всего, самому себе. Нравственная революция тоже должна стать частью идеальной России, о которой мы говорим. Самым лучшим возрождением в этом плане может являться не какой-то кодекс морали, который надо выполнять по закону, а возрождение чувства любви. Если вы будете любить своих соотечественников и будете относиться к ним, как к братьям и сестрам, если вы будете любить свою семью, детей, уже не говоря о родине, о любви к которой мы уже говорили, то вы неизбежно не будете приносить вред и зло другим людям. Если кого-то любишь — не приносишь ему зло. Этот момент тоже необычайно важен. Таким образом, основы существования великой России, если их обобщить, следующие: мы не призываем к какому-либо аскетизму — эти времена христианской чистоты давно прошли,

и вернуть их невозможно, но многое можно сделать в этом направлении. На данном этапе истории человека, в этом тысячелетии, неизбежен интерес человека к земной жизни и к ее пониманию, поэтому неизбежно мощное развитие по горизонтальной линии — по линии науки, материального потребления и так далее. Попытки научных открытий неизбежны. Они могут быть грандиозными, например, продление человеческой жизни до нескольких столетий, могут быть и более существенные открытия. Но эти открытия, как и всякая подобная направленность, неизбежно будет иметь негативные стороны, как развитие науки имеет позитивную и негативную стороны, негативную — из-за атомных бомб, угрозы войны, самоуничтожения, отравления планеты, так что негации всегда будут, но открытия неизбежны, как и успехи в этом отношении. Хотя, горизонтальная линия очень мощная, и она может поглотить человека — это означает, что человек может погибнуть духовно, для нашей цивилизации это особенно очевидно. Цивилизация «второй смерти» — то явление, которое в религии обозначают тогда, когда, после физической смерти человека, наступает смерть духовная и отторжение от образа и подобия Божьего со всеми последствиями существования в низших мирах. Чтобы гибели высшей человеческой души не произошло, необходимо одновременное существование вертикали. Сейчас, в нашей цивилизации она тотально оборвана, особенно это умудрились сделать на Западе — все, что относится к духу, или профанировано, или растоптано. И к нам все это заползает. Таким образом, нормальное развитие может быть только тогда, когда горизонтальное развитие сопровождается наличием мощного вертикального. Это сочетание горизонтального и вертикального развития может дать относительную гармонию, и Россия способна это сделать. Надеюсь, и все человечество, но эти надежды немного блекнут, судя по многим предсказаниям. Во всяком случае, скажем, в Индии, наличие вертикали очевидно. У нас в России вертикаль должна актуально существовать вообще по определению России, и она есть и сейчас, и всегда была, даже в девяностые годы двадцатого века. Эту возможность нельзя упустить — возможность и спасения души, и внутреннего духовного расцвета, который обеспечивает существование космологических Россий, продление жизни на земле, поэтому наша задача — не дать погибнуть этой вертикали, иначе погибнет Россия, потому что испытания, которые предстоят человечеству — огромны. Там будут огромные достижения, но и огромные испытания, в лице природных катаклизмов, в лице вторжения из невидимого Космоса, но уже не богов, а, скорее всего, негативных существ. Я прочту одну фразу, кажется,

перевод с санскрита, она очень древняя, еще до нашего времени, до прихода Христа, может быть, несколько тысячелетий назад. Фраза такая, что будет время, когда люди будут летать на железных птицах, но дела их будут злы и они отойдут от веры, от религии. Короткая фраза, написанная за несколько тысячелетий до христианства. Насколько она точно характеризует всю страшную суть современной цивилизации. С одной стороны — мощнейшие технологии, которые несут не только комфорт, но и негатив, с другой стороны — нравственное падение. История двадцатого века показывает, что «дела их злы», мягко говоря. Всемирная история, я имею в виду, в которой и до двадцатого века были колониальные войны и уничтожение целых народов, она говорит сама за себя. Потом очень важный момент, что они отойдут от веры — вот этого, при всем зле, которое творилось до двадцатого века, еще не было, а сейчас есть и это, и это носит опасный фатальный характер, не только для будущего человека, после его смерти, а это — удар, который несравним ни с какими бедами земной жизни, потому что это касается уже другой жизни, бесконечной, мы не будем уточнять, но современный человек стал настолько далек от духовной жизни, что он может просто не осознавать этого, ему, может быть, просто наплевать на все, что относится к духовной сфере. В России, к счастью, это не так. Есть молодое поколение, которое просто ничего не знает, его заставили быть необразованным, ему просто не дали образования, сознательно, оставили без сил, неизвестно как, но по душе они — нормальные люди. Опасность и необычность разрушения религии, которого не было в такой степени раньше, касается также и земной жизни, будущего. Поскольку такие вещи, пустоты, обычно заполняются чем-то иным, и в такой тупиковой ситуации возможно все, что угодно, в том числе любые катаклизмы, так что нам следует всеми силами реально поддерживать вертикаль в том подлинном виде, в котором она дана Богом, высшими силами, высшим разумом, и сохранять ее, избегать профанации. В этом состоит призвание великой России, но это — не просто консерватизм в данном случае, это не только сохранение традиционных ценностей, но и умение наше в будущем реагировать на те вызовы, о которых современный человек не имеет никакого представления. Это могут быть страшные вызовы, которых человечество никогда не переживало, поскольку невидимые миры существуют, и то, о чем говорит религия, абсолютно реально. Ответ на эти вызовы зависит от нашей способности к живой духовной жизни. Не то, что к затвердению каких-то старых правил, а к сохранению живой духовной жизни, которая сможет правильно реагировать на все вызовы, которые нам

предстоят уже в более отдаленном будущем. Но, может быть, и в относительно близком. Поэтому то, что мы описали, относится к той России, которой желательно, с нашей точки зрения, восторжествовать уже в ближайшее время, и здесь, конечно, ключи ко многому лежат в системе образования, мы не будем говорить, в чем именно, хотя и так понятно, в каком направлении нужно идти, потому что именно гуманитарные науки делают человека, обладающего духовностью, а не какого-то потребителя, которым якобы легко управлять. Глупцами тоже трудно управлять, они бывают взрывчатыми, потому что вообще ничего не понимают. Нам нужен человек, а не потребляющий дурак. Капитализму нужно, чтобы пожирались все эти продукты и накапливалась их стоимость, но интересы народа и страны должны быть прежде всего, а не интересы каких-то групп людей, потому что среди капиталистов есть люди чистые, такие же, как мы, которые любят свой народ и свою страну.

Все, что я пережил в эмиграции, дало свои плоды, потому что только там я осознал, в какой стране живу. Действительно, большое видится на расстоянии, потому что у советской власти, несмотря на все ее достижения, было то, что совершенно невозможно было переносить. По крайней мере, многим людям, и поэтому мы оказались в эмиграции, но, так или иначе, Россия в нас жила всегда, где бы мы ни были. А сейчас мы все должны и действовать, и молиться о защите России. О ее выходе и спасении из этой ситуации, в которую она попала. Слава России и ее непознаваемости! ■

РУССКАЯ КЛАССИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА КАК МЕТАФИЗИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ

В мире русская классическая литература рассматривается как одно из трёх чудес света в сфере мировой культуры, наряду с веком Перикла в Древней Греции и европейским Возрождением. О Фёдоре Достоевском написано больше книг, чем о любом другом писателе. Больше, пожалуй, сказано только о Шекспире, но он драматург. Русская классика вписана золотыми буквами в вечный фонд человеческой мысли.

Лев Толстой и Фёдор Достоевский являются не только гениальными писателями, но и великими философами. Фактически, чтобы определить их статус, можно ввести новое понятие: «экстрагениальность», ибо слово «гений» для них слишком мало.

О Льве Толстом как о писателе написано более чем много, однако нельзя сказать, что он понят. Так, Дмитрий Мережковский, на мой взгляд, был глубоко не прав, изображая Толстого как «гения плоти», имея в виду его акцент на изображении «всемогущества» земного мира. В действительности, у Толстого земной мир пронизан таинственными лучами сверхбытия, и именно этим создаётся такое грандиозное впечатление от его произведений.

У Толстого исключительно важно уникальное раскрытие им метафизики истинного «Я» в человеке. Здесь он вошёл в самое глубинное зерно метафизики Востока, и удивительно, что фактически это почти чистая Веданта, точнее, адвайта-веданта — вершина всей индийской мудрости. Толстой самостоятельно пришёл к этому по конец своей жизни, писал, что в состоянии «истинного «я» ...нет ни зла, ни смерти».

Здесь не место касаться проблемы «Толстой и церковь». Эта деликатная тема требует тонкого и осторожного рассмотрения.

Для критиков и литературоведов стало привычкой рассматривать Толстого как разрушителя Российской Империи, как «зеркало русской революции». Думаю, что объявлять его революционером совершенно абсурдно. Толстой ненавидел насилие и, несомненно, пришёл бы в отчаяние и ужас от того, что натворила революция. Не говоря уже о том, что он ясно заявлял, что революция бессмысленна и приведёт только к тому, что одни насильники сменяют других. Поэтому о Толстом можно, конечно, говорить как о критике современной цивилизации и, в частности, государства как такового. Это действительно так, но надо стараться понять, с какого уровня, с какой точки отсчёта Толстой отрицал современный мир.

Фактически, он отрицал его с позиции Царства Божьего — райского состояния, в котором торжествует любовь ко всему живому, а ненависть, насилие и уничтожение человека человеком полностью отсутствуют. Ясно, что такие требования к нашему «падшему миру» утопичны, а после безумия двадцатого века и просто бессмысленны. Но Толстой жил совсем в другое время, и тогда, при всей утопичности таких воззрений в целом, они имели смысл и отзвук. Прежде всего, в 19 веке и в начале 20 века христианство и его проповеди во многом ещё жили в сердцах людей. Со стороны России были даже попытки, правда, отвергнутые, заключить вечный мир среди европейских держав, чтобы избежать войны. И, наконец, эта сторона мировоззрения Толстого полностью восторжествовала в великой Индии, нашем верном друге, ибо Махатма Ганди был, как известно, учеником Толстого, и под влиянием последнего была осуществлена единственная в мире ненасильственная «революция».

Очевидно также, что в наше время отрицание государства, а не просто конкретная критика тех или иных его сторон, теряет свой смысл, ибо мир зашёл слишком далеко в своём скатывании на край бездны, и ныне даже Индия вооружена ядерным оружием. Здесь нужны другие пути. Что касается России, то нам, наоборот, необходимо укреплять государство, ибо иначе нас просто уничтожат.

Лев Толстой не виноват, что мир так круто изменился. Правда, он проявил себя именно как пророк в своём разоблачении современной цивилизации как чисто материалистической, отказавшейся от примата духовного принципа. Одно его высмеиванье дарвинизма и подобных увлечений многого стоит. Он есть настолько грандиозная фигура, что ещё предстоит огромная работа, чтобы до конца понять его.

Другой «сверхгений» России — несомненно, Фёдор Достоевский. О нём написано невероятно много, и нет необходимости пояснять, что он

не мог быть разрушителем Российской Империи. Он таким не был. Но это всего лишь политическая сфера. На уровне всей современной цивилизации как таковой он был и пророком её катастроф, и пророком её тайных глубин. Им предсказаны и описаны все будущие поиски и падения мировой культуры 20 века — от экзистенциализма до богословских исканий. Откровений и прозрений у него неопишимо много, но «Записки из подполья» выделяются даже из всего им написанного. Что только не сказано об этой книге — но до последней глубины её трудно докопаться. Там есть беспредельное своеволие, дикий метафизический анархизм, крушение всех авторитетов, бунт против любого «хрустального замка» счастья и гармонии и, наконец, неопишемый солипсизм. Солипсизм можно понимать как крайнюю форму субъективного идеализма, когда несомненной реальностью признаётся только человеческое «я», а всё остальное объявляется лишь существующим в сознании индивида. «Записки из подполья» — это родная мать чуть ли не всей мировой литературы 20 века. Здесь, как и во всех творениях Достоевского, проходит тайная мысль о страшном конфликте между душой и духом в человеке. Мы не можем здесь дать точное определение понятия «дух», но явно это понятие относится к тому, что скрытым образом присутствует в человеке, что есть образ и подобие Божие, т.е. сфера не от мира сего, иными словами, это есть Бог. И душа человека глобально связана с духом, с Богом, но они разные по определению. Нигде бунт души против духа так не выражен со всей очевидностью, как в «Братьях Карамазовых» и «Записках из подполья». И этот тайный бунт во всей мировой космологии (так же, как и примирение между духом и душой) является одним из главных измерений вселенского бытия. Творчество Достоевского может быть понято как раскрытие беспредельного драматизма существования человека в мире.

Толстой сказал о Достоевском (которого он, тем не менее, читал перед смертью), что «не может быть Учителем человек, который весь противоречие». Ведь наряду с драматизмом, Достоевский писал и о горней гармонии, скорее, декларировал её. Да, наверное, он не может быть Учителем, но есть и другой статус: «вскрыватель глубин тайных». Именно поэтому в наше время чудовищных сломов Фёдор Достоевский так везде востребован.

На примере и Толстого, и Достоевского видно, что одной из главных черт великой русской классики, помимо её предельной философичности и пророческих даров, является неисчерпаемость глубин её смыслов и подтекстов, что делает русскую литературу не только литературой,

но и мистической записью, какой и была великая традиция литературы древних — от «Махабхараты» до Вергилия. Более того, эти тайные смыслы русской литературы не раскрыты для всех до тех пор, пока сатанинский след духовной бездарности и рационалистического материализма не исчезнет навсегда и окончательно в наших умах.

Эта многозначительность русской классики, глубинные уровни её метафизических озарений, иногда не осознаваемые самими авторами, ведут к тому, что при чтении этих произведений всегда есть возможность открыть в них всё более глубокие уровни. Поэтому я уверен, что через несколько столетий нашу великую классику будут понимать иначе, чем сейчас. Бессмысленная марксистская литературная критика видела, например, в «Мёртвых душах» Николая Гоголя эдакое социальное загнивание. Но совершенно очевидно, и Гоголь говорил об этом Пушкину, что вовсе не Россия как таковая изображена в его поэме, ибо Россия того времени — это страна-победительница Наполеона и Европы, страна великих поэтов и мыслителей, страна расцвета русского дворянства. А что же там изображено? Ответ таков: начавшийся незаметно некий мировой процесс измельчания, омертвления человеческих душ, который потом, расширяясь, захватил весь европейский мир и проник в Россию. Читайте замечания Гоголя об этом, а лучше всего — страшный рассказ Льва Толстого «Люцерн».

Опускаясь ещё глубже в интерпретации «Мёртвых душ», мы неизбежно подойдём к Данте, к великому учению средневекового богословия об аде ничтожных душ. Но об этом пока достаточно. Тема очень не проста для понимания.

Такую же метафизическую многозначительность мы видим в другом гениальном произведении русской классики — в романе Ивана Гончарова «Обломов». Если отбросить социальную интерпретацию этого романа, как всегда ограниченную и примитивную, можно остановиться на распространённом понимании этого романа на Западе, как «Илиады русской лени». В общем, не так уж плохо, но это не метафизический уровень. В образе Ильи Обломова лежит, несомненно, какая-то тайна, ибо одной ленью он не объясним. В глубине этой тайны ключом к разгадке этого образа, я думаю, является одно: скрытое, но непобедимое «нежелание жить». Нежелание жить, как живут все или глобальное нежелание жить? Ответ — за пределами этой статьи.

Подобные глубины подводными течениями проходят по всей русской классике. Один «Мелкий бес» Сологуба чего стоит. Или описания природы в «Господах Головлёвых». И многое, многое другое.

Другая метафизическая черта — это пророческий дар русской классики — в особенности в отношении грядущей цивилизации 20 века. Иван Тургенев в «Отцах и детях» умудрился, например, изобразить характерный тип узкой ментальности значительной части учёной братии, ментальности, которая только-только намечалась в его время.

Обратимся к поэзии, хотя бы коротко. В исламе есть положение о том, что дар поэтов иногда «больше, чем кровь мучеников». То же, возможно, относится и ко всей литературе, если она носит мистический или метафизический характер. Величайшими поэтами России в 20 веке являются, несомненно, Александр Блок, Сергей Есенин, Владимир Маяковский и Марина Цветаева. За ними следуют ещё, может быть, девять-десять, одним словом, несколько крупных поэтов; 20 век был особенно богат в России поэзией. Но первенство этих четырёх определяется весьма легко. Очевидно, для того чтобы поэзия была великой, необходим не только «талант» поэта (политическая его направленность тут вообще никакой роли не играет), но действительно гениальный поэт образует свой собственный космос, целый мир, пронизанный прозрениями и особенным виденьем. Блок весьма близок к понятию сверхгениальности, недаром его можно назвать «русским Данте», ибо он начал с чисто мистических прозрений относительно Вечной Женственности, что было сходно с Данте, Петраркой и другими поэтами, что рассматривали Вечную Женственность как Принцип, как красоту, пронизывающую всю Вселенную. И это воззрение достигало высочайшего духовного раскрытия как в Европе, так и в древнем Востоке.

Но Блок открыл не только рай женской красоты, но и ад наступающей цивилизации 20 века. Он предсказал это в то время, когда большинство людей надеялись, что 20 век будет веком мира, любви и процветания. Что касается революции и его поэмы «Двенадцать» — обо всём об этом надо говорить особо и выяснить причины, почему так много писателей, поэтов, учёных в самом начале приветствовали революцию, а потом, и довольно быстро, отвернулись от неё, как это сделал и Александр Блок.

О гениальности Есенина, возродившего в своей поэзии русский космос тысячелетней деревни, и о многом другом в его поэзии — я писал детально в книге «Россия Вечная» и в других статьях.

Маяковский и Цветаева — это две стороны одной и той же медали, называемой русской историей, одна сторона которой — красная, другая — белая. Эти огромнейшие по своему замыслу поэтические империи составляют и гордость, и трагедию русской поэзии. Трагедию в самом высоком смысле этого слова.

Надо приблизиться и к самому сокровенному явлению в русской литературе. Это есть познание России и любовь к ней. Это выражено в ней с такой невероятной, почти сверхъестественной силой! Россия в русской литературе выступает фактически как некая самостоятельная метафизическая реальность, — явление, кстати, абсолютно уникальное. Это ещё одна глубинная особенность русской классики. Если проследить всё, что касается познания и любви к России в русской литературе, то создаётся впечатление чего-то необъяснимого, выходящего за рамки данного мира. Хотя, конечно, выйти за пределы любой данности, уйти далеко-далеко, в бесконечность — это чисто русская черта.

И в заключение хочется сказать хотя бы несколько слов о нашей современной России, о её положении. Россия — это мы. И наша судьба. В девяностые год мы пережили геополитическую катастрофу, которая угрожала самому существованию страны. Если бы политическое направление, которое как будто восторжествовало в России в девяностые годы, продолжалось, последствия были бы непредсказуемы, а если предсказуемы, то только в худшую сторону, вплоть до потери независимости страны.

Но в начале 21 века, как известно, пришёл новый президент, новая команда — и это спасло Россию. Было создано государство, которое отстояло суверенитет России и сделало её сильной. Но старые раны, нанесённые в 90-е годы, ещё не зажили, и возникли новые опасности. Но наша задача в такое время — хранить и защищать Россию. Защищать от саморазрушения и от многого другого. Разумеется, государство может быть сильным и вместе с тем демократичным, когда права и свободы людей не нарушаются. Это великое искусство «суверенной демократии». Нельзя быть постоянно в моральной, психологической и иной оппозиции к государству, ибо его разрушение грозит всем гибелью.

Сейчас, как никогда раньше, ввиду непредсказуемых и неожиданных явлений будущего века, требуется искреннее взаимопонимание между народом, государством и интеллигенцией. Если удастся залечить раны прошлого (коррупция, демографический кризис и т.д.) и обойти жутковатые, может быть, сюрпризы 21 века — мы окончательно спасены.

Чтобы осуществить великое духовное и метаисторическое предназначение России, в данный момент мы должны сохранить её физически, отстранить все угрозы вопреки безумию этого мира. ■

МЕТАФИЗИЧЕСКИЙ ОБРАЗ РОССИИ ЭССЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Итак, наша цель — увидеть и понять тот образ России, который сложился в русской литературе и в особенности в поэзии на уровне интуитивного, порой мистического прозрения. Речь идёт о прозрении относительно духовной сущности России в целом и глубинной связи между человеком и его Родиной, Россией.

Таким образом, это некое внутреннее, духовное видение России, видение того, что казалось скрытым от внешнего глаза.

Надо отметить, что именно литература, поэзия в частности, обладает способностью проникать в самые глубокие уровни реальности, открывать то, что порой закрыто даже для философии. Эту метафизическую способность поэзии проникать в невидимые, скрытые истины хорошо знали древние.

Этому высшему дару поэзии мы и обязаны появлением таких сокровищ мировой литературы, как персидская поэзия, «Махабхарата», поэмы Гомера и Вергилия, Данте, Александра Блока. Они озарены великим метафизическим зрением, позволяющим открывать подлинную реальность, скрытую от земнородного взгляда. В пределах такой поэзии возможно описывать вселенскую действительность, параллельные миры, ад и рай, божественные сферы, скрытые стороны нашего мира — независимо от того, как это выражено — в метафизической ли форме, аллегориях или философско-мистическим языком. Во всяком случае, это такая поэзия, которая выходит за пределы нашего земного корыта с его социальными бурями.

Интересно, что в персидско-арабском мире считалось, что даже определённое нарушение поэтом религиозной ортодоксии не подлежит духовному суду, поскольку, если это действительно мистическая литература, поэт в этом случае входит в сферу, неподвластную простому человеческому разуму, входит в сферу, распознаваемую только интуитивным

интеллектом. Этот дар, свойственный искусству вообще и литературе как царице искусств в особенности, тем не менее очень важен для человеческой жизни и истории, потому что с помощью этого дара могут открываться самые существенные и поразительные стороны реальности, которые иначе были бы сокрыты от человека. Причём эти «стороны» могут быть настолько важны для человека, что способны полностью изменить его. Недаром поэзия Данте стала символом итальянского самосознания.

Конечно, в искусстве реальность часто открывается в образах, а не в чистой мысли, но образ может идти дальше, чем мысль, и, кроме того, образ доступен философской расшифровке. Русская классика — от Пушкина до Андрея Платонова и Михаила Булгакова — несомненно, дала нам непревзойдённые образцы такой поэзии и прозы. Недаром русская классика считается одним из чудес света, наряду с веком Перикла в Афинах и эпохой Возрождения в Европе.

Однако наша классика настолько глубока, что, несмотря на многочисленные исследования, она всё ещё нуждается в философской интерпретации, в углублении её понимания.

Вообще, поскольку наша литература коренным образом философична, это затрудняет её понимание. Тем более литературоведение и литературная критика второй половины 20 века, изуродованные советским материализмом, потеряли возможность философского и метафизического осмысления литературы. Страшная «бесконечная сияющая пустота» так и оказалась неразгаданной.

Но наша цель несколько необычна: не Вселенная, как у Вергилия, не ад или рай, как у Данте, не мир, как у Толстого, а именно Россия, причём только в поэзии.

Довольно редко отдельная страна является объектом мистического, или интуитивного (как угодно), прозрения. Ни Древний Рим, ни Греция таковыми не были. Но у нас всё по-своему. И мы начнём с хрестоматийного стихотворения Лермонтова «Родина». Стихотворение начинается знаменательными строками:

Люблю отчизну я, но странною любовью!
Не победит её рассудок мой.

Это уже совсем иное, чем простой патриотизм, это любовь, направленная на нечто глубоко внутреннее, неизъяснимое. Это ключевые слова, ибо речь идёт о том, что по сравнению с этой любовью разум, рас-

судок человеческий — ничто, настолько эта любовь глубока и таинственна. Как видно из этого прославленного, но не до конца понятого стихотворения, «странная» любовь не связана ни с какими реалиями русской истории, её славой и успехами, а возникает она помимо всего этого из какого-то неопишуемого и загадочного источника. Поэтому:

Но я люблю, за что, не знаю сам...

Иными словами, эта любовь к России носит мистический и в то же время непостижимый для ума характер. Складывается впечатление, что источник такой любви связан с какой-то высшей тайной России.

Таким образом, это стихотворение знаменует начало глобально-поворота в русской культуре и в русском самосознании, ибо то, что было заложено в этом стихе, проявилось и расцвело во всей полноте в русской культуре XIX и XX веков. И, следовательно, кроме традиционного патриотизма, связанного, например, с военными успехами или с идеей «Третьего Рима», в России появился новый, неизвестный доселе вид патриотизма — любовь к Родине. Эта любовь уже носила чисто мистический, безусловный характер, не связанный ни с какими рациональными предпосылками, и по своему качеству превосходила естественную любовь к Родине.

Параллельно возникло и стремление к русскопознанию, то есть к познанию России как особой самобытной реальности, даже как метафизического объекта. Обо всём этом я и буду говорить в дальнейшем.

Поэзия Тютчева — типичный пример гениальности. В стихии понимания России у него, как известно, есть прежде всего два великих стихотворения, ставшие хрестоматийными, но о этого не потерявшие своей загадочности и приобщённости к вечному:

Эти бедные селенья,
Эта скудная природа —
Край родной долготерпенья,
Край ты русского народа!

Не поймёт и не заметит
Гордый взор иноплеменный,
Что сквозит и тайно светит
В наготе твоей смиренной.

Удручённый ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде Царь Небесный
Исходил, благословляя.

К сожалению, современный читатель может не знать (или быть плохо или ложно информированным) о той стране XIX века, о России, в которой жили его прародители. А такое знание необходимо для полного понимания этого стихотворения. Дело в том, что Россия даже в XIX веке была не просто страной, ведомой православием, а на самом деле православное религиозное сознание настолько глубоко проникло в народ, да и в высшие сословия, что фактически это был несколько иной народ, чем сейчас. Достаточно сказать, что, насколько я помню из соответствующих архивов, в середине XIX века в огромной Российской Империи совершалось всего пять-шесть убийств в год (!), что говорит о глубоком проникновении христианских заповедей в сознание нации. Смертных приговоров (в основном по политическим причинам) было, как известно, всего несколько за столетие, и все они были связаны или с цареубийством, или с подобными преступлениями.

Отношение к смерти в то время было принципиально иное, чем сейчас: люди умирали с безграничной верой, глубоко обоснованной, кстати.

Документы, воспоминания, литература и тому подобное — всё говорит нам о том, что Святая Русь существовала в XIX веке, а не только в более отдалённые времена. Да, всегда были отдельные эксцессы, вспышки революций сверху, гонения, но в целом многие века народ жил в состоянии глубинного духовного света, и любые социально-политические реалии — ничто по сравнению с этим. Ибо эти реалии касаются только внешней жизни, а не глубин человеческого сознания, человеческой души и его, человека, состояния в этой жизни перед Богом. Святая Русь — это великая реальность нашей страны, хотя к концу XIX века всё это стало рушиться по причинам, суть которых вне темы нашей работы⁵.

Всё это необходимо помнить для истинного понимания этого стихотворения.

Теперь можно вернуться к стихотворению Тютчева. Это, скорее, по своей значимости, маленькая поэма, чем стихотворение. В ней от-

⁵ Недаром Александр Блок в начале века, когда слепые в своём неведении учёные всего мира писали о веке счастья, прогресса и миролюбия, выступил как пророк:

Двадцатый век ещё бездомней (...)
Тень Люциферова крыла...

ражается та истина, что православие на Руси до конца следовало великим словам Христа о том, что «Царствие моё не от мира сего». Если не от мира сего, то нечего особенно заботиться о нём. Поэтому российские купцы просили прощения у нищих, которые казались им почти святыми, и слово «богатство» в русском языке когда-то означало, что русский человек богат Богом, божеским духом, а не деньгами. Отметим только, что не материальное богатство само по себе означало грех, а направленность ума на корыстолюбие, независимо от того, богат человек или беден. Отрешённость от мира так и светится в этом стихотворении. Падший этот мир устроен так, что духовное начало проявляется в монастырях, у отрешённых людей, в «рабском виде», ибо этот падший мир открыто или тайно ненавидит духовное начало, оно ему мешает, оно у него на последнем плане. И только после преобразования этого мира «последние» станут «первыми».

Таким образом, в этой поэме в силу предельной образно-духовной концентрации фактически выражается принцип русского образа жизни вплоть до конца XIX века.

Но совершенно иная ситуация, когда речь идёт о другом, ещё более прославленном, загадочном, притягивающем, а порой вызывающем раздражение стихе Тютчева:

Умом России не понять,
Аршином общим не измерить.
У ней особенная статья.
В Россию можно только верить.

Это действительно загадка среди тайны. Но, в конце концов, в стихотворении всё предельно ясно, и в этом образе России нет ничего сверх особенного, из ряда вон выходящего. Ведь и Европа в своё время была проникнута католическим духом. Конечно, в XVIII—XIX веках в Европе уже всюду наступал и даже торжествовал дух голого материализма. В России это наступление задерживалось.

Но стихотворение «Умом России не понять...» носит совершенно иной, радикальный характер. Это какое-то загадочное, метафизическое откровение. Оно, во-первых, сразу выделяет Россию из числа других, уже существующих стран и цивилизаций. К ней нельзя подходить с обычными мерками, как психологическими, так историческими. С одной стороны, Россия, конечно, вписывается в общий ряд, но, с другой стороны, нет,

не вписывается, есть в ней нечто, какая-то тайна, недоступная уму, которая выделяет её. И поэтому стихотворение как раз входит в то течение русской жизни, которое связано с метафизическим познанием России, начало которому положил Лермонтов и которое потом, в начале XX века, дало нам целый мир русского самопознания, особенно в гениальной поэзии Блока и Есенина.

Во-вторых, обратим внимание на строку «Умом Россию не понять». Но, может быть, как-то иначе понять? Ведь существует высший ум, интеллектуальная интуиция, в конце концов.

Тютчев не даёт ответа. Одно любимое им молчание, молчание природы, молчание ума.

Он предлагает «только верить». Но вера может быть разной. Можно верить просто в необычность русской культуры, в то, что рано или поздно тайна России сама раскроется в её истории и культуре. Но можно и верить, уже сейчас предполагая отдалённое, как в тумане, знание, точнее, намёки на эту тайну, и верить в её смысл и осуществление.

Какую веру предполагал Тютчев, мы тоже не знаем (по крайней мере относительно этого стихотворения).

После таких прозрений Тютчева необходимо не снижать уровень, а сразу перейти к поэзии двух гениев русской литературы двадцатого века — Александра Блока и Сергея Есенина. Именно в их поэзии в высшей степени сконцентрировалось то мистическое, глубинное видение России, которое нас интересует и волнует прежде всего. Здесь, пожалуй, мы найдём кульминацию того направления в поэзии о России, о котором идёт речь в этой книге.

С другой стороны, здесь важен синтез: Блок фактически завершил классическую высокую дворянскую поэзию, поэзию образованного высшего класса, начатую Пушкиным, а Есенин представил на изумление всем мир народной, «деревенской» поэзии, которая таилась в глубинах русского народного самосознания на протяжении столетий.

Примечательно, что относительно России оба поэта пришли к единому знаменателю, дополняя друг друга.

Начнём с Блока. Чтобы лучше понять стихи о России этого поэта, выросшего в дворянской усадьбе Бекетовой, в ауре сияния русской дворянской культуры XIX века на её завершающем этапе, надо сказать несколько слов о поэзии Блока в целом и о том, какое место в его поэзии занимают стихи о России.

Блок и Есенин, несомненно, величайшие русские поэты XX века. Их влияние на российское самосознание было огромным. Что касается Блока, то прекрасный пример дают стихи Цветаевой о Блоке:

И, под медленным снегом стоя,
Опущусь на колени в снег
И во имя твоё святое
Поцелую вечерний снег.

В этом стихе, где обожествление Блока очевидно, очень важно слово «святость». Цветаева, которая вообще отличалась романтичностью и даже экзальтацией, в отношении Блока не ошиблась.

Блок, наряду с Лермонтовым, обладал несомненным пророческим даром. Это касалось и его личной судьбы:

Надо мной небосвод уже низок,
Чёрный сон тяготеет в груди,
Мой конец предначертанный близок,
И война, и пожар — впереди.

Вспомним пожар в Шахматове и гибель усадьбы во время гражданской войны.

Но в гораздо большей степени его пророческий дар касался судьбы мировой цивилизации в целом. Вспомним хотя бы строки из поэмы «Возмездие»:

Двадцатый век... Ещё бездомней,
Ещё страшнее жизни мгла
(Ещё чернее и огромней
Тень Люциферова крыла).

Это написано в начале XX века, до Первой мировой войны, когда вся мировая пресса, учёные, писатели предрекали, что XX век будет веком крайнего миролюбия, прогресса, дружбы между народами и всеобщего процветания.

Кстати, о духовной стороне жизни в XX веке они почти не писали вообще — такие понятия уже стали исчезать из лексикона всемирной болтовни.

Три цикла стихотворений Блока являются, по существу, определяющими: это «Страшный мир» и «Стихи о Прекрасной Даме» и третий — стихи о России.

В блоковедении уже проводились сравнения между Блоком и Данте, пусть и робкие. На самом деле Блока вполне можно определить как «Данте русской поэзии». Его рай — это божественное женское начало, несколько иного порядка, чем Беатриче. Его ад — это современный мир, современная цивилизация, идущая прямым путём к гибели. По Блоку, одна из важнейших, если не самая важная, причин тому — духовное опустошение, которое противоречит замыслу Божьему о человеке. Остаётся только хохот:

В тени гробовой фонари,
Смолкает над городом грохот.
На красной полоске зари
Беззвучный качается хохот.

Гнусавой массой стон протяжный
И трупный запах роз в церквах —
Весь груз тоски многоэтажный,
Сгинь в очистительных веках!

А Россия, по Блоку, — это регион между стихией божественной любви и тайны (стихи о Прекрасной Даме) и стихией современной цивилизации, с её грядущими в XX веке революциями, войнами, кровью и яростной ненавистью к духу во имя торжества или голого материализма, или демонического начала.

Но на самом деле понимание Блоком России идёт гораздо дальше. Надо только расшифровать смысл его гениальных прозрений. Начал он так:

О Русь моя! Жена моя! До боли
Нам ясен долгий путь!
.....

Наш путь — степной, наш Путь —
в тоске безбрежной —
В твоей тоске, о, Русь!

Это обручение с Россией продолжалось всю его жизнь. Оно связано с необъяснимой, мистической любовью к России.

Россия, нищая Россия,
Мне избы серые твои,
Твои мне песни ветровые —
Как слёзы первые любви!

И опять в обращении к России, к этой мистической жене, выявляется мотив её тоски, причём тоски «безбрежной», то есть не имеющей границ, уходящей в бесконечность...

Русская тоска («...в твоей тоске, о Русь») становится беспредметной, эта тоска по тому, чего ещё нет в мире, или, скорее, по тому, что за горизонтом человеческого сознания.

Надо отметить, что всё, что сконцентрировалось в поэзии о России Серебряного века, по существу, уже проявлялось в той или иной форме и в прозе, и в философии XIX века. Я уже не говорю о Достоевском — величайшем мировом писателе и его понимании России.

И не только в поэзии, литературе и философии. Такие переживания относительно России были свойственны российским людям вообще.

Поэзия о России, от Тютчева до Блока, Есенина и так далее, оказала мощнейшее влияние на формирование национального самосознания. Проблема заключалась, однако, в том, что все эти прозрения не были раскрыты на достаточно глубинно-метафизическом, философском уровне, и именно в этом состоит наша задача.

Более того, самый тайный смысл этой поэзии может быть даже сокрыт от самих поэтов-авторов. Необходимо его раскрыть, чтобы познать нашу Родину и её высшее предназначение. Но необъяснимая, превосходящая обычный патриотизм таинственная любовь требует погружения в предмет любви, в её экзистенциальную стихию.

И Блок пишет:

...Ты стоишь под метелицей дикой,
Роковая, родная страна.
За снегами, лесами, степями
Твоего мне не видно лица.
Только ль страшный простор пред очами,
Непонятная ширь без конца?

Здесь важно определение «роковая». Образ России предстоит закутаным в туман, в метель, и вместо её лица одна бесконечность и непонятная ширь, простор, который как будто уходит в никуда, или в вечность. Нет ответа. Лицо скрыто; одни бесконечные деревни и «мутный взор колдуна».

В этом стихотворении Блока поразили, в конце концов, признаки или, скорее, призраки заводов, фабрик на горизонте: Россия становилась промышленным государством XX века. Для Блока всё внешнее, в конечном счёте, не имело особого значения. Он искал истинного духовного лица России. В этом стихотворении уже продемонстрированы важные качества России: некая устремлённость в непонятную бесконечность, стихия диких метелей (от социальных до духовных). Остаётся тайна, лица не видно.

«Бесконечная сияющая пустота» — так описывал Салтыков-Щедрин русские просторы. «Пустота», которая сияет, но источник света скрыт в глубине просторов, он незрим для человека.

Блок пишет:

Идут века, шумит война,
Встаёт мятеж, горят деревни,
А ты всё та ж, моя страна,
В красе заплаканной и древней.

В унисон всей русской литературе Блок пишет о России как о страданице, как о мученице, но эти страдания особые, очищающие. Заплаканная красота — это образ, попадающий в самое сердце.

О бедная моя жена,
О чём ты горько плачешь?

Заметим, что мотив страдания носит у Блока глубоко мистический характер и лишь на поверхности порой чисто социальный. Блоку и Есенину некрасовские моменты были чужды.

Да и, по существу, Россия в социальном плане страдала, во всяком случае, не более, чем многие другие народы⁶.

⁶ Например, террор Ивана Грозного несравним с тем, что творилось в Европе. Варфоломеевская ночь, инквизиция, внутренние европейские войны, геноцид колониальных народов — всего не перечислить. Страдания по социальным, природным, стихийным причинам, от войн и так далее — вообще отличительная черта жизни всех народов на земле. Но жизнь на земле становится настоящим преддверием ада только тогда, когда к этому присоединяется духовное опустошение во всех его формах.

Этот мистический элемент и придаёт страданию в русской литературе тот глубокий, но полностью ещё не раскрытый смысл, о котором писали Достоевский, Тютчев, Гоголь и Блок.

И всё же отнюдь не страдания, а тайна влечёт Блока к России:

Русь опоясана реками
И дебрями окружена...

Не только дебрями лесов, но и дебрями своей судьбы, своей души.
И одновременно:

Ты и во сне необычайна.
Твоей одежды не коснусь.
Дремлю — и за дремотой тайна,
И в тайне ты почиешь, Русь.

Да, дебри, но главное — необычайность, тайна, к которой нельзя даже прикоснуться.

И — опять: бесконечность, уходящая куда-то за пределы сознания и земли. Бесконечность и физическая, и духовная. От этого становится чуть-чуть страшно, чуть-чуть бесприютно. И тогда возникает:

Приюты ты в даях необъятных!
Как и жить, и плакать без тебя!

Именно это парадоксальное сочетание жизни и бесконечности, уюта и безграничности придаёт русскоискательству Блока одновременно и человеческий, и метафизический характер. Но «уют», к которому обращается Блок, — это и метафизический уют, а не только «человечный». Ибо надо приютиться в необъятности, а это не так просто. Бесконечность и уют сочетаются, пожалуй, только в России. Даже физически — в необъятных степях, лесах, просторах нет-нет, да и промелькнут «дрожащие огни печальных деревень». Да и сама русская изба — среди бесконечных полей, занесённых снегом, — разве это не уют, где можно отогреться от снежных бурь и ветровых песен и от гула лесов?

Человек, увы, нуждается и в простой опоре, а не только в том, чтобы, по выражению Платона, «догонять звёзды даже на краю могилы».

Чувства и метафизическая мысль соединены у Блока воедино. Поэтому, видимо, и страна — «роковая», «роковая, родная страна». Теперь становится более ясным — и почему роковая.

Существует притяжение тайны, притяжение к запредельности, тем более если где-то в подоснове этой тайны лежит что-то неизъяснимо родное. Запредельность и родное — это опять знаменитая русская антиномичность, о которой писал Бердяев.

Но, так или иначе, именно это таинственное притяжение, которое связывает навеки человека с русской душой и Россией, и может создавать порой ощущение «рока».

Ваша душа, вы стремительно втягиваетесь в снеговые бездны России, как только чувствуете этот таинственный поток запредельной духовности.

Вот ещё фундаментальное для понимания России блоковское стихотворение.

Грешить бесстыдно, непробудно,
Счёт потерять ночам и дням
И с головой, от хмеля трудной,
Пройти сторонкой в Божий храм.

Три раза преклониться долу,
Семь — осенить себя крестом,
Тайком к заплёванному полу
Горячим прикоснуться лбом.

Кладя в тарелку грошик медный,
Три да ещё семь раз подряд
Поцеловать столетний, бедный
И зацелованный оклад.

А воротясь домой, обмерить
На тот же грош кого-нибудь
И пса голодного от двери,
Икнув, ногою отпихнуть.

И под лампадой у иконы
Пить чай, отщелкивая счёт,

Потом переслюнить купоны,
Пузатый отворив комод.

И на перины пуховые
В тяжёлом завалиться сне...
Да и такой, моя Россия,
Ты всех краёв дороже мне.

Секрет этого стихотворения вовсе не в том, что, дескать, так как в России есть высокое, духовное, необычайное, можно простить ей и безобразия. Это было бы слишком элементарно и просто. Конечно, за высший уровень можно всё простить, как мы прощаем гению его слабости. Ключ к стихотворению заключается в строках: «...Да и *такой* (курсив мой — Ю.М.), моя Россия, ты всех краёв дороже мне...»

Это слишком многозначительные и страстные строки. Но суть в том, что Блок не просит извинить Россию, а даже именно такой, какая она есть в этом стихотворении, он её любит, и она ему дороже «всех краёв». Следовательно, не за Россию Пушкина или Сергея Радонежского он извиняет Россию, а даже в «такой» России видит что-то, за что её можно любить и дорожить ею.

Как это понять? Блок не даёт объяснения. Но, исходя из всего поэтического русскоискательства Блока, можно высказать некоторые догадки. И всё-таки, что это: полюбите нас чёрненькими, а беленькими нас... всякий полюбит? Нет, это не в духе Блока. Скорее всего, и в такой России он видит некие скрытые, еле заметные черты, отблеск, тень или антитень, какой-то намёк на то, что он любит в России. Такое трудно даже выразить. Ведь негативное, что описано в этом стихотворении, это вовсе не великая, тёмная, пьяная, окаянная Русь (по Волошину), а всего лишь Русь, так сказать, негативно-бытовая.

В искусстве, в литературе, в поэзии есть явления, которые по ту сторону всяких исследований. Необъяснимо, и объяснять не надо.

«Ты всех краёв дороже мне» — и точка.

ГЛАВА ВТОРАЯ

После Блока естественен переход к Есенину, ибо проникновение в духовную суть России проводится Есениным с не меньшей силой, чем у Блока.

И это весьма знаменательно, ибо эти два величайших русских поэта XX века шли к пониманию России с разных сторон. Высшая дворянская культура и мир тысячелетней деревни, «мир таинственный, мир древний» пересеклись.

Два явления, весьма необычные и таинственные, связаны с восприятием есенинской поэзии.

Одно из них — почти сверхъестественное чувство эйфории, которое испытывали многие читатели есенинской поэзии. Причём читатели и поклонники разных поколений. Трудно объяснить это необыкновенное чувство, тем более что оно встречается довольно редко, даже если речь идёт о классиках поэзии.

Тайна есенинских стихов, видимо, заключена в том, что они воздействуют чуть ли не на генетическом уровне и гениальным образом выражают тысячелетнюю архетипическую связь между русской душой и окружающим миром (природой, деревней, временем и вечностью). Разумеется, в этом случае метафизическая память может проявиться и вызвать этот удивительный эйфорический эффект, который хорошо знаком почитателям Есенина.

Второе явление — это полное погружение в поэзию Есенина. Такое погружение может идти параллельно эйфории, но воздействие его гораздо глубже. Под «полным погружением» я имею в виду настолько мощное и глубокое воздействие поэзии Есенина на сознание читателя, что в некоторых случаях читатель абсолютно теряет интерес ко всему существующему, кроме есенинской поэзии. Такие случаи зафиксированы не раз. Конечно, не всегда погружение бывает таким абсолютным.

Но всегда оно напоминает внезапный уход в глубины собственной души, в глубины, которые неожиданно открылись во всём своём древнем великолепии и страдании.

Описаны случаи такого состояния, когда юноши и девушки все свои дни и часы проводили в переживании есенинских стихов, зная их наизусть. Здесь эйфория и погружение переплелись в единство, образуя в душе параллельный мир, точнее, вторую реальность, которая вытеснила обычную действительность. Это отнюдь не напоминало наркотическое состояние. Ибо последнее создаёт иллюзорно фантастический мир, а здесь речь идёт о переживании глубинной реальности собственной души, её идентичности с Родиной, с Россией. Единственным «соперником» Есенина в этом отношении был Достоевский.

...Удивительно, что, насколько я знаю по опыту 60–70-х годов, на могиле Есенина собирались люди, читали его стихи, и было очевидно, что

есенинская поэзия стала частью их жизни. Похожее воздействие оказывала и поэзия Блока, но там оно носило иной характер. Вспомним послание Блока к Музе:

И такая влекущая сила,
 Что готов я твердить за молвой,
 Будто ангелов ты низводила,
 Соблазняя своей красотой...

Низводить ангелов — для этого действительно необходимо обладать особым, мистическим притяжением.

Совершенно очевидно, что это погружение в поэзию Есенина и Блока не имеет ничего общего с увлечением каким-либо модным поэтом, пусть и вполне достойным, выступает ли он как трибун или как салонный поэт и так далее. В том-то и гениальность Блока и Есенина, что в «подтексте» их стихов лежит разная, но вечная мистическая реальность, не зависящая от времени...

Теперь перейдём к конкретике. У Есенина, как и у Тютчева, есть ключевые стихи, определяющие его видение России.

Если крикнет рать святая:
 «Кинь ты Русь, живи в раю!» —
 Я скажу: «Не надо рая,
 Дайте родину мою».

По своему смыслу эти стихотворения ошеломляют. Рай здесь, конечно, не метафора, а определение, рай, о котором говорит «святая рать», то есть святые, — это место небесного блаженства, счастья, отсутствия страдания. Для того чтобы это было «не надо», необходимо иметь глубочайшие мистические основания. Одной любви к России здесь недостаточно, хотя она и должна быть.

...Но люблю тебя, родина кроткая!
 А за что — разгадать не могу...

Любовь к России, к Руси пронизывает всю поэзию Есенина до такой степени, что она становится некоей мистической энергией, благодаря которой и появилась на свет эта дивная поэзия. Эта любовь пронизывает всё существо, превращается во влекущую силу, тотальную и безбрежную.

Читая стихи Есенина, чувствуешь всецелостность этой любви и в то же время её таинственные моменты. Ей нет предела, как нет предела Руси. Как великое духовное чувство она ведёт вас в бесконечное, выходя за границы земного существования.

И в то же время такая любовь не чужда боли, страдания:

О Русь — малиновое поле
И синь, упавшая в реку, —
Люблю до радости и боли
Твою озёрную тоску.

Проблемы тоски мы ещё коснёмся, но сейчас остановимся на том классическом для познания России моменте, когда невозможно разгадать, что такое любовь: «...но я люблю, за что, не знаю сам».

Таким образом, и это ощущается в каждой строке стихотворений Есенина, посвящённых России, эта любовь связана с тайной России, тем более «умом России не понять, аршином общим не измерить».

Именно это соединение любви и тайны составляет не только существо есенинской поэзии о России, но и, видимо, является причиной того, что поэт предпочитает Россию райской жизни.

Но и тогда,
Когда по всей планете
Пройдёт вражда племён,
Исчезнет ложь и грусть, —
Я буду воспевать
Всем существом в поэте
Шестую часть земли
С названьем кратким «Русь».

Это уже вызов земному раю, пусть и утопическому. В конце концов, это вызов счастью, если под счастьем понимать простое благополучие и гармоничное отсутствие всяких поисков. Короче говоря, счастье в обычном понимании. Тайна, радость и боль, тоска и иное счастье, бесконечность — вот что такое Русь, Россия, и ясно, что эти реалии весьма далеки от земного рая, к тому же утопического, который сулили большевики. И не только большевики — любителей предложить рай на земле много и по сей день на нашей планете. Всё это, по сути, одинаково. И всё-

таки есть что-то захватывающее в этом отказе от земного рая ради России, которая оказывается притягательней земного счастья.

Конечно, сама по себе любовь к России даёт счастье, может быть, иное. Сочетанием любви к России и тайны отмечена, конечно, и поэзия Блока, и познание России в целом. Иными словами, речь идёт о русской культуре, особенно литературе, философии, музыке. Не говоря уже о самом становлении русской души.

Раскрытие тайны в действительности возможно, в некоторой степени, по крайней мере. Но в целом эта задача выходит за рамки данной работы⁷.

Другая великая тема есенинской поэзии — тема тоски. О русской тоске писалось в избытке, но её осмысление, а именно, что лежит в подтексте этой тоски, какой её метафизический смысл — это в значительной мере проблема всей русской культуры.

Тоска у Есенина (и вообще в русской литературе) не означает что-то негативное, и эта тоска не оттого, что мне плохо, то есть это, конечно, не житейская тоска. Эту тоску любят, значит, в этой тоске заключено что-то необычайно глубокое, важное. Тайное.

Не за песни весны над равниною
Дорога мне зелёная ширь,
Полюбил я тоской журавлиною
На высокой горе монастырь.

Такая тоска направлена в бесконечное, в заземное, это трансцендентная тоска, но это не тоска по небесному раю, ибо рай в религиозном смысле означает нечто конкретное, вполне достижимое для человека, при условии его праведности или святости и так далее.

Российская же тоска настолько неопределённа, что не существует объекта тоски, неизвестно, по чему тоскуют. Это просто некая стихия, которая уносит душу в бесконечность, в метафизический прорыв, цель которого неизвестна или, может быть, только слегка провидится.

Действительно, если искать более или менее подходящий метафизический образ тоски в русской литературе, то один из них — «бесконечная сияющая пустота» (в гениальном романе Салтыкова-Щедрина). Однако за ней что-то отдалённо скрыто, великое, непостижимое.

⁷ Этой теме посвящена моя книга «Россия Вечная».

У Есенина часто эта тоска виднеется в самой русской природе, во всех её аспектах. Она может сочетаться с красотой, с величием даже, с «озёрной тоской», но может и проявиться иное:

Нездоровое, хилое, низкое,
Водянистая, серая гладь.
Это всё мне родное и близкое,
От чего так легко зарыдать.

У Есенина не только крестьянская изба является космологическим символом, но и сама природа оживлена, превращается в некое духовное существо, раскинутое в бесконечном пространстве, с которым можно вести диалог. Но фактически это существо является отражением русской души, её двойником в другом измерении. Связь между русской природой и русской душой в поэзии Есенина выражена с потрясающей ясновидческой силой.

Глубинное единство с русской природой отмечено в двух стихотворениях, посвящённых Шуре, младшей сестре поэта.

Я красивых таких не видел,
Только, знаешь, в душе затаю,
Не в плохой, а в хорошей обиде
Повторяешь ты юность мою.

Ты — моё васильковое слово,
Я навеки люблю тебя.
Как живёт теперь наша корова,
Грусть соломенную тебе?

Запоёшь ты, а мне любимо,
Исцеляй меня детским сном.
Отгорела ли наша рябина,
Осыпаясь под белым окном?

Что поёт теперь мать за куделью?
Я навеки покинул село,
Только знаю — багряной метелью
Нам листвы на крыльцо намело.

Знаю то, что о нас с тобой вместе
 Вместо ласки и вместо слёз
 У ворот, как о сгибшей невесте,
 Тихо воев покинутый пёс.

Но и всё ж возвращаться не надо,
 Потому и достался не в срок,
 Как любовь, как печаль и отрада,
 Твой красивый рязанский платок.

«Васильковое слово» — изумительный символ сочетания природы и души. Это сочетание пронизывает всю поэзию Есенина. Даже солома у него грустит. Вся природа у него становится храмом русской души, в котором «васильковое слово» сочетается с «багряной метелью».

Хаос и тревога, любовь и красота — едины в этом храме.
 А это уже из другого стиха, посвящённого сестре:

Потому так и сердцу не жёстко —
 Мне за песнею и за вином
 Показалась ты той берёзкой,
 Что стоит под родимым окном.

По сути, русская душа и русская природа объединяются у Есенина в одно целое. Природа выступает часто как проекция русской души. Леса, деревья, поля — оживают, словно родимые существа.

Прославленная в нашей поэзии «нежность грустная русской души» проявляет себя с таинственной силой и в русской природе как некая объективная данность, запечатлённая и отражённая не только в литературе, но и в живописи, музыке... Это создаёт панораму определённой национальной общности. Заметим, у Есенина:

Ты мне пой. Ведь моя отрада —
 Что вовек я любил не один
 И калитку осеннего сада,
 И опавшие листья с рябин.

В то же время само по себе представление о природе, её элементах как о живых существах, как о субстанциях, которые обладают осо-

бым видом сознания (растения, например) или за которыми (стихиями, например) стоят некоторые низшие духи и так далее, достаточно традиционно и убедительно.

Даже в современной поэзии мы можем встретить такие строчки:

И друг другу доверимся, мой избранник,
Человеком ли быть или лесным кустом?
Кто из нас зачарованный, кто изгнанник?
Я не знаю, и ты помолчи о том.

Так говорит поэтесса Наталья Семякова.

Думаю, что «зачарованными» являются кусты, лес, природа; «изгнанник» — конечно, человек. Впрочем, и в природе есть элемент «изгнанничества», как и во всём падшем мире, «зачарованность», то есть некая «заколдованность», иллюзорное существование, присутствует и в человеке.

Другой мощный мотив в есенинской поэзии — мотив тоски. Мы не будем на нём особо останавливаться, этот мотив проходит через всю русскую литературу, он общеизвестен, но к его истинному смыслу и значению мы вернёмся в конце этой книги.

Отметим только, что это исключительно важный мотив, «течение во внутренней душе» необъяснимого характера, поскольку, как уже подчёркивалось, эта «тоска» не связана с потерей чего-либо земного, а носит чисто метафизический характер. «Жизнь — обман с чарующей тоскою».

В связи с этим обратим внимание ещё на одно обстоятельство. Это обстоятельство — тема тюрьмы, острога у Есенина.

Только, я верю, не выжить тому,
Кто разлюбил твой острог и тюрьму.
Вечная правда и гомон лесов
Радуют душу под звон кандалов.

Ясное дело, что в таких стихах речь идёт не о политике, этой «грязной луже», но и не о советских лагерях, которых тогда ещё не было. А в острог и тюрьму при «проклятом царизме» попадали обычно за реальные преступления, и общее количество заключённых было ничтожно.

Но дело не в этом. Здесь, как везде у Есенина, ситуация носит воистину глубинный характер, уходит в бесконечные бездны русской души.

Действительно, почему надо любить «острог и тюрьму» и почему «вечная правда» как-то связана со «звоном кандалов»?

Можно утверждать, конечно, что на первом уровне понимания это великое русское сочетание: правда неотделима от страдания. Шёпот лесов, язык живой природы навевает здесь ту же истину — но этот новый элемент в классической двойце «правда — страдание» явственно смягчает в поэзии Есенина запредельную боль этой истины.

Но есть и другой уровень постижения этих стихов. Почему именно тюрьма? Страданий хватает и без тюрьмы, «полюбить тоску» можно не только в остроге.

Тюрьма — это ограничение, это замкнутое пространство. Именно эта замкнутость и порождает тоску.

«Правда» лежит где-то за пределами. Возможно, в глубинах так называемого подсознания таится аналогия, связь между тюрьмой и этим миром. В явном виде эта аналогия часто звучит у некоторых поэтов и мистиков, да и философии не чужды такие выводы. Например, в современной поэзии, у Евгения Головина:

Входит в дом синеглазый чекист
С крыльями за спиной,
А у меня сидит гармонист,
Брызгается слюной.

А у него истерика:
Всюду, кричит, тюрьма.
Жажда иного берега
Сводит его с ума.

Это отрывок из «Народной песни» Головина, и ключевое слово здесь «всюду». Всюду — тюрьма, потому что сжигает жажда иного берега, иного бытия, жизни в ином мире. В каком? По существу, здесь налицо просто стремление к бесконечному, стремление выйти за любые границы и ограничения, тем более «иной мир» со своими законами будет такой же тюрьмой, как и этот.

Здесь мы выходим за пределы поэзии, ибо это стремление к бесконечному, ненависть ко всему законченному, ограничивающему есть одна из наиболее глубоких и важных по своим последствиям черт русской души, русского сознания. Я подробно останавливался на этом в сво-

ей книге «Россия Вечная». Эту черту отмечали и некоторые иностранные наблюдатели. Для них также порой открывалась ещё одна метафизически важнейшая черта русского бытия, черта России как таковой.

Мне её выражали так.

Когда попадаешь в Россию, то как будто попадаешь в страну, близкую к европейской цивилизации, но вдруг обнаруживаешь: нет, здесь что-то не то. Аура совершенно другая. В частности, всё время создаётся впечатление, что русские ощущают мировую бездну и живут в глубине души так, как будто под ними развёрнута метафизическая пропасть. Такое мироощущение абсолютно отсутствует на Западе. Катастрофа, пропасть для нас означает всегда нечто конкретное: война, экономический кризис, революция и так далее. Но не онтологическая или, тем более, метафизическая бездна. Но, видимо, русские не ощущают наличие этой бездны как катастрофу.

Выражено математически точно.

Собственно, вся русская литература, не только поэзия, отражает и углубляет эту черту русского сознания.

Необязательно говорить об этом прямым текстом, просто весь строй русской жизни и её духовности подразумевает наличие этой бездны. Гоголь, Достоевский, даже Толстой и Чехов, Салтыков-Щедрин в романе «Господа Головлёвы», Гончаров в «Обломове», Андрей Платонов — у них это чувствуется наиболее явственно. Тайное здесь становится явным.

В поэзии — сколько угодно, прямо или косвенно, особенно у Блока, даже в таком случае: «...над бездонным провалом в вечность, задыхаясь, летит рысак».

Или:

Тебя я встречу где-то в мире,
За далью каменных дорог.
На страшном, на последнем пире
Для нас готовит встречу Бог.

Всё, что есть в жизни, существует и в литературе, впрочем, в России жизнь и литература настолько совместились, что непонятно порой, где жизнь, а где литература.

Вернёмся к Есенину.

В его поэзии наличествуют ещё два важных момента — время и странничество.

Например:

В этом мире я только прохожий.

Или:

Кого жалеть? Ведь каждый в мире странник.
Пройдёт, зайдёт и вновь оставит дом.

И наконец:

Каждый вечер, как синь затуманится,
Как повиснет заря на мосту,
Ты идёшь, моя бедная странница,
Поклониться любви и кресту.

Как всегда, Есенин пишет о самых глубинных, сокровенных безднах русской души. Странничеством пронизана и русская литература, и жизнь, но это не только, конечно, физическое странничество, о котором столько написано, но и, естественно, состояние души, духовное странничество.

Это качество, несомненно, связано с идеей бесконечного поиска в запредельном. Если оно не может проявляться в форме физического странничества, как в современном российском мире, то оно тем более проявляется духовно.

Деревня в традиционном смысле этого слова может исчезнуть или уже почти исчезла — но онтологические состояния, отражённые в «деревенской» поэзии Есенина, остались, они просто переместились глубоко внутрь, ибо они, по существу, выражают определённые метафизические константы русской души. Поэтому и Есенин не «деревенский» поэт, а все-русский. Россия Вечная говорит его устами, его пером.

Современный поэт и визионер Валентин Провоторов ещё в шестидесятые годы писал:

Русь, ты где? Потаённым эхом
С колоколен пустых гудёт:
Нынче я слита с человеком
И незрима для тех, кто скот.

В советское время Есенина запрещали, потом публиковали, наконец вроде бы признали, но на самом деле его стихи читали всегда, потаённо или открыто, вне зависимости от официальных установок. Прочитывали по-своему, а не так, как нужно было согласно идеологии сверху.

Эта удивительная способность российского народа уходить от идеологического давления сверху весьма многозначительна. Речь идёт, естественно, о периоде начиная с 1917 года. Тогда, когда идеология и мироощущение властей совпадает с народным (как было в послереволюционное время, по крайней мере, частично, и, конечно, во время Великой отечественной войны — тогда полностью), в этом случае противоречий нет. Но когда с идеологией и обработкой сверху что-то не то, тогда самый непокорный народ в мире (по выражению Даллеса⁸) уходит в свою внутреннюю жизнь, в свою нишу, так как на перманентные революции и сил не хватает, и дело это слишком опасное для страны, кровавое. И народ остаётся, таким образом, вне воздействия сверху или со стороны, и переделает народ русский по-своему, как угодно властям, не удаётся. Так было, например, в 60–70-е годы.

Надо сказать, что эта способность уходить от различного рода опасных и жёстких проявлений современного мира — редкое и очень ценное свойство. Оно говорит об очень высокой степени духовной выживаемости. И не только духовной. Разумеется, обходится не без потерь.

В есенинской поэзии поразительна ещё одна черта, а именно — переживание временности нашего мира и всего, что в нём находится. В таких классических текстах, как «Отговорила роща золотая...» или «Не жалею, не зову, не плачу...», эти переживания достигают своего апогея, апогея грусти по тому, что «всё пройдёт, как с белых яблонь дым».

Увы, здесь схвачена одна из основных особенностей нашего мира — всё в нём рано или поздно гибнет.

Но если время есть инобытие вечности, то в самом движении времени заложено то, что сохраняется навеки, что обладает сверхценностью. Так, не всё гибнет в человеке, самое существенное сохраняется и переходит в иное состояние.

«Будь же ты вовек благословенно, что пришло процвезть и умереть» — в этом бесконечная есенинская грусть между временем и вечным. Кажется, в силу определённой иллюзорности этого мира, что исчезает и сверхценное вечное, поскольку оно заключено в оболочку временного.

⁸ Джон Фостер Даллес — известный американский политик середины XX века.

«Мне страшно, ведь душа проходит» — но проходят её внешние состояния, не она сама. Впрочем, и этого достаточно, чтобы вызвать грусть...

Поскольку природа, то есть окружающий мир, также несёт в себе нечто духовное, то фактически эта есенинская грусть есть не что иное как тоска по вечному, ибо в этом мире вечное заключено в оболочку, подверженную смерти.

Но высшая парадоксальность этой ситуации заключается в том, что такое проявление вечного во временном вызывает страстное стремление к нему, к вечному.

Пусть не я тот нежный отрок
В голубином крыльев плеске,
Сон мой радостен и кроток
О нездешнем перелеске.

Мы уже не говорим о другом парадоксе, о том, что «временное», освещённое тайным присутствием «вечного», приобретает особую значимость... Всё зависит от того «вечного», которое заключено в том или ином «временном».

Мы не будем касаться здесь, как в случае с Блоком, других сторон творчества Есенина. Но нельзя не сказать о его отношении к революции. Оно, по сути, во многом сходится с отношением Блока. Естественно, у Есенина, как и у многих в ту пору, были надежды, связанные с революцией. Но с большими оговорками. Есенин явно сочувствует тому крестьянину, который говорит:

...А стали комсомолки —
Такая гадость, просто удавись,
Вчера иконы выбросили с полки,
На церкви комиссар снял крест.

Русь уходящая и Русь новая! Всё это переплелось в судорогах исторического катаклизма.

Главное, что мучило Есенина, — сохранится ли в оболочке новой России, в этой Эсэсэрии, пусть несколько в иной форме, пусть в душе человека, самое важное, та бесконечная, великая, таинственная Россия, певцом которой он был? Сохранится ли вечное в новой оболочке временного?!

Ибо та Россия, душу которой он вызывал в своих стихах, та Рассея, которая была ему дороже рая, тоже была заключена в оболочку временного, пусть и несоизмеримого по сравнению с советским коротким периодом. Я имею в виду царскую Россию, монархию.

Есенин был слишком ранен чудовищной болью двадцатого века, чтобы дать математически точный ответ. Но он верил, хотя личные душевные силы его были надломлены...

Были ли? Всё осталось в мире догадок...

В заключение — о гениальности, в отличие, скажем, от таланта. Для истинного гения характерно создание в своих произведениях целого мироздания, с глубоким философским подтекстом или даже с мистическим содержанием. Одним словом, поэзия — открытие целого мира, нередко определяющее национальное самосознание, приобретающее порой парадоксальные черты, и эти черты становятся истинными возмутителями спокойствия. И главное, поэзия приобретает глубину проникновения, иногда выходящую за пределы человеческого. Но последнее — необязательно.

Всё это создаётся усилиями воли, мысли, воображения...

В русской поэзии гениальностью в безусловном смысле обладали Пушкин, Лермонтов и Блок. Есенин тоже, но сущность его гениальности совершенно иная. Он был посланник, и Древняя Русь перед своим уходом, исчезновением из видимого мира, послала своего великого поэта, чтобы её народ знал о своей душе. Послала в агонизирующий мир, в хаос и кровь цивилизационного слома. Она ушла, как ушёл невидимый град Китеж, но не в неосязаемый параллельный мир, а в души людей, в глубину национального самосознания. Чтобы сохранить себя там. И совершила это через своего посланника (но не только).

Поэтому стихи Есенина, особенно первого периода его творчества, до кризиса, словно изливаются золотым потоком из его души, словно они льются из самого источника «мира таинственного, мира древнего». Возникает впечатление, что не он их создаёт, а сама Русь, для которой была открыта его душа.

Феномен абсолютно исключительный.

И послала она — своего избранника — на верную гибель, чтобы потом принять его в своё бессмертное лоно.

Говоря о Древней Руси в связи с поэзией Есенина, что, собственно, мы имеем в виду?

Древняя Русь, скажем, допетровская Русь, была сложным христианским государством, в её монастырях, как теперь известно, чи-

тались самые глубочайшие произведения средневековой мысли, которые касались как богословия, так и «тайных» наук того времени (алхимии, астрологии, демонологии и т.д.). Например, иностранцы, посетившие Москву во времена Бориса Годунова, поражались образованностью высшего русского общества. Я уже не говорю о религиозном искусстве и тем более о религиозной практике (созерцания, например), достигавшей высочайшего духовного уровня. Да и народ вёл себя во многом соответственно.

Святая Русь — это были не пустые слова... А пространство священного огня, охватившего человеческие души во имя их спасения и вечной жизни.

В есенинской поэзии мы видим другую сторону. Эта сторона — те вечные, априорные качества русской души, которые присутствовали в ней во все времена и в любых её проявлениях (в религии, искусстве, мистике, в жизни и т.п.).

Из всего вышесказанного с очевидностью вытекает исключительное и актуальное значение поэзии Есенина в современной России.

Его поэзия фактически связывает нас с нашей собственной душой, с её корнями и глубинными уровнями.

Тем самым поэзия Есенина противостоит нашей духовной смерти.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

До российской трагедии (Первая мировая и Гражданская войны) Волошин занимал в ряду русской поэзии начала века достойное, но скромное место.

Всё драматически изменилось в нём и в его поэзии, когда наступили судьбоносные дни. Переживания, боль за Родину и за гибнущих людей захватили, перевернули его душу.

И эта боль была настолько огромной, что можно было отдать всё, чтобы её не было, чтобы Россия жила, а не умирала.

Россия не была готова к войне, перевооружение армии, по плану, должно было закончиться только в 1917 году. Немецкое руководство знало об этом и поэтому решило нанести смертельный удар значительно ранее этого срока.

Но и в первые годы войны патриотический подъём был настолько велик, что одерживались и победы. Увы, только временные, но ценой нашей крови, большой крови, была спасена Франция, иначе её ждал бы неминуемый разгром.

И вот тогда, когда потрясённая Россия с её монастырями, церквами, иконами, с её недавно родившейся великосветской культурой, содрогалась в отчаянной битве, Волошин пишет своё знаменитое стихотворение «Россия (1915 г.)».

РОССИЯ (1915 г.)

Враждующих скорбный гений
Братским вяжет узлом,
И зло в тесноте сражений
Побеждается горшим злом.

Взвивается стяг победный...
Что в том, Россия, тебе? —
Пребудь смиренной и бедной —
Верной своей судьбе...

Люблю тебя в лике рабьем,
Когда в тишине полей
Причитаешь голосом бабьим
Над трупами сыновей.

Как сердце никнет и блещет,
Когда, связав по ногам,
Наотмашь хозяин хлещет
Тебя по кротким глазам.

Сильна ты нездешней мерой,
Нездешней страстью чиста,
Неуголённую верой
Твои запеклись уста.

Дай слов за тебя молиться,
Понять твоё бытие,
Твоей тоске причаститься,
Сгореть во имя твое...

12 августа, Биарриц

Это ошеломляет: «Пребудь смиренной и бедной — Верной своей судьбе».

В XIX веке русский мыслитель Хомяков написал стихотворение, весьма популярное в дореволюционной России:

Бесплоден всякий дух гордыни,
Не верно золото, сталь хрупка:
Но крепок ясный мир святыни...

Религиозное начало, противопоставленное имперскому и вообще политическому сознанию, было коньком славянофилов, и власти того времени особенно не восторгались такой тенденцией. Но религиозность народа тогда ещё была очень глубока, и на великой троице (Бог, Царь и Отечество) держалось почти тысячелетнее существование России, Бог и православие были на первом месте. И возражать, что основа бытия России заключалась в её необычайной духовности, было трудно. Сохранится духовность, сохранится и Россия. И исторически это верно.

Но Волошин писал своё стихотворение совсем в другую эпоху. Двадцатый век оказался самым чёрным веком в новейшей истории человечества.

Да, появились чудеса техники и так далее, но критерием исторического развития является человек, а не техника. А человек в XX веке был повержен: океаны крови, зверский материализм, атеизм и близость возможного самоуничтожения рода людского.

Но Волошин думал только о России, чувствуя близость глобальных катаклизмов и дыхание самой Преисподней. Он страстно желал не только самосохранения России, но и сохранения её мистической духовности и глубины тем более. Что даже в чёрный век рано или поздно высшие силы сохраняют Россию.

Но вернёмся к стихотворению Волошина «Россия (1915 г.)».

Прежде всего обратим внимание на слова «верной своей судьбе». Волошин чувствовал, что Россия вступила в роковой период своей истории. Как в художественной, так и в мистической интуиции ему нельзя было отказать. Важнейшая черта рока — его неотвратимость. В этом смысле такого рода судьбу нельзя избежать, её нельзя изменить. Война и, главное, захват власти большевиками был именно таким событием.

Казалось, во время Гражданской войны свергнуть большевиков было нетрудно, и действительно — чисто простая случайность спасла их.

Но «случай», как говорили древние — это язык богов. Сие означает, что переход к власти коммунистов был предопределён.

И включённость России в первую мировую войну была началом этого предопределения.

Если судьбу изменить нельзя — то высшим ответом на её вызов может быть смирение. Покорность при сохранении своей духовной сути, своего достоинства.

Мне рассказывали об одном трагическом событии во время гражданской войны. В Сибири зимой красные партизаны сожгли деревню. Мороз, естественно, был смертельным. Крестьяне вышли на поляну, и священник, взяв в руки евангелие, стал его читать. Все молящиеся замерли, и ушли из этого мира в состоянии молитвы...

Это и есть то, о чём писал Волошин. Дело ведь не просто в стихах, великие стихи передают мироощущение народа.

Во время всей этой жуткой круговерти моим родственниками запомнились слова одного старца о большевистском перевороте: «Как внезапно пришли, так же внезапно и уйдут».

Так и совершилось в 90-е годы. Опять вопреки всякой логике и конкретной ситуации. И уход был так же предопределён, как и их внезапный, чудовищный приход к власти.

Покорность судьбе, о которой писал Волошин, означала и сохранение своей духовной сущности вопреки всему. Так и случилось исторически. Православие не погибло.

Но поражает антиномичность, о которой писал Бердяев, раскрывая своё понимание русской идеи. Действительно, самый мощный бунт, непокорность сочетаются со смирением и достойным принятием роковой судьбы.

И всё же в последующем четверостишии звучит такая боль («натомашь хозяин хлещет тебя по кротким глазам»), о которой писать, говорить, казалось, невозможно.

Но эту боль пережили многие.

Недаром Ахматова сказала такое:

Дай мне горькие годы недуга,
Задыханья, бессонницу, жар,
Отыми и ребёнка, и друга,
И таинственный песенный дар —
Так молюсь за Твоей литургией

После стольких томительных дней,
 Чтобы туча над тёмной Россией
 Стала облаком в славе лучей.

В чём конечный смысл этих страданий?
 В стихотворении Волошина «Россия (1915 г.)» скрыт ответ, хотя,
 может, и неполный:

Сильна ты нездешней мерой,
 Нездешней страстью чиста,
 Неутолённую верой
 Твои запеклись уста.

Дай слов за тебя молиться,
 Понять твоё бытие,
 Твоей тоске причаститься,
 Сгореть во имя твое.

Мир превратился в преддверие ада.
 Два последних четверостишия, помимо их необыкновенной силы,
 несут, по существу, сакральный характер.

Действительно, предпоследнее четверостишие, где обозначена «нездешняя мера» и «неутолённость веры», означает страстный прорыв или стремление к запредельному, а значит, связь с неведомыми, ещё более высшими мирами. Именно этим, определяет поэт, и сильна Россия, ибо такая связь, такое стремление даёт ей тайную, не разгаданную, а по сути — божественную защиту высших сил, несмотря на то, что вышечеловеческая защита не исключает, а скорее предполагает разного рода испытания, необъяснимые повороты судьбы и страдания.

Вместе с тем такое стремление к запредельности означает также (на каком-то уровне) выход за границы всякой законченной формы духовности, всякой данности. Ибо как только определённое духовное достижение оформляется в какую-то букву, или законченность, то тут же закрывается движение в запредельное, закрывается последующая дверь... Но именно отрицание всякой оформленности и мёртвой законченности составляет характерную черту русской духовности, отмеченную, кстати, и западными наблюдателями.

Думаю, что как раз благодаря этой особенности (но не только благодаря ей) в Индии считается, что именно Россия создаст новую духовную цивилизацию, которая придёт на смену теперешней цивилизации голого чистогана, крах которой неизбежен в ближайшие столетия.

Поэтому эта «нездешняя мера» и даёт силу и историческую перспективу.

Страсть к реализации этих устремлений, по большому счёту, означает, что то, к чему стремятся, является внутренней сущностью России и русской души, только скрытой и нереализованной.

Отсюда и переходим к последнему четверостишию, где важная строчка, на мой взгляд, — «понять твоё бытие». «Понять» — означает как раз проникнуть, раскрыть для себя эту внутреннюю сущность русской души.

Естественно, что этот уровень выходит за пределы обычной мировой истории с её ограниченностью. Здесь уже речь идёт об, условно говоря, космологической истории за пределами этого ограниченного мира. К великому бесконечному и направлено стремление.

«Твоей тоске причаститься» — российская тоска есть, следовательно, тоска по бесконечному, тоска по своей собственной, но ещё не раскрытой, загадочной сути, по таинственному центру собственной души.

И отметим также, что всё, о чём мы пишем, не является особенностью, достижением какого-то одного поэта, а русской поэзии в целом, а точнее, конечно, всей русской литературы и, следовательно, особенностью и чертой внутренней и духовной жизни России.

«Сгореть во имя твое» — я бы не сказал, что это призыв к простой жертвенности, наоборот. По традиционным представлениям, «сгореть», то есть отдать чему-то все свои силы, означает последующее возрождение, расцвет как на индивидуальном, так и на историческом уровне.

Это удивительное стихотворение написано в 1915 году. Но революция и Гражданская война потрясли Волошина и породили целый цикл стихов («Пути к России»). Революцию он воспринял как стихийный бунт, как возрождение древнего и страшного бунта, как пугачёвщину. «Разгулялись по России бесы» — этим всё, как будто бы, сказано. Но не всё так просто. Скорее, народным бунтом воспользовались «бесы», предсказанные Достоевским. Но сам бунт имеет свои исторические корни и оправдания. «Взрыв революции в царях», «самодержавье» революционеров, восстание и смирение — в пронзительных стихах Волошина раскрывается вся небывалая антиномичность, противоречивость русской истории, её болевых точек. Эти

периоды — кровавые драмы, но не по Шекспиру, с его логикой тьмы, а по Достоевскому — с его почти апофатическим, непознанным ужасом и столкновением мистических страстей, когда даже атеизм становится религией.

«Пётр Великий был первый большевик», — пишет Волошин, поражаясь диктаторским замашкам революционеров.

И старинное пламя усобиц
Лижет ризы твоих Богородиц
На оградах Печёрских церквей.

Волошин воспринимал раскол страны как кровоточащую рану. Во всём дойти до конца, довести идею до предела возможного, возвести её на уровень исторического абсолюта — это хорошо, если такая идея объединяет страну (как было с формулой: Бог, Царь и Отечество), но когда это ведёт к расколу, и друг другу противостоят две сверхидеи, два разных взгляда на мир, устройство страны и религию, — Волошин видит в этом катастрофу, тайный смысл которой окутан дымом.

И он пишет:

Эх, не выпить до дна нашей воли,
Не свести нас в единую цепь!
Широко наше Дикое поле,
Глубока наша скифская степь.

Здесь каждая строка может порождать волну самых страстных интерпретаций... «Выпить до дна нашу волю» — может быть, на самом её дне покоится примирение, точнее, слияние всех противоречий? Но пропасть, куда устремлена воля, не только глубока, но и кажется бездонной.

Ведь веками существовало согласие, пусть и с промежутками взрывов, — и вот самый страшный взрыв свершился в 1917 году.

Самая величайшая революция в мировой истории, видимо, так и останется таковой на все века, до конца времён.

Волошин занял уникальную позицию во время Гражданской войны: «...молюсь за тех и за других». Не только словом, молитвой и действиями он был верен своим убеждениям, хотя это могло стоить ему жизни. При красных он спасал от террора белых, при белых — укрывал красных. Его любовь к России, к её народу была безгранична и возвышалась над самыми смертельными политическими схватками.

Главное, что его мучило, — в чём тайный, «оправдательный» смысл этой трагедии? И перед лицом будущей истории, а фактически перед лицом апокалипсиса? Ибо именно в духе апокалипсиса революцию эту воспринимала и значительная часть русской интеллигенции. Может ли человек устроить свою жизнь без Бога и без Дьявола — один на один с собственным одиночеством?

Дальнейшее развитие художественной мысли Волошина сталкивается с глобальными загадками духовного порядка.

Вопрос заключается в следующем: в чём тайный смысл страданий, выпавших так внезапно на долю России?

Волошин чувствует, что этот тайный смысл, духовный и исторический, существует, пусть он и скрыт. На поверхности вроде всё понятно: столкнулись две правды, одна из них — правда традиции и веры, другая — до безумия утопична. Но, может быть, в водовороте этих трагических битв возникает нечто третье? Может быть, это закалка, зарождение нового человека, подготовка к грандиозным, небывалым событиям XX–XXI веков?

Всё это в целом — поле догадок, переживаний, попыток...

Совершенно другая тема — народная стихия в её, так сказать, тёмных проявлениях.

Здесь точку над «i» ставит знаменитое стихотворение, посвящённое Стеньке Разину, точнее, поэма о нём, о разудалом и беспощадном:

И за мною не токмо что драная
Гольтьба, а казной расшибусь —
Вся великая, тёмная, пьяная,
Окаянная двинется Русь.

Здесь самое интересное — именно упоминание о «великой», «тёмной», «пьяной» и «окаянной» Руси, которую хочет соблазнить бунтом Стенька Разин. Сама она — вовсе не обязательно бунтует. Она, «тёмная» и «пьяная», может жить своей обособленной жизнью, посреди любого другого окружения: будь то Святая Русь с её монастырями и отшельниками, будь то имперская Россия с её сверхобразованным дворянским классом. Но она не только «тёмная», но и «великая», ибо в ней таятся многие силы и надрывы, сны и пожелания, неизвестные другим слоям народа.

Я не имею в виду, конечно, юродивых, это относится к традиции.

Здесь действует хаос, а хаос — это часть России, метафизически и исторически. И в хаосе лежит первоначало новых идей и начинаний.

Конечно, в этой Руси хаос замкнут на себя, мало кому известно, что там таится. Но недаром Разин хочет привлечь эту Русь на свою сторону...

Заслуга Волошина в том, что он опять обратил внимание на это. На самом деле, такая Русь пережила и советское время, переживёт, я думаю, и много других времён... Она лишь приняла иную форму, не такую бросающуюся в глаза, как в дореволюционной России. Иногда она вползает и в наше сознание, порождая там странные озарения, смутные предчувствия, творческий хаос. Не такая уж она «окаянная», как кажется на первый взгляд.

И вспомним Блока:

Да и такой, моя Россия,
Ты всех краёв дороже мне.

В чём Волошин остался велик и незаметен, так это, разумеется, в своей верности России и в глубокой мистической любви к ней.

Дай слов за тебя молиться,
Понять твоё бытие,
Твоей тоске причаститься,
Сгореть во имя твое...

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Мы рассмотрим некоторые кардинальные стороны русской поэзии, которые в силу пророческих, мистических свойств поэзии имеют решающее значение для понимания глубинной сущности России как духовно-космического явления.

Совершенно ясно, что не меньшее значение в этом смысле имеет и русская проза с её прозрениями о русской душе и России (особенно Достоевский, Толстой, Гоголь, Платонов). К этому мы ещё вернёмся⁹.

Обратим внимание не только на величайших поэтов (Пушкин, Лермонтов, Тютчев, Блок, Есенин), о которых мы писали, но и на всю панораму русской поэзии XIX–XX веков. Если мы в это углубимся, то будет

⁹ Также не стоит забывать, что в европейской философии есть положение о том, что каждый народ представляет собой особенную мысль Бога о человечестве, иными словами, каждый народ имеет свою специфическую идею.

нетрудно заметить, что тенденции, касающиеся понимания России, о которых я писал, присутствуют, по сути, почти везде в русской поэзии, независимо уже от степени талантливости того или иного поэта.

Надо добавить, что эти тенденции, естественно, существуют не только в культуре (поэзии, прозе, музыке и т.д.) как таковой, но и в жизни людей, в их внутреннем мироощущении. И это очень важно.

Но обратимся к поэзии. Здесь невозможно сделать обзор всего этого океана, но просто приведём некоторые примеры, которые вполне укладываются в те русла великих прозрений о России, которые мы видим в поэзии таких величайших гениев, как Пушкин, Лермонтов, Тютчев, Блок, Есенин...

Начнём с классиков Серебряного века — Фёдора Сологуба и Андрея Белого.

Возьмём, например, стихотворение Фёдора Сологуба «Печалью, бессмертной печалью родимая дышит страна...» Такая всеобъемлющая печаль, скрытая тоска может проявлять себя по-разному, в любой форме, в культуре или как внутреннее человеческое чувство, в ландшафте, как в отражении русской души, в живописи (вспомним Левитана) и так далее.

Печаль бессмертная, не зависящая от каких-либо меняющихся условий жизни, — это, несомненно, чисто метафизическая печаль, возникающая из-за того, что этот мир не может воплотить всё, что необходимо русской душе, что он фатально ограничен.

Но главное, что эта печаль носит метафизический характер, не зависящий от каких-либо условий, от какой-либо конкретной утраты.

Более того, она указывает на то тайное, глубокое предназначение России, которое ещё не раскрыто. Это тоска по будущему предназначению.

И поэтому в своё время эта тайная тоска может превратиться в энергию прорыва и в итоге в бесконечную духовную радость, связанную с реализацией всего предназначения.

Теперь обратимся к Андрею Белому, поэту. В начале XX века он выпустил небольшой сборник стихов о России, восхитивший Александра Блока. В этих стихах великая Русь охвачена силами безумной непонятной стихии, переворачивающей человеческие души, сметающей все устои, всю «стабильность», на которой держалась Россия в своей внутренней жизни. И что дальше? — как и у Гоголя, ответа нет. Одни «снега, снега» и «музыка, сводящая с ума» (это уже Георгий Иванов). Кстати,

о русской музыке — на примере симфоний Чайковского (берём экстремальный пример) — особенно очевидно, что глубина этой потрясающей музыки такова, что действительно скажешь, что Георгий Иванов прав. Эта музыка сметает разум как иллюзию и обнажает такую бездну, которую, может быть, нельзя ни определить, ни сказать о ней иным языком, чем в музыке Чайковского. Трагизм Вселенной, бесконечная стихия боли — ну, это всё приблизительно (я имею в виду Шестую симфонию в особенности). В общем, после литературы высшая музыка России — её наиболее глубокое сокровище, отражающее всё те же бездны русской души.

Вернёмся к карте русской поэзии. Остановимся на Гумилёве и совершенно недооценённых в пылу холодной войны в литературе таких великих поэтах, как Клюев и Заболоцкий.

Об этом пришлось бы многое написать, но в данный момент хотелось бы остановиться на одной важной стороне русской культуры, на её связи с Востоком, особенно с Индией.

Эту глубинную связь Клюев провозгласил совершенно определённо, когда писал о России:

И страна моя, белая Индия,
Преисполнена тайн и чудес.

Гумилёв в своей гениальной маленькой поэме «Заблудившийся трамвай» говорит о билете, билете в «Индию духа». С тех пор это выражение стало крылатым — «Индия духа». Многозначительно, что такая близость на тайно-духовном уровне между Россией и Индией провозглашена как великим поэтом крестьянской Руси, так и великим поэтом, вышедшим из дворянства, высшего сословия, которое столько гениев подарило России в одном только XIX веке.

Сам смысл этой близости, конечно, не на уровне религии, а на уровне метафизической глубины. Об этом я уже писал в книге «Россия Вечная». Отмечу, что индийская метафизика признана в мировом масштабе как величайшее достижение человеческой мысли, намного превосходящее что-либо созданное в этой сфере в западном мире.

Направим теперь внимание к другой теме. У Бальмонта находим изумительное стихотворение «Есть в русской природе...», в котором с несколько болезненным надрывом показана глубокая связь между русской природой и русской душой, именно с такими её сторонами, которые

Есенин так ясно выразил словами «нежность грустная». Сразу вспоминается Левитан и его живопись.

Природа здесь, сама по себе являющаяся живым феноменом, одухотворяется ещё и тем, что становится отражением человеческого духа. Ибо всё это — космос, природа и человек — связаны между собой и на высшем духовном уровне.

В принципе, Серебряный век русской поэзии и литературы явился достойным продолжением того чуда, которое возникло в России в XIX веке. Это чудо — русская литература этого века от Пушкина и Гоголя, до Толстого, Достоевского и Чехова. В самой Европе считается, что существовало три чуда в сфере мировой культуры: век Перикла в Афинах, эпоха Возрождения в Европе и русская литература XIX века. Более того, по моему убеждению, наша классика до сих пор недооценена, в том числе и у нас, в России, и это несмотря на то, что самый положительный имидж России, который существует в мире, на Западе в частности, связан именно с великой русской литературой, с её классикой. Недаром Достоевский и Толстой считаются величайшими писателями в мировой истории.

Недооценка этого русского сокровища заключается в ещё недостаточном проникновении в его бездонную глубину и метафизику. Разумеется, философичность как особое свойство именно русской литературы признаётся во всём мире, и Толстой, и Достоевский почитаются не только как писатели, но и как философы, наряду с корифеями собственно мировой философии. Но нечто весьма существенное в русской литературе и культуре в целом упущено... К этому мы ещё вернёмся.

Серебряный век же, как достойный продолжатель золотого века русской культуры, был жестоко прерван большевистской революцией. Процесс был как будто остановлен, но такие отдельные величины, как Андрей Платонов, Михаил Булгаков, Владимир Набоков, Иван Бунин, Марина Цветаева, продолжали великую традицию вплоть до середины XX века.

Сам же короткий Серебряный век культуры Российской империи во многом ничуть не уступал девятнадцатому, Золотому веку, и с неиссякаемой, кроме всего прочего, глубиной обнажил те бездны и раны мировой истории, которые поглотили и поглощают наше время.

...Теперь стоит хотя бы на мгновение погрузиться в прозу. В книге «Россия Вечная» я уделил этой сфере (проза, философия) большое внимание. Но здесь, я думаю, достаточно иного, молниеносного взгляда. Выделим хотя бы Андрея Платонова и Достоевского.

Язык Платонова производит впечатление некоей тайнописи, за которой стоит вторая реальность, иная, но параллельная обычной. Это не уход в чёрные высоты, а создание путём языка иной реальности внутри земного мира. Она близка этому миру, но в то же время далека от него.

В творчестве Достоевского же воплотились самые парадоксальные и существенные черты внутренней русской жизни. Здесь и запредельность «вечных» вопросов, одновременно таинственное и страстное желание отрицать найденные и, казалось бы, законченные ответы; неутолённость метафизических и религиозных стремлений, безумный «индивидуализм», доходящий до солипсизма («Записки из подполья»), и жертвенность, святость; отрицание мира и любовь к нему, жажда бессмертия, духовные скитания, в конце концов, порой даже истеричность в духовных поисках, возникающие то там, то здесь уникальные персонажи.

Одним словом, «русские мальчики». Добавим: в наше время и «девочки».

Вообще, подобные черты в разных сочетаниях пронизывают всю русскую классическую литературу от Гоголя до Булгакова.

И естественно, что многие глубинные черты, выраженные в русской поэзии, в другой форме, конечно, присутствуют и в прозе... Всё это образует единый, мощный поток.

Ещё одной важной стороной русской культуры, что видно по художественной прозе, является метафизическая незавершённость, как будто всё духовное движение направлено в бесконечность, и отсюда отмеченное ещё иностранными исследователями русское отвращение к законченности, к застывшей форме. «Русь... Дай ответ... Не даёт ответа...» (Н.В. Гоголь).

И такое ощущение, что ответов окончательных и не будет, ибо «тройка» устремлена в «тоску бесконечных просторов», или просто в бесконечность, а бесконечность непознаваема.

Другой важный момент в русской литературе, особенно часто возникающий у Достоевского, — это противоречие, даже конфликт между душой и духом. Но эта величайшая тема требует особого рассмотрения.

Общее интуитивное впечатление от русской литературы и русской внутренней жизни в целом можно выразит двумя словами: «провал в тайну». Даже внимательных иностранных наблюдателей, приезжающих в Россию, не оставляет ощущение некоей бездны, на которой зиждется, сохраняется и утверждается русская жизнь.

Может быть, частично прав некий немецкий генерал, который когда-то заявил, что русским нечего бояться, ибо Бог на их стороне, у нас сама по себе такая страна развалилась бы в течение нескольких месяцев¹⁰.

Бездна и тайна пронизывают русскую жизнь и культуру, её скрытые глубины. Но именно поэтому вселенский поток бытия поддерживает её, Россию, в той мере, в какой она верна самой себе¹¹.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как известно, в эмиграции, без возможности возврата в Россию, вся почти сверхъестественная притягательность России, превосходящая норму, ностальгия по ней проявила себя с неотразимой силой. Ещё бы: «...большое видится на расстоянии...» Иногда эмигранты возвращались, зная, что идут на верную смерть. Всё это настроение с необъятной страшной искренностью выражено в одноимённом стихотворении Владимира Набокова, где он пишет о своём иррациональном желании возвратиться в Россию, даже если там ему грозит смерть.

Возникает вопрос: почему? В чём причина такой глубинной, порой мистической притягательности России? Когда я сам оказался в эмиграции, такой вопрос (перед самим собой) был неизбежен. Очевидно было, что в самой России заключена какая-то высшая ценность, какая-то духовная тайна, — и, только прикоснувшись к ней, можно было бы ответить на вопрос: «Почему?» И в конце концов, в какой-то степени понять Россию, а следовательно, понять себя¹². А может быть, понять и будущее России, её предназначение — как историческое, так и вневременное, вечное.

¹⁰ К этому следовало бы добавить, что особенно в наше время России необходимы и огромные волевые усилия, чтобы сохранить себя.

¹¹ Как известно, Бог помогает тем, кто помогает сам себе. Необходимо подчеркнуть, что никакое явление или реальность, какими бы глубинными они ни были, не могут заменить Бога и ли веры в Него. Бог всегда должен быть на первом месте. Это понятно само собой, ибо Бог есть первопричина всего существующего, само бытие исходит от Него.

¹² Под понятием «русские», как я уже писал в книге «Россия Вечная», подразумеваются, кроме собственно русских, все те, которые живут в русском языке и русской культуре, считают Россию своей родиной и любят её. Более того, русская душа может даже воплотиться в человеке любой национальности и родившемся вне России, например, Сьюзен Мэсси.

Два пути вели к этому. Один — полный пересмотр русской культуры, литературы в особенности. Второй — попытаться заглянуть внутрь себя, в глубины собственной души, погрузиться в высшую медитацию, переходящую в созерцание.

Я начал с первого пути, и по мере чтения будто бы хорошо знакомой русской литературы, классики, во всех её формах, мне открывалось то, на что раньше не обращал пристального внимания. Параллельно, конечно, было продвижение и по второму пути, но оно быстро закончилось таким неожиданным поворотом, который и лёг впоследствии в основу доктрины Вечной России, изложенной в моей книге «Россия Вечная» в 2002 году.

Это было молниеносное прозрение, озарение, повлекшее за собой мгновенное познание сути того, что я искал. Так и бывает. Результат — доктрина Вечной России. Две дороги лежали к ней, одна — аналитическая, познание русской культуры и жизни, а вторая — уже не дорога, а мгновенное прозрение, и оно оказалось решающим, ибо в таком постижении раскрывается целостная картина, включая самые высшие слои метафизики России.

Теперь остаётся показать суть этой доктрины. Но она в наиболее полном виде уже изложена в книге «Россия Вечная». С другой стороны, многое и существенное понятно при прочтении текста «Наедине с Россией», о характере возникновения которого я воздержусь говорить. Однако некоторые черты этой доктрины (изложение всей заняло бы целую книгу, уже написанную) необходимо воспроизвести.

Углублённый анализ русской культуры, литературы в первую очередь, и её интуитивное постижение приводят нас к очевидному, а именно: Россия в русской культуре становится объектом глубочайшего познания и любви, и это познание раскрывает Россию не просто как страну, а как метафизическую реальность, которая выходит за рамки этого мира и, следовательно, исторического процесса как такового.

Россия, её суть просто не вмещаются в рамки человеческой истории. И тогда, кстати, становятся доступными великие слова: «Умом России не понять, аршином общим не измерить...»

Но её можно «понять», если обратиться к внерациональному, высшему разуму.

Такое познание России неизбежно приводит к следующему выводу.

Поскольку русская идея в силу своей глубины и метафизичности не может полностью воплотиться в нашем ограниченном мире, то

неизбежно её воплощение в других мирах, высших или параллельных, тем более наличие множества миров признано всей мировой духовной традицией.

Вообще говоря, любая идея, достойная называться метафизической, образует некое первоначало. Это первоначало и есть собственно высшая сущность России, сама Россия Вечная, которая может воплощаться в разных мирах, и наша (историческая) Россия является одним из вариантов такого воплощения.

Таким образом, мы приходим к понятию как Вечной России, так и космологической России, воплощённой в разных мирах.

На этом мы остановимся, ибо раскрытие сути России Вечной увело бы нас слишком далеко. Читайте «Россию Вечную»!

Примечательно, что явление России космологической, излучающей свой духовный импульс из космоса, отмечено в стихотворении Александра Блока, текст которого приведён в книге «Россия Вечная»¹³.

Немыслимая, бесконечная любовь к России, пронизывающая русское творчество, звучит в этих стихах уже на космологическом уровне.

Россия космологическая, Россия-победительница пространства и времени протягивает руку России-мученице.

В плане самоутверждения России надо высказать и ещё одно соображение глобального порядка. Сама многогранность русской духовности, её устремление в запредельное, в бесконечное, её метафизический порыв («сильна ты нездешней мерой, нездешней страстью чиста, неутолённой верой твои запеклись уста») неизбежно связан с обратной стороной, а именно со специфическим характером русского бытия. Чтобы нести на своих плечах такой груз запредельности и «неутолённой веры», надо крепко стоять на земле.

Русское бытие отличается многими парадоксальными чертами, и одна из них — его способность выстоять при любых обстоятельствах, его таинственная гибкость и живучесть. Читая, например, Андрея Платонова или просто наблюдая некоторые стороны русской жизни, поражаешься, как народ с такой отключённой ментальностью вообще может выжить, тем более в условиях зры падения, но он не только выживает, но и живёт своей углублённой, не зависимой ни от кого внутренней жизнью. Иными словами, русское бытие имеет некую метафизическую составляющую, которая сохраняет это бытие, эту жизнь.

¹³ До некоторой степени этот импульс видится и в стихах других поэтов.

А теперь обратимся к конкретным экстремальным ситуациям. Способность народа, находящегося даже в тяжёлом положении, вдруг собираться в единую мощную силу тогда, когда создаётся угроза его существованию. Она поразительна, она творит то внезапное русское чудо, которое периодически возникает в нашей истории и благодаря которому Россия-победительница предстаёт во всём своём торжестве. И хотелось бы обратить внимание на один момент. В годы Великой Отечественной войны Ахматова писала:

И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово,
Свободным и чистым тебя пронесём...

«Великое русское слово» — вот что противопоставлено здесь античеловеческой нацистской идеологии и историческому расизму во всём его глобальном смысле.

Слово и так духовное божественное начало — здесь есть над чем задуматься.

А теперь необходимо сделать некоторые простые выводы из доктрины России Вечной, выводы, имеющие непосредственное практическое значение.

- 1) Россия образует совершенно самостоятельную, уникальную цивилизацию, отличную и от Запада, и от Востока, и даже от Евразии. Россия есть Россия, и это более чем достаточно. Её основу составляет православие, русская идея и русская душа.
- 2) Но Россия не просто и не только страна и цивилизация. Россия образует собой также величайшую духовную реальность, выходящую за пределы этого мира.
- 3) В силу предыдущих двух тезисов вытекает, что Россия как страна и как духовная историческая реальность обладает качеством сверхценности. Проще говоря, она является сверхценностью для людей, любящих Россию и верных ей, и, наконец, для всего её народа.
- 4) Величайшее значение имеет русская душа и её носитель — русский народ. Русская душа — это фактически микрокосм, в котором отражена Россия.
- 5) Таким образом, мы имеем феномен Внутренней России, которая находится в центре русской души. Следовательно, такой человек есть сама Россия в её ином — внутреннем состоянии. Там, где есть человек с русской душой, там есть Россия.

Любовь к России является одним из главнейших принципов российской жизни. Она отличается тем, что ей не границ. И её качество может постоянно углубляться.

Другой важнейший принцип — познание России не только как страны, но и, насколько это возможно, как метафизической реальности¹⁴.

Совершенно очевидно, что этот принцип познания относится также и к русской душе, тем более в её космологическом и метафизическом проявлениях, ибо Россия и русская душа — это нечто единое.

Теперь необходимо сказать о конкретной современной ситуации, в которой оказалась Россия.

Ни для кого сейчас уже не секрет, что в 90-е годы XX века Россия пережила, пожалуй, один из самых страшных периодов за всю свою историю. Раздел страны, разрушение государства, промышленности, сельского хозяйства, катастрофическое уменьшение численности населения, разбой, русофобия, массовая идиотизация населения через телевидение и так далее. Для каждого очевидно, что в 90-е годы в России по тем или иным причинам произошла историческая катастрофа¹⁵. С начала нового тысячелетия положение улучшилось, но продолжает оставаться опасным. Россия всё ещё в тисках стечения обстоятельств, и потребуются многие годы упорного труда и верховной мудрости, чтобы, имея на то политическую волю, достичь победоносной нормализации. Но направления, по которым надо продвигаться, ясны и сейчас. Пожалуй, самое главное — это сохранение и расширение суверенитета, причём во всех сферах жизни. «Суверенная демократия» — это выражение вполне подходит.

Суть заключается в том, что потеря суверенитета и так называемое внешнее управление (управление из заграницы) означает пусть, может быть, медленную, но гибель России. По причинам, один перечень которых требует специальной статьи.

При этом суверенитетом надо обладать во всех сферах жизни страны — экономической, социальной и так далее. И одна из важнейших таких сфер — это культура и образование, включая, конечно, массовую

¹⁴ Православие, русская идея и русская душа. Самобытность и особый характер русской цивилизации не означает некоей замкнутости. Следует напомнить слова Достоевского о русском человеке как о всечеловеке. Но, испытывая влияние каких-либо других великих культур, мы превращаем эти влияния в своё собственное достояние, трансформируем их в своём духе. При этом для нас вполне приемлема формула: люби своё и уважай чужое.

¹⁵ В конце концов, катастрофы и потрясения — не редкость в мировой истории.

культуру и информационные потоки. При этом решающее значение имеет не только изгнание из этой сферы разрушительных тенденций, таких как очернение истории и культуры собственной страны, масштабное снижение уровня гуманитарного образования в школах, массовое оглупление людей, особенно молодёжи.

Важно и внедрение в культуру позитивных сил. Особое значение имеет распространение и изучение великой русской культуры, особенно классической русской литературы. Ибо если техническое образование делает специалистов, то гуманитарное — человека, личность. Кроме того, именно через русскую классику, включая поэзию, можно привить по-настоящему глубокую, не формально-официозную, а внутреннюю, неистребимую любовь к Родине. Надо только уметь открыть людям сердца и глаза.

Омертвление же гуманитарного образования, его идиотизация путём тестирования и другим образом — всё это в целом губительно для новых поколений. Ведь надо же понять, что можно иметь в стране сильную экономику, деньги и так далее, но главным в истории является человек, и именно он, а не машины определяет судьбу страны.

Я уже не говорю о величайшем значении православия для судьбы страны — это очевидно. Но мы остановились на суверенитете в сфере культуры. Сохранение его необходимо ещё и потому, что, по западным же исследованиям, разрушение национальной культуры, тотальная потеря патриотизма и сопутствующих ему воззрений неизбежно ведёт рано или поздно к распылению, ассимиляции и исторической гибели такого народа, допустившего национальное самоубийство.

И, наконец, если в процессе восстановления России необходимо что-то заимствовать, то заимствовать то, что действительно нужно, а не всё подряд, но даже такое заимствование должно обрабатываться на основе российского опыта и менталитета.

В этом и заключается феноменальный успех Китая, который и чужое превращает в «своё», и в любом случае китаец — прежде всего китаец, а потом уже «коммунист», «капиталист» и так далее. Результат — стопроцентная самодостаточность, что и позволило реализовать государственное долголетие.

Разумеется, для России крайне актуальны сейчас и преодоление демографического кризиса (в особенности!), и развитие экономики, и осуществление социальных программ, и, конечно, проблема национальной безопасности и обороноспособности и так далее. Всё это известно и обсуждается. Хотелось бы только подтвердить мнение о важ-

ности социальных программ, которые только и могут восстановить доверие народа к государству, без чего невозможно нормальное развитие страны. Не говоря уже о том, что для России, для её народа в принципе исключительно важно наличие социально ориентированного нормального государства, жизни без потрясений и без разгула криминального капитализма. Как к этому прийти — вопрос жизни и смерти.

На фоне этой смертельной видимой и невидимой борьбы что можно сказать о России духа?

Во-первых, то, что она существует, несмотря на весь очевидный процесс чудовищной духовной деградации во всём «цивилизованном» мире.

Во-вторых, само наличие и дальнейшее раскрытие российской духовности может защитить Россию, ибо человеческая история на самом деле управляема неподвластными человеку высшими силами. Эта «управляемость» таинственным образом сочетается со свободой воли. Но истина человека и его истории заключается в примате духовного начала, которое вечно, в то время как всё остальное в человеческой истории временно. Отсюда ясно, что Россия духа может сохранять и спасать Россию как страну и государство на протяжении всех изгибов так называемого мирового процесса.

Нам следует и правильно реагировать на будущие мировые процессы с их возможными катаклизмами (природными, социальными) и войнами.

Но, проходя все эти страшные циклы, означающие постепенный распад и гибель современной цивилизации и переход к новой, Россия может создать подлинную империю духа.

Слава России и её неповторимости!

Слава России Вечной! ■

Переделкино, 2009

НОВАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Прежде всего, надо ответить на вопрос: что лежит в основе понятия «цивилизация» и чем цивилизации отличаются друг от друга. Мы считаем, что этой основой является сам человек, а не, например, социальный уклад или экономический базис. Такой грубо материалистический, до нелепости, подход характерен только для нашей эпохи, особенно XIX и XX веков, и именно её, и не более того, он характеризует. В этой схеме, как в её «пролетарском», так и в буржуазном вариантах, человек фактически становится неким производным от социальных отношений и от своей чисто биологической, животной природы. В XX веке на Западе, как известно, некоторые «философы» докатились до того, что содержание человеческого бытия сводилось, по их мнению, к удовлетворению физиологических потребностей, и ничего более. К этому же сводился в их глазах весь смысл и цель мировой истории. Сказано, по крайней мере, искренне...

Между тем тот или иной вид цивилизации определяется сущностью человека в целом, включая, прежде всего, его духовную сторону, тем более что именно она определяет отношение к самым болезненным точкам человеческого существования, например, к смерти и бессмертию, к месту человека и человечества в мироздании и т.д.

Прошу также извинения, что мне пришлось указать на примитивный, материалистический подход к человеку, но он весьма характерен для XIX и XX веков, ибо «обезьяний проект» в человеке оказался выгоден как идеологии марксистского тоталитаризма, так и не менее тоталитарной, замаскированной и соперничающей с первой идеологией цивилизации «голого чистогана», переживающей сейчас серьёзный и, вероятно, предфинальный кризис.

Рассмотрим ситуацию человека в «предантичный» период, в то далёкое время, о котором только теперь уже можно сказать нечто определённое. Граница между ним и так называемым «собственно античным» периодом, который более или менее нормально изучен, видимо, — Троянская война. Греки считали эпоху после конца Троянской войны эпохой конца мира, ибо именно с этого времени прекратились вполне конкретные вмешательства богов в человеческую жизнь. Иными словами, боги перестали посещать землю¹⁶. От этой эпохи остались даже изображения людей, пирующих вместе с богами.

Наконец, как отмечал Рене Генон, имеются доказательства о присутствии единобожия в этот период (наряду с многобожием, разумеется). Каков же в такой ситуации мог быть человек? Совершенно очевидно, что его позиция по отношению к смерти, к послесмертному существованию и т.д. отличалась от виденья человека христианской эпохи. Но тем более они отличались от представлений современного человека, по крайней мере того, который определён по существу насильственно навязанным давлением «обезьяньего проекта». Это отличие настолько разительно, что, например, простое общение между человеком той эпохи и современным вряд ли было бы возможным, если можно себе представить саму возможность такого общения.

Человек исторического античного периода более или менее доступен для изучения, и скорее всего представлял некоторый сниженный вариант предыдущего человека (мы не говорим сейчас о философах, адептах древних наук и т.д., а о более или менее типичном человеке той эры), когда непосредственное общение с богами прекратилось, а осталось только косвенное (через оракулов, мистерии и т.д.). Кроме того, пред-

¹⁶ Здесь опять необходимо подчеркнуть, что нелепые материалистические представления XIX–XX веков о том, что все те многочисленные явления разного порядка, в том числе контакты человека с богами, являются плодами фантазии греков и т.д., чуть ли не явлением массовой галлюцинации (кто-то договорился и до такого), являются совершенно бредовыми, и их цель — отрезать человечество от всякого представления о той реальности, которая находится вне рамок физического мира. Древние греки наверняка были более психически нормальными людьми, чем современный человек, и отличить тучи и облака от живых существ, пусть и «сверхъестественного» порядка, они были в состоянии. Утверждать иное так же нелепо, как отрицать магическую практику, ибо, как писал Рене Генон, невозможно представить, чтобы человечество тысячелетиями, в разных концах земного шара, не связанных тогда друг с другом, занималось практикой, которая не приносила конкретных результатов. То же относится и к тайным наукам древности и т.д. Более мы к этим вопросам возвращаться не будем и не будем, разумеется, касаться, например, каким образом такое общение (между человеком и богами, т.е. между существами из разных, «параллельных» миров) оказалось возможным, ибо это относится к чисто специальным исследованиям.

ставление о единобожии ушло. К тому же, надо сказать, что такого рода контакт с богами ставил человека в несколько униженное положение, ибо в горизонтальном измерении могущество богов несравнимо с человеческим. Но, конечно, и такая позиция человека несравнимо лучше ситуации человека эпохи материализма, атеизма или безразличного отношения к вопросам духа, что характерно для современности. Что толку летать на самолётах, забивать голову бессмысленной и ненужной информацией, если ты — всего лишь рациональный червь.

Спасительность христианской цивилизации, пришедшей на смену античной, определялась приходом Богочеловека Христа на землю, Богочеловека, который изначально, до своего появления на земле, был не только Богом, но одновременно и человеком, ибо во Христе и Бог, и общечеловеческая вечная душа присутствовали изначально и присутствуют во веки веков. Тем самым была восстановлена истина о человеке как об образе и подобии Божьем, могущим по благодати получить то, что Христос имеет по природе своей. Таким образом, по замыслу Божьему, человек действительно является центром творения и по вертикали (т.е. по общению с Богом) превосходит все иные существа, включая богов и т.д.

Отметим, что мы касаемся сейчас судьбы европейской и околоевропейской цивилизации и оставляем в стороне рассмотрение таких огромных и великих цивилизаций, как мусульманская, индийская, китайская. Это завело бы нас далеко в сторону.

И, наконец, дальнейшая задача — осознать не просто основы современной цивилизации (они и так ясны), но понять, почему она обречена (этот процесс уже начался), и какая цивилизация придёт её на смену. И главное — понять великие шансы нашей России в будущей эре, России, которая, как и, например, Индия, Китай, исламский мир, образует собственную уникальную цивилизацию, отличную и от Запада, и от Востока.

Отход от христианского мировоззрения и веры совершался постепенно (кстати, он был предсказан). И на то был целый комплекс причин, из которых главные: снижение интенсивности религиозного сознания по мере удаления во времени от первоисточника и переключение человеческого внимания и воли на телесный мир и на его соблазнительные возможности. К тому же движение мировой человеческой истории сопровождается определёнными космогоническими изменениями, так как человек является прежде всего духовным существом, связанным с духовным космосом.

Наконец, переключение человеческого внимания на физический мир сопровождалось определённой материализацией его, затрудняющей доступ к параллельным сферам бытия. Большую роль сыграло и негативное влияние так называемого научного (материалистического по существу) мировоззрения, которое как раз ни в коей мере «научным» нельзя назвать, ибо оно основано на одностороннем обобщении отдельных фактов при полном игнорировании самого факта существования сознания, духовной реальности вообще, как будто её не существует, в то время как именно она определяет бытие этого мира.

Подробное описание нелепости материалистического мировоззрения (как то, например, пресловутое «происхождение» человека от обезьяны, не менее пресловутая «идея» о том, что деятельность мозга «производит» сознание и интеллект, в то время как мозг является всего-навсего инструментом, благодаря которому ненавистная материализму душа выражает себя в физическом мире) не входит в нашу задачу. Но всё-таки для ясности следует отметить, что «нестыковка» и столкновение между древними науками и так называемой «естественной» наукой состоит в том, что естественные науки, появившиеся в период большей «материализации», сосредоточены исключительно на изучении физического мира, в то время как древние науки (от йоги до так называемых священных наук) изучали всю реальность в целом, включая как параллельные миры, так и чисто высшие, духовные сферы и ту природу человека, которая связана с этими мирами. Поэтому если, например, Земля как планета в чисто физическом мире как будто и не занимает центрального места, то на уровне её положения в мироздании в целом она занимает именно такое место... Если звёзды, к примеру, являются физическими объектами, то не значит, что они не связаны с определёнными духовными силами, скажем, с богами. Человек тоже имеет физическое тело, но обладает также и главным: сознанием и интеллект, которые никак не обнаруживаются, так как относятся к духовной, идеальной сфере, непосредственно божественной.

Довольно печально, что обо всём этом приходится писать, но это необходимо, потому что так называемое «научное» мировоззрение, являющееся, по существу, прямым обманом, фальсификацией (поскольку оно претендует на объяснение всей реальности в целом), слишком глубоко в сознании, скорее даже — в подсознании современного человека. И всё же главное, что характеризует в конце XX века материалистическую эру — это направление человеческой воли на наживу, патологическое стремление к богатству в ущерб всему остальному, в том

числе морали. Как только было изобретено огнестрельное оружие, т.е. когда появилась возможность безнаказанно убивать людей, целые народы, не обладающие таким оружием, началась эра всемирной колонизации этих народов и рас ради ограбления и заселения целых континентов, что сопровождалось уничтожением миллионов людей, по некоторым подсчётам, более сотни миллионов, и обращение миллионов людей в рабство. Отсюда зародился откровенный биологический расизм, который в XX веке дал всходы в виде нацизма и фашизма.

С другой стороны, поскольку при таком развитии политическая власть на Западе перешла в руки буржуазии, всё это вылилось во второй половине XX века в откровенный культ «презренного металла», и таким образом окончательно оформилась цивилизация голого чистогана. Идея социализма, особенно в её марксистском выражении, была естественной контрреакцией на господство буржуазии в XIX веке, но она, так же, как и буржуазное мировоззрение, носила грубо материалистический характер и по своей сути не могла выйти за рамки всей этой постхристианской цивилизации.

Разумеется, эта цивилизация не могла мировоззренчески подчинить себе всех людей, и островки «инога» всегда оставались, но идеология голого чистогана, расизм, фашизм и тоталитарный марксизм оказались господствующими в XX веке, представляя собой фактически три стороны одной и той же реальности, называемой современным миром.

Надо, однако, отметить, что это триумфальное шествие духовной и нравственной инволюции вовсе не было таким уж абсолютным. В любой негативной ситуации неизбежно сохраняется некий, иногда неожиданный, позитив. К тому же такое чёрное шествие отнюдь не отменяло божественного происхождения человека, разума и сознания как такового. При любых обстоятельствах бытие как дар Божий есть неопровержимое благо. К тому же религиозная вера отступала, но во многих аспектах сохраняла свои позиции.

Европейская культура в XVIII–XIX веках, хотя уже носила совершенно светский характер, тем не менее, прославилась своими достижениями. Франция как центр европейской культуры дала миру изумительные образцы и в литературе, и в искусстве. Прогресс в науке дал наивные, почти детские надежды на благополучие в XX веке. Род людской лихорадило от надежд к отчаянию... Но «тень Люциферова крыла» (Александр Блок) становилась всё явственней с восходом XX века... С его поступью окончательно проявились черты современной цивилиза-

ции. Она фактически держалась на нескольких китах, а именно: 1) вера в эволюционное развитие мира и связанная с теорией эволюции вера в прогресс (в плане человеческой истории), 2) вера в то, что достижения естественных наук принесут только благо, 3) материалистическое мировоззрение в целом, объявленное, естественно, «научным», 4) культ голого чистогана, в конечном итоге — деньги как абсолютный источник власти (конечно, замаскированный), 5) массовое распространение атеизма или просто безразличия к вопросам духа, духовной жизни, 6) настойчивое продвижение гипотезы о происхождении человека от обезьяны как научно доказанного факта, вплоть до фальсификации в этом отношении.

«Обезьяний проект» был выгоден создателям современной цивилизации ещё и потому, что даже на подсознательном уровне человек стал рассматривать себя как чисто биологическое существо, фактически отрезанное от всякого намёка на своё духовное высшее происхождение, на бессмертие своей души, само существование которой произвольно отрицалось. Такое понимание человека полностью соответствовало духу цивилизации голого чистогана и позволяло легко манипулировать человеческим сознанием, низводя его до уровня социального объекта, практически до уровня «вещи». Человек-вещь — это конечный результат этой цивилизации.

Отметим, что наряду с этой товарной идеологией в XX веке проявились ещё две: тоталитарно-марксистская и фашистская, по существу, выросшая из расистского прошлого времён колониальных войн. Хотя все эти три идеологии соперничали друг с другом, выросли они из одного и того же корня, имя которому материализм и биологизм. Фактически, это были всего лишь разные стороны одной и той же крайне примитивной в духовном и нравственном отношении цивилизации. Преимущество получил голый чистоган.

К концу XX и началу XXI века «развитие» этой цивилизации пошло такими ускоренными темпами, что она, эта цивилизация, деградировала до уровня карикатуры на самоё себя. Резкое падение нормальной культуры, повсеместное торжество бессмысленной до идиотизма массовой культуры, политизация культуры, религии, одновременно ещё большее распространение атеизма и параллельные очаги «псевдорелигиозности», откровенное нравственное вырождение — таков результат. Всё это сопровождается циничными войнами, угрозой самоистребления человечества, зловещим нарушением равновесия в природе. И, наконец, так называемый финансовый (а практически — глобальный) кризис. Центр этого провала — Соединённые Штаты Америки.

Всё это неизбежно приводит к осознанию того, что эта цивилизация обречена, и её должна сменить совершенно новая. Прежде всего, она обречена потому, что рушатся те «киты», на которых она держится, подрываются самим ходом истории... Но сначала о самой фундаментальной причине. Она проста. Человек, которого создала современная цивилизация, до смешного противоположен замыслу Божьему о человеке как об образе и подобии Божьем, то есть как о духовном существе, обладающим правом на личное бессмертие. Это настолько очевидно, что так же смешно доказывать это. Вне сомнения, речь идёт о людях, которые в значительной степени поддались давлению этой цивилизации. Но именно поэтому эта самодовлеющая цивилизация голого чистогана обречена, ибо она преграждает человеку путь к спасению, к реализации его духовных возможностей и, следовательно, к вечной жизни. Разумеется, и в наше время такой путь вполне возможен, но он необычайно затруднён мощным воздействием этой цивилизации¹⁷.

А теперь перейдём к весьма конкретным причинам. Современный так называемый финансовый мировой кризис является, по существу, далеко идущим глобальным кризисом. Он сразу поставил под вопрос всю систему современного экономического и политического мироустройства. Потерпели крушение его основы, а именно: паразитический банковский капитализм и власть, а также глобализм, который на самом деле не что иное, как форма диктата одной сверхдержавы. Иными словами, терпит крушение однополярный мир. Уже одно это может изменить политическое и социальное лицо мира.

Интересно, что такая ситуация предсказывалась аналитиками, но задолго до их анализа предсказывалась на основании альтернативных наук (астрологии, ясновидения и т.д.). Этот факт хорошо известен, и не только эти события были предсказаны.

Более того, оказывается, что параллельно будут усиливаться природные катаклизмы, частично вследствие деятельности человека. И всё это на фоне массовых беспорядков и весьма вероятных войн, может быть, с применением оружия тотального уничтожения. Не исключено.

¹⁷ Западная цивилизация, не говоря о её истинно христианском периоде, дала блестящие образцы духовных достижений, великие образцы в искусстве и т.п. Ясно, что, несмотря на все негации времени, человек не может быть поруган полностью. Но, несмотря на это, именно в последнее время, в конце XX и в начале XXI века западная цивилизация окончательно зашла в духовный тупик. Мы по-прежнему любим Запад Виктора Гюго и Флобера, но отнюдь не Запад завоевателей и хищников. И мы никогда не называли целую расу или народ «детьми Антихриста» (речь идёт о германской расе).

Однако сами по себе эти явления не обязательно приведут к гибели современной цивилизации. Но вся совокупность их при одновременном осознании, что жить по старым правилам невозможно — несомненно приведут к становлению новой цивилизации. Но это, разумеется, длительный процесс, фактически, речь идёт о начале нового цикла, ибо человеческая история движется циклически и не представляет собой однолинейную прямую.

Однако говорить о смене цивилизаций только на основании приведённых критериев не совсем обоснованно. Новые цивилизации возникают, естественно, только тогда, когда глубоко меняется сам человек и его сознание. Несомненно, перечисленные факторы ведут к такому изменению, но всё-таки самой важной причиной глобального поворота в сознании людей явится целый ряд явлений космологического характера. Наш мир вступает в такую фазу своего существования, когда его закрытость от параллельных миров, от океана реальности так называемых «нижних вод»¹⁸, раз и навсегда закончится. Иными словами, наступит более или менее естественное состояние мира, которое было до возникновения материалистической эпохи. Это означает, что возобновятся контакты с той реальностью, которая выходит за пределы физического мира, в том числе и с теми существами, которым свойственно там находиться¹⁹. Проникновение это, несомненно, нанесёт смертельный удар не только по слабоумному и плоскому материализму, но по всей системе так называемого «научного мировоззрения».

С другой стороны, такие проявления несут в себе очевидную опасность, но её рассмотрение не входит в тему статьи. Такое естественное восстановление связи между физическим миром и некоторыми регионами «нижних вод» (или просто «тонких миров») вполне естественно, ибо «стены», разделяющие параллельные миры вовсе не так уж непроницаемы, как кажутся сейчас. В действительности они никогда не были, да и не могут быть абсолютно «непроницаемыми». Это, кстати, доказывает и то, какие огромные средства тратятся, например, в США и не только, на соответствующие исследования, разумеется, засекреченные, хотя информация об этих «оккультных» исследованиях не раз проникала в прессу. Исследования эти сопряжены, разумеется, с большим риском, ибо по ту сторону «стен» находятся не молекулы, а, например, разумные существа, чей осо-

¹⁸ В отличие от «верхних вод». Этот термин в некоторых традиционных учениях, в частности у Рене Генона, употребляется для обозначения духовного Неба, непосредственно связанного с Богом.

¹⁹ Естественно, что имеются в виду отнюдь не пресловутые «инопланетяне» — одна из фантазий современного человека.

бый разум и опыт может во многом превосходить человеческий, скажем, в плане познания мира, хотя и отнюдь не в смысле богопознания.

Что означает это восстановление естественного порядка? Возвращение к Средним векам, точнее, в великие древние миры? Конечно, нет. Просто на человека третьего тысячелетия со всеми его приобретёнными способностями, падениями и данными ляжет ещё груз восприятия несколько иной реальности. Это будет, видимо, сложный и медленный процесс. Но стартует он весьма скоро. К тому же сами «естественные науки» и высшие технологии в течение ближайших столетий претерпят огромные изменения. Но вполне вероятно, что от многих этих технологических достижений придётся отказаться, поскольку некоторые из них будут носить разрушительный характер. К тому же вопрос энергоресурсов. Не обязательно будет возврат к уровню XIX века, но кое-что из всех этих игрушек, дающих комфорт, сохранится. Но главное, что в конечном итоге изменится направленность человеческого сознания и воли, и независимо от того, будут ли открыты новые виды энергии или нет — это уже не будет главной заботой рода людского. И некоторые из этих «забот» будут наверняка недоступны пониманию среднего человека нашего времени. Кроме того, чисто научное познание претерпит тоже огромные изменения. И, таким образом, предстоит некое сосуществование великих «тайных» наук и естественных, в некоторых своих аспектах приблизившихся к границе, за которой уже начинается не их сфера компетенции.

Надо, однако, отметить, что все эти процессы изменят сознание наиболее продвинутой части человечества. Особенно в начале этого процесса, ибо значительная часть людей (и эта тенденция отмечена ещё в XX веке) находится в состоянии глубокого безразличия ко всему сложному или духовному. На Западе их называют «индифферентными». Им безразлично всё, что выходит за пределы их кухни. Это состояние тупости по отношению ко всему духовному и эдакого inferнального покоя, инерции может продолжаться и в течение ближайших столетий. Но изменения в сознании и ментальности коснутся как раз той части человечества, которая и будет творить новую цивилизацию и новую историю. Предпосылки таких изменений, как уже указывалось, существуют и сейчас.

Основу этой материалистической цивилизации составляют, с одной стороны, культ наживы и циничной власти денег, с другой стороны — некое «научное» обоснование в лице теории прогресса и эволюции. Дескать, всё развивается по одной прямой линии, от молекулы к обезьяне, от обезьяны к человеку, от человека — к бесконечному прогрессу. Но уже сей-

час эволюционная теория, переход от одного вида к другому, в частности от обезьяны к человеку подвергается сейчас серьёзным сомнениям с чисто научной точки зрения. Снова утверждает себя известная теория Кювье о неизменности видов, о невозможности перехода из одного вида к другому. Впрочем, большевики в 20-е годы пытались это совершить, покупая дорогих «человекообразных» обезьян и пытаясь превратить их в человека.

Положение о неизменности видов наносит, конечно, непоправимый удар по эволюционной теории²⁰. Любопытно к тому же, что определённые археологические открытия, сделанные в XX веке, тщательно скрываются или фальсифицируются, так как эти открытия разрушают бредовую гипотезу о «происхождении человека от обезьяны» и заодно эволюционную теорию. В 90-е годы на российском телевидении, насколько я слышал, какой-то учёный проговорился о некоторых таких открытиях, испуганно засекреченных в советское время. Впрочем, и сейчас о них ни слова. Тоталитарное «научное мировоззрение», догматическое и нетерпимое, защищается его адептами с яростью, схожей с яростью каких-нибудь средневековых католических фанатиков, искажающих саму суть религии. Наука же, основанная на фактах и проверенная опытом, может спокойно развиваться без всякой идеологизации.

Что касается теории неукоснительного прогресса в человеческой истории — то это уже сфера юмора. Практически уже давно надо признать правоту циклического движения истории, известного с древнейших времён. Китай, кстати, даже в период своего «коммунизма» всегда руководствовался именно этой теорией. Даже в материалистической космогонии, не учитывающей реальности ближайшего к нам тонкого мира, обнаруживается, что наша планета даже на грубо физическом уровне занимает некое особое положение в космосе, а не является некой рядовой планеткой наряду с другими бесчисленными планетками. То есть налицо опять приближение к древним космогониям...

Я не буду утомлять читателя такого рода деталями и перейду к ключевому моменту, а именно: какой может быть характеристика этой новой цивилизации, идущей на смену саморазрушающейся современной?

²⁰ Физический мир, согласно духовной Традиции, имеет своё начало и принцип в тонком мире. Всё явлено оттуда, но первопричиной внезапного появления мира является Бог. В отношении же человека Бог является прямой причиной его появления, так как Бог непосредственно присутствует в человеке (обычно в скрытом виде, и даже в падшем человечестве). Его присутствие в человеке в разных традициях обозначается по-разному («образ и подобие Божие», «Атман», «Чистый дух», «Чистое сознание» и т.д.).

Во-первых, о сроках. Процесс, несомненный, но окончательное формирование новой цивилизации, я думаю, произойдёт где-то к середине нашего тысячелетия. Ведь речь идёт всё-таки о смене целого миропорядка, пусть только в нашем, физическом мире. Это вам не переход от капитализма к социализму или наоборот. Глобальная смена цивилизаций зависит не только от человеческого фактора, ибо в этот процесс вовлекаются и космогонические, и природные влияния. И, наконец, промысел Господень. А это главное.

Каковы же основные черты этой предполагаемой новой цивилизации?

О крушении материалистического мировоззрения мы уже говорили. Но в связи с этим произойдёт важное изменение в отношении человека к смерти. Этот показатель является, по существу, одним из самых важных факторов, определяющих характер той или иной цивилизации. В современной цивилизации, сосредоточением которой, несомненно, является западный мир, это отношение, если рассматривать подавляющее влияние индифферентизма, атеизма и в особенности так называемого «научного» мировоззрения, носит совершенно карикатурный характер, ибо это отношение связано с представлением о смерти как об абсолютном конце существования человека, включая его индивидуальное сознание, которое по этому убеждению объявляется всего лишь результатом деятельности мозга. Более нелепого, примитивного и ошибочного представления невозможно себе представить. Это ниже, чем представления о смерти самых диких племён, которые с помощью магии имеют всё-таки какие-то обрывочные сведения о существовании души после физической смерти тела. Останки религиозных представлений, всё ещё продолжающих существовать в этой современной цивилизации, в большинстве случаев настолько опошлены, окарикатурены и политизированы, что их стыдно принимать за полноценную религиозную веру.

Понятно, что отношение к смерти в новой цивилизации, условно назовём её «Цивилизацией Водолея», будет другим. Оно, однако, определённо не будет определяться крайне негативным отношением ко всему мирскому, что было характерно, например, для Средневековья. Видимо, будет существовать баланс между стремлением к земной жизни и пониманием значения духовной жизни для послесмертного существования. Само отношение к смерти и послесмертному бытию будет определённо складываться из тех открытий об этом предмете, о которых мы говорили, и реагировании на это традиционных великих религий, значение которых, я надеюсь, возрастет. Возрастет и значение Знания (в высшем смы-

сле этого слова), но опасности, о которых мы упомянули, тоже возрастут, ибо истинное знание может быть не понято или даже искажено.

Перейдём к другим характеристикам. Но прежде чем к ним перейти, надо сказать хотя бы несколько слов о ситуации на Востоке. В связи с тем, что там, особенно в исламском мире и в Индии, влияние традиционных религий и воззрений, духовных знаний, несоизмеримо значительней, чем в западном мире, переход к новой цивилизации, понятно, будет совершаться несколько иначе. О России мы скажем особо, завершая эту статью.

Итак, другим явственным отличием новой цивилизации от старой будет кардинальное изменение образования. Все материалистические представления, в том числе пресловутый и юморной «обезьяний проект» будут вышвырнуты из программ школьного и высшего образования. Вера в не менее юморное «всемогущество» и, главное, в непререкаемую полезность для человечества «естественных наук» упадёт. С другой стороны, в программы обучения могут войти предметы, о существовании которых современный средний человек не имеет никакого понятия. Вообще, адекватно «понять» человека второй половины нашего тысячелетия современному человеку будет затруднительно.

Теперь коснёмся такой тонкой материи, как войны... Если взглянуть трезвыми глазами на историю так называемого «мирового сообщества», то, пожалуй, если выбросить из неё культуру и нормальную традиционную религиозность, она, благодаря практически не прекращающимся войнам, походит прежде всего на историю людоедов. Когда-нибудь этому бесконечному самоуничтожению может быть положен конец. Я отнюдь не говорю о том, что наступит эдакое полное нравственное перерождение. Если убийство человека человеком тысячелетиями, вопреки нормам религии, считалось и считается нормальным явлением, то о возможности нравственного перерождения в падшем мире говорить можно, но с огромными оговорками. Мы не критикуем этот мир с позиций Царства Божьего. Гораздо более реалистично сказать, что этот процесс самоуничтожения и война рано или поздно станут абсолютно неприемлемым с точки зрения выживания рода человеческого. Просто станет невтерпёж. Но до этого момента придётся ещё долго ждать: агрессивность и желание господства слишком сильны в человеке.

Теперь об экономическом и социальном устройстве (и соответствующем воспитании). В связи с обвалом (постепенным или более стремительным) современной экономики хищнического капитализма и т.п., в связи с природными катаклизмами и нарушениями равновесия в при-

роде рано или поздно будет создана совершенно новая экономическая система, которую мне, например, в одной из бесед определили как новое социальное хозяйство. Думаю, это адекватное название. Можно назвать и по-иному, например, социально-трудовая экономическая система. Суть, в любом случае, состоит, я считаю, в следующем: 1) Экономическая сдержанность. Иными словами, полубезумное истребление природных ресурсов ради культа патологического потребления и наживы будет, видимо, приостановлено. Ради собственного выживания человечество научится жить, с одной стороны, более скромно, с другой стороны, без слишком явного социально-экономического неравенства. Частная собственность, разумеется, сохранится (она практически всегда была, во все времена), но влияние капитала и денежного мешка на общество, воспитание людей и власть значительно уменьшится. Основой неизбежно будет труд, а не капитал. Это естественно. Чтобы что-то продать, надо это произвести, и продать лучше без лишних посредников. Экономическая сдержанность будет вытекать также из направления человеческого ума в сторону иных ценностей по сравнению с тупой и самоубийственной жадной наживой любой ценой, что мы видим в современном мире. В соответствующем духе будет перестроено и воспитание людей, молодёжи. Это отнюдь не будет рай, но наиболее патологические и беспредельно омерзительные черты современной цивилизации исчезнут²¹.

Характер власти может измениться в том направлении, что в ней могут иметь большее влияние люди, обладающие определёнными знаниями, связанными с изменениями в мире.

Моральные, нравственные ценности будут иметь большое значение, но отнюдь не абсолютное. Бессмысленный аморализм явно не будет иметь успеха в том плане, как он представлен в современном мире. Но ангельской чистоты, конечно, не дождёмся.

Геополитическая картина мира кардинально изменится, частично благодаря природным катаклизмам. Но об этом воздержимся говорить.

Остаётся сказать самое главное: о России. Пожалуй, это требует специальной статьи. Но всё-таки в общих чертах.

²¹ В предисловии к великой книге Рене Генона «Царство количества и знамения времени» (лондонское издание) сказано, что надо быть полным идиотом, пусть и проплаченным, если предполагать, как некоторые американские политологи, что такая цивилизация (на американский лад) означает вершину и конец человеческой истории (наподобие тому, как и в своё время коммунисты и даже фашисты вешали о своих «идеалах» как о конце истории).

Спасение России заключается не только в необходимой для неё военной и экономической мощи, демографическом благополучии и политической стабильности, но, по высшему счёту, — в её великой духовности. Эта великая духовность заключается как в духовном знании и свободе²² (в высшем смысле этого слова), так и в ясном следовании Православию, его духовным сокровищам, его высочайшему богословию. Тогда высшая сила, охраняющая её на протяжении её истории, по-прежнему, и, может, ещё более будут охранять её. Тем более что она, Россия, будет, естественно, подвергаться всем опасностям, существующим в мире. Кстати, в Индии России предсказывают великое будущее именно потому, что она способна стать духовным центром нашей планеты²³.

Если обратиться совсем к текущему моменту, то надо отметить, что России, несмотря на все кризисы, необходимо выиграть время, чтобы окончательно стать на ноги — как великая держава, обеспечивающая свой народ всем необходимым для достойной жизни и защищающая его. Пройти между всеми подводными и явными препятствиями не так-то просто, но считаю выбранный курс единственно возможным и правильным. Нельзя сразу сделать невозможное. Но когда мы пройдем эти трудности, обрушенные на нас политикой 90-х годов и мировой системой заодно, можно будет, наконец, спокойно вздохнуть. Главное — сохранить спокойствие, стабильность и, по возможности, демографический рост. В результате предыдущих катастроф 90-х годов нас оказалось слишком мало, и это опасно. Если предстоят испытания, то в тяжёлые минуты мы вспомним, как в такое время возрастает в нашем народе любовь к своей Родине и стремление сберечь себя и её во имя всего лучшего, что хранится в нашей душе, в нашей великой истории, и что ждёт своего часа, своего воплощения. Но вполне возможно, что обойдётся без особо критических ситуаций, а более повседневно и спокойно. Но в любом случае — отбросить навязанные из-за бугра негативные, нелепые представления о нашей стране. Весь этот мир лежит в угрозах и трудностях, не только мы. Но в каком бы мире мы ни жили, у нас есть главное — бы-

²² Слово «свобода» имеет здесь свой нормальный традиционный смысл — как свобода приближения к Богу. Есть и обычная человеческая свобода. Но есть и низшая свобода, свобода джунглей, свобода развязывания самых низших человеческих инстинктов. Именно такая «свобода» и практикуется в современной цивилизации. На самом деле это есть рабство, пленение в угоду смерти.

²³ Моё понимание духовной сущности России (и понимание моего ближайшего окружения) изложено в книгах «Россия Вечная» и «Русские походы в тонкий мир».

тие, жизнь, которая дана нам даром, а быть — это означает благо, тем более что за пределом этой земной жизни простирается бесконечная жизнь, бессмертие, бытие как дар Божий. А зная, какую самоценность представляет собой Россия, нам надо дорожить своей жизнью вдвойне.

P.S. В этой новой цивилизации Россия вполне может занять важнейшее место. К тому же, на уровне ближайших лет, если действительно в это время произойдут кардинальные геополитические изменения в мире, то Россия, например, может вступить в период реально дружественных отношений с США (и с Западом в целом), поскольку перед нами будет уже другая страна, возможно, наконец освободившаяся от русофобии, этой политической болезни Запада.

Но важно и другое. Россия несёт в себе некую глубочайшую духовность, выходящую за рамки любой цивилизации. Я попробовал выразить эту духовность в книге «Россия Вечная». Эта духовность носит сверхцивилизационный характер. И именно то, что имеет такой характер, сохраняет страну на протяжении всех веков и всех цивилизаций. Мы видим это на примере Востока. Важно, чтобы Россия сохранила свою вечную, пока ещё далеко не раскрытую полностью, но рождённую вместе с ней суть. ■

2009

Я ПРЕДСТАВИЛ ОБРАЗ ЕДИНЕНИЯ С БОГОМ

«Взгляд», 22 декабря 2010

ВЗГЛЯД: Один из главных героев вашего нового романа «Империю духа» Александр Меркулов обладает даром всеведения. Раньше у вас не было персонажей с этой сверхспособностью. В чем смысл появления такого человека? Возможно, это — антитеза тому ложному всеведению, которое сулят нам информационные технологии?

Юрий Мамлеев: С одной стороны, этот образ, конечно, уникален. Но с другой стороны, человек, осуществляющий то, что можно условно назвать реализацией Абсолюта, — это феномен, который с определенной точки зрения не является чем-то из ряда вон выходящим.

Явление это не с неба упало. Другое дело, что для выполнения подобной миссии нужен дар, который присущ очень немногим людям. Это великая традиция, которая на Востоке существовала на протяжении тысячелетий. Но у нас в России тоже существуют те, кто идет по этому пути. Их очень мало. Может быть, их можно сосчитать по пальцам. Но они знают традицию, знают учение, и у них есть дар. Я в курсе всего этого, поэтому создал такой вот в некоторой степени собирательный образ. Образ, основанный на реальной возможности полного соединения с Богом. Совершенно исключительный, индивидуальный элемент этого образа — те переживания, которые связаны с путешествием персонажа по духовному космосу.

Одно из лучших описаний аналогичного путешествия, имеющихся в христианской литературе, — это, как мы знаем, «Божественная комедия» Данте. У меня взят несколько другой вариант, основанный на ведантской традиции. Так вот, я внес в это путешествие нечто такое, чего в применении к данной ситуации никогда не встречал, — сомнения. Этот момент придает путешествию совершенно особый смысл. Нужно внимательно читать, чтобы понять, что там происходит и к каким выводам герой приходит отно-

сительно смысловой связи Абсолюта и мира. Другие герои, между прочим, тоже обладают некими духовными способностями, и схема в целом взята из жизни: существует эзотерический круг, далее — круг художников и поэтов, как в свое время и было у нас на Южинском. Надо сказать, что кружок наш, в общем, не был изолирован от окружающего мира. Не случайно в конце романа один из героев отвечает на обвинения в том, что он и его друзья ушли слишком далеко в надзвездные сферы, и объясняет, как представляемый им круг относится к происходящему в нынешней России. Кстати, название романа — «Империя духа» — совпадает с названием журнала, в котором я печатался и в котором сейчас печатается, в частности, Гейдар Джемаль.

ВЗГЛЯД: Картину современности, данную в «Империи духа», не назовешь радостной. Может ли человек, основывающий свое существование на близких вам духовных практиках, найти что-то привлекательное среди ультра-современных явлений, или он может уповать только на вековую традицию? Достояна ли цивилизация в ее нынешнем виде хоть какого-то оправдания?

Юрий Мамлеев: Это очень тонкий вопрос. Во-первых, любая цивилизация, как бы она ни была жестока или ограничена, всегда имеет какие-то плюсы. Во-вторых, для моих героев, как видно из романа, самое главное — не современная цивилизация вообще, а Россия как таковая. А в России ведь сменилось две или три цивилизации, а может быть, и больше — дохристианская, православная и современная, причем в рамках последней сначала возобладали крайне левые идеи, и это тоже была какая-то иная цивилизация или, по крайней мере, была попытка ее создать. Наконец, есть та цивилизация, которую мы имеем сейчас, — ультрасовременная, слегка американизированная. Ее не отнесешь к числу лучших. Но для моих героев Россия гораздо больше, чем любая цивилизация, и потом, современный цивилизационный проект все равно является данностью, каким-то образом с ним нужно сосуществовать. А кроме того, надо иметь в виду, что никакая цивилизация не вечна. Можно вспомнить известную китайскую, и не только китайскую, но и вообще традиционную концепцию, согласно которой не существует однонаправленного развития, линейного прогресса. Эта концепция абсолютно верна, линейного прогресса действительно нет, все это выдумки эпохи Просвещения. Есть цикл, возвышение периодически сменяется упадком или какими-то срединными состояниями. Происходит циклическая смена цивилизаций, человек меняется, возникают новые ценности. Не думаю, что те ценности, которые выдвигает современная цивилизация, будут торжествовать долго. Вероятнее всего, человечество столкнется с та-

кими явлениями, которые иерархию ценностей неизбежно поменяют. Как это произойдет — другой вопрос. У меня есть еще не опубликованная работа, которая называется «Новая цивилизация». Новая цивилизация, о которой там говорится, будет, как я думаю, более благоприятна для России, чем нынешняя, уже, по существу, заходящая в тупик и отмирающая.

ВЗГЛЯД: Когда появится эта упомянутая вами работа?

Юрий Мамлеев: Точно еще неизвестно, это решится по ходу дела.

ВЗГЛЯД: В романе есть эпизод, в котором жена одного из героев впадает в странное состояние, имеющее сугубо потусторонние корни...

Юрий Мамлеев: Да, там получается так, что все ее существо оказывается поглощено идеей некой трансцендентной ласки, нежности со стороны высших сил. В тексте объясняется, что это такое: речь о духовной ласке, которая как бы уверяет человека в том, что он бессмертен. Но героиню, подходящую к этому чисто по-женски, такое устремление, в общем, приводит к гибели, потому что она как бы запуталась в отношениях между высшими силами и человеком.

ВЗГЛЯД: И для того чтобы ей помочь, близкие пытаются прибегнуть к помощи врача-психоаналитика. Врач — фигура откровенно карикатурная: он мыслит крайне примитивно, задает поверхностные вопросы, в которых как бы спародированы расхожие штампы психоанализа. Подразумевали ли вы здесь сатирическую полемику с этим популярным учением?

Юрий Мамлеев: Специально я себе такой задачи не ставил, это всего лишь эпизод. С точки зрения вопросов, которым посвящен роман, психоанализ — сущая мелочь. Но я согласен, что некий сатирический момент здесь присутствует.

ВЗГЛЯД: «Империя духа» — одновременно роман и философский трактат. Как вы считаете, насколько перспективна такая жанровая комбинация, смогут ли другие продолжить эту линию?

Юрий Мамлеев: В принципе, это вполне возможно. Но для этого писатель должен владеть метафизическими знаниями настолько, чтобы свободно использовать их в романе. А кроме того, важен принцип Достоевского: все философские моменты должны проходить через сюжет, через переживания героев. ■

Интервью брал Кирилл Решетников.

ПРИГЛАШЕНИЕ НА КАЗНЬ

«Российская газета»,
федеральный выпуск №5151 (72/2010)

«Российская газета»: Юрий Витальевич, сегодня в массовом искусстве сцены насилия становятся все более зрелищными. Современная литература движется в том же направлении?

Юрий Мамлеев: Все зависит от личности писателя. Кроме того, я не думаю, что в литературе насилие выражено так же, как в банальном массовом искусстве. Компьютерные игры, кинофильмы — если в них изображаются бессмысленные кровавые сцены, это по сути те же гладиаторские бои. А то и хуже. Бои гладиаторов были битвами живых людей, их смерть могла вызывать у публики подлинное отвращение, другое дело, когда убийство происходит на экране. Смерть обесценивается, кажется чем-то мнимым, и у людей, наблюдающих подобные сцены, складывается впечатление, что убивать легко. В литературе это невозможно. Зло, описанное автором, показывает, насколько человек может быть бессердечен по своей натуре, писатель исследует природу человеческой души, а не создает шоу.

РГ: Между тем особенно «сильные» литературные произведения находят свой отклик в душе читателя. Когда вы работаете над произведением, продумываете ли вы действия антигероев, чтобы придуманные образы не принесли реальный вред?

Юрий Мамлеев: В настоящем искусстве, какие бы жестокие проявления жизни оно ни отображало, главным его объектом является познание человека. Мой самый «черный» роман «Шатуны» привел к тому, что двое моих читателей отказались от самоубийства: сказалось влияние катарсиса. Настоящее искусство в отличие от массового, коммерческого имеет только положительное воздействие, помогает победить во внутренней борьбе со злом.

РГ: А изменилась ли, на ваш взгляд, способность человека воспринимать трагические события?

Юрий Мамлеев: У нас произошел мощный психологический сдвиг. В советское время избегали рассказов о негативных явлениях в жизни страны, что, безусловно, создавало благоприятное настроение. Сегодня же жестокость транслируется повсюду, и это стало до того обычным делом, что наша психика начинает привыкать. К чему это может привести? Например, человек решит, что этот мир настолько плох, что лучше держаться от него подальше. Или еще хуже: раз это закон жизни, то и я буду вести себя плохо. Так или иначе, сгущаются краски и создается ложное представление о людях и мире. Конечно же, в большом городе за день совершается не одно преступление, но если их показывать постоянно, то начинает казаться, будто ничего другого и не происходит. Люди могут прийти к выводу, что жизнь состоит из одной жестокости, хотя на самом деле это не так. К сожалению, у нас нет никакого баланса между черными и светлыми сторонами жизни. Не знаю, возможно, это такой коммерческий ход, такая сознательная тенденция — непонятно в каких целях разрушать человеческое стремление к добру, но последствия у всего этого будут плохие.

РГ: Может, все дело в том, что у нас нет культурного фильтра? Ведь, если вспомнить, рыцари Средневековья, которые спустя столетия оставили после себя столь романтические представления, могли безнравственно грабить и жестоко убивать подобно обычным разбойникам. Однако культура той эпохи, осознанно или нет, фильтровала образ героя, поэтому сегодня рыцарь — персонаж положительный.

Юрий Мамлеев: У рыцарей был невыдуманный романтический образ: возвышенное отношение к женщине, дама сердца... Средневековые герои были так же плотно облачены в доспехи, как и в человеческие страсти. Грехи и пороки были не чужды даже рыцарям, а если рассуждать об их военных действиях, то неизвестно, насколько их можно считать грабительскими... Да и какая война не носила грабительский характер?

РГ: Кого наши потомки назовут рыцарями XXI века?

Юрий Мамлеев: Это зависит от того, какими будут наши потомки. Мир может настолько измениться, что через 200 лет восприятие наших потомков не будет иметь ничего общего с восприятием человека из XXI века. Однако уверен, что настоящими героями все равно останутся те люди, которые когда-то отдали свою жизнь за Родину, за ее защиту.

РГ: Юрий Витальевич, а вы верите, что современное искусство может менять мир?

Юрий Мамлеев: Конечно, искусство может менять мир. Литература наравне с религией и философией — одно из самых мощных средств воздействия на человека: Великая французская революция началась с произведений Вольтера и Дидро, а в России роман Чернышевского «Что делать?» стал «библией» ранних революционеров. Что до массового искусства, ориентированного на получение прибыли, то его герои никогда не смогут так глубоко проникнуть в человеческое сознание, как это удалось французским энциклопедистам и нашим литераторам XIX века. Массовое искусство для этого слишком примитивно. Впрочем, в нынешнее переходное время трудно понять, что на что влияет. Появилось много факторов — экология, экономика, наука, то, что казалось истинным, становится ложным, и приходят новые истины. Нас окружает очень мощный комплекс влияния — совсем другая ситуация была в XVIII, XIX и XX веках.

РГ: А как на вас влияет кино, в котором много кровавых сцен? Многие признаются, что страшилки — хороший антидепрессант.

Юрий Мамлеев: Никак, хотя фильмы бывают разные: в некоторых жестокость наводит на размышления. Но что касается столь популярного сейчас западного кинематографа, то жестокость в нем скорее раздражает. Я считаю, его нужно как-то смягчить — такой подход к насилию оказывает негативное влияние на людей, особенно на подростков. Хорошо поставленная бойня на экране создает иллюзию гладиаторского боя. Только представьте, к чему бы привело возобновление подобных зрелищ? Определенно, к росту насилия.

РГ: Так как же защититься от такого насилия?

Юрий Мамлеев: Невозможно скрыться от массового искусства, нельзя его запретить. Но можно противопоставить ему моральное воспитание в школах, в церкви. Следует искать помощи там, где могут объяснить, что в человеке должно побеждать добро. На уровне семьи, друзей. Это непросто, но иного пути нет. Кроме того, если по телевидению показывать жизнь в ее лучших проявлениях — любви, милосердии, то на умелом, хорошем уровне массового искусства это тоже может иметь свое позитивное воздействие. Бытует мнение, что порнография и убийства на экране привлекают зрителей сильнее, чем картины, изображающие положительный образ человека.

Я считаю, что это еще не доказано. Многие фильмы с хорошим добрым содержанием имеют большую аудиторию. Следует противопоставлять их фильмам, изобилующим сценами насилия. И вообще массовому искусству нужно обязательно противопоставлять настоящее искусство. Сейчас такое засилье массового суррогата, что настоящее практически не доходит до людей. Но пусть дойдет хотя бы до меньшинства. Меньшинство же и творит историю. Воспитанное, образованное меньшинство будет влиять на остальных. ■

ПОИСКИ ПРОТИВОЯДИЯ

«Российская газета»,
федеральный выпуск №5656 (280/2011)

«Российская газета»: Вы часто говорите о поле неизвестного, мистического в ваших произведениях...

Юрий Мамлеев: Мои произведения часто не полностью открыты для меня самого. Это как состояние созерцания при медитации. При первых опытах было довольно трудно войти в это состояние, но когда я входил в него, сразу менялся язык. Это не поддается рационализации. Поэтому, когда я после читал свои произведения, я порой сам ужасался, особенно когда работал над «Шатунами». Я сам не верил, что это написал, потому что был в другом состоянии. Когда я из него выходил, то просто приходил в ужас. Потом это состояние стало более привычно.

Я часто встречал такие отзывы моих друзей о моих произведениях, которые не приходили мне в голову. Например, Евгений Головин сказал по поводу образа Федора Соннова в «Шатунах», что весь драматизм его состоит в том, что герой рассматривал мир как псевдореальность. Отсюда его безумные поступки. В американской прессе писали, что Соннов убивает, потому что хочет понять вечность.

РГ: Я правильно понимаю, что когда вы в первый раз читали «Шатуны», вам было страшно?

Юрий Мамлеев: Совершенно верно. Мой отец и некоторые родственники были психиатрами. Я прекрасно знал психиатрию, интересовался пограничными, психопатическими состояниями человека и использовал их. Как Достоевский использовал криминал и убийство для объяснения состояний человеческой души. Но в «Шатунах» не было единственной концепции, там пересекалось много всего. Этот роман мог быть создан только при советской системе. Я имею в виду, что в любом

нормальном обществе, где писатель знает, что он будет публиковать свои произведения, всегда существует внутренняя цензура. Мы знали, что не будем опубликованы, но это компенсировалось полной свободой. Можно было дойти до предела. Когда вы пишете для друзей, это почти как для самого себя. Для общества — другое дело.

РГ: Правильно ли я понимаю название вашей новой книги «Империя духа»: сейчас на Земле существует только одна такая «империя», и это Россия?

Юрий Мамлеев: Здесь имеется ввиду вся сфера духа в целом, и Россия занимает в ней определенное место. Тут она не является абсолютным центром, как, скажем, в моей книге «Россия вечная» или повести «Русские походы в тонкий мир». Здесь дан общий метафизический взгляд на творение, на Абсолют, на Бога в самом себе и на место России в этом духовном космосе.

РГ: Могли ли считаться империями духа Древняя Греция и Древняя Индия? И та, и другая пережили духовное падение, сохранив некое территориальное подобие...

Юрий Мамлеев: Большая разница. Греция стала другой, а Индия осталась той же страной, которой всегда была. В древнем Китае была высокая духовная цивилизация, но примерно тысячелетие назад пошла очень активная инволюция. Но это древние цивилизации, а Россия выступает как страна некой новой духовности.

РГ: Но при этом в вашей книге есть предложение пути спасения России, чтобы она вернулась на прежний духовный пик, а может быть и выше...

Юрий Мамлеев: Да, совершенно верно. Это в эпилоге книги. Там выдвигается концепция так называемой «Великой России». Великой прежде всего своей духовностью. И эта концепция дополняет метафизику «России вечной», потому что здесь уже речь идет о конкретной временной ситуации, в которую попала Россия, как в западню. Если удастся выйти из этой ситуации, то тогда может быть реализована идея «Великой России».

РГ: Одна из базисных идей этой концепции — повышение уровня образования. При этом у нас параллельно проходит реформа образования, которая, по всей видимости, приведет к снижению этого уровня.

Юрий Мамлеев: Это очевидно так, но ситуация быстро меняется в этом мире, мы даже не можем предположить, что будет через 5, 7, 8 лет.

Сейчас время ускоряется, могут произойти самые неожиданные перемены. XXI век только показывает свои когти. Но всегда можно найти какое-то противоядие. Допустим, Америка скупает ученых со всего мира, и пополняет ими свои университеты. Там очень много русских, потому что считается, что в сфере точных наук наиболее талантливы индусы и русские. Для нас это не выход, мы не можем приглашать ученых. Но здесь может быть выработано такое противоядие: есть школы для одаренных детей, и эта одаренность может проявиться даже в обычной школе, где для выявления талантливых детей проводятся конкурсы и олимпиады. То есть, к тем, кто получает платное образование, могут присоединиться таланты, которым должны быть открыты двери университетов, независимо от их материального положения. Было бы просто убийственно, если бы одаренным людям не давали возможности развить их талант и учиться дальше.

Но, вообще, эта реформа имеет чудовищный минус в плане гуманитарных наук, потому что технические науки делают из человека специалиста, а гуманитарные науки, особенно литература и история, создают личность. Если взять направленность только на точные науки, мы получим цивилизацию роботов, механических людей, у которых развита только одна сторона мышления. Сейчас России особенно нужно гуманитарное образование, знакомство с литературой и историей, потому что без этого человек не только не будет человеком в высоком смысле, но не сможет даже быть гражданином. Без литературы, русского языка, истории, религиозных воззрений произойдет духовное опустошение, которое нанесет страшный удар России, ибо русская история всегда держалась на мощных духовных началах. Если они исчезнут, это будет не просто другая страна, но она может стать добычей для других стран, других цивилизаций. Отсутствие гуманитарного образования может обернуться катастрофой для России.

РГ: Нужна ли высокая культура простому народу?

Юрий Мамлеев: Конечно, нужна. Социальный разрыв неизбежен, всегда культуру создавало меньшинство — образованная часть общества. И политику, и науку тоже делает меньшинство — это факт. И понимание искусства — тоже удел, в конце концов, меньшинства. Но народ должен иметь доступ к культуре, чтобы простой человек имел право выбора. Тем более, в России нет такого разделения между образованными и простыми людьми, потому что нас объединяет нечто более великое, чем образование. В простом народе могут появиться великие люди. Поэтому все общество должно иметь доступ к образованию, даже если большинству оно не нужно. ■

РОССИЯ. КЛЮЧИ К БУДУЩЕМУ

Россия находится сейчас в сложном положении. Впрочем, как и весь мир. Но прежде чем говорить о будущем, необходимо совершенно четко осознать, что если в России не будут решены в течение ближайших, скажем, 10 лет те глубоко насущные большие проблемы, которые, кстати, хорошо известны, то говорить о достойном, лишенном смертельных опасностей будущем будет трудно. Поэтому на современном руководстве страны лежит огромная, даже в чем-то небывалая ответственность за судьбу страны и ее народа. Тем более, в самом ближайшем времени могут возникнуть весьма неожиданные ситуации, последствия которых мало предсказуемы. Речь идет о мировой ситуации в целом, следовательно, прежде чем перейти к будущему, надо все-таки остановиться на этих насущных проблемах.

Сложно писать о том, о чем говорилось много раз, но все-таки... Устоять в этом довольно жутком современном мире Россия, фактически попавшая в ловушку в 90-е годы XX века, может лишь при следующих условиях.

1. Абсолютная обороноспособность и ее проекция в будущие времена. Без этого нечего и думать о существовании России вообще.
2. Продовольственная и лекарственная безопасность.
3. Научно-технологическое и экономическое развитие.
4. Высокий уровень образования.
5. Особо следует остановиться на демографической проблеме. Ясно, что необходимо добиться превышения рождаемости над смертностью. Но есть еще один важнейший момент.

Исторически доказано, что государство и страна могут стабильно существовать при следующих условиях:

- а) когда государствообразующий народ значительно превышает половину населения страны и находится в активном жизненном состоянии;
- б) когда другие народы, имея равные права, живут в эффективной гармонии с государствообразующим народом и принимают язык и культуру данной страны, сохраняя при этом право и на собственную культуру и язык. Но если государствообразующий народ находится в плачевном состоянии и его численность постоянно уменьшается и моральный дух падает — распад страны неизбежен, и центробежные силы сделают свое дело. Если же наоборот, другие народы данной страны чувствуют себя ущемленными, то национальные противоречия на этой почве проявятся, и конфликты той или иной степени неизбежны.

Дальнейшие комментарии, думаю, излишни.

Все перечисленные условия, от обороноспособности до решения демографической проблемы, образуют тот минимум, при котором возможно сохранение национальной безопасности страны и ее суверенитета. Последнее тоже исключительно важно, и никакого компромисса здесь быть не может. Сотрудничество всякого рода со всем миром, экономическое и политическое, вполне совместимо с сохранением суверенитета. Россия настолько самобытная страна, что потеря суверенитета, даже частичная, может иметь необратимые разрушительные последствия.

Исполнение вышеперечисленных условий, несомненно, поможет выйти из кризиса. Но есть одно обстоятельство, которое может свести на нет все усилия, направленные на реализацию этих условий. Это обстоятельство — моральный кризис в обществе. В 90-е годы СМИ много поработали, особенно на телевидении, чтобы вызвать этот кризис.

Исторически Россия всегда держалась на великой идее, на нравственных началах православной цивилизации, на отношении к человеку как образу и подобию Божию и не связывала достоинство человека с его, например, социальным успехом и т.д. В середине XIX века преступность в России, согласно документам, была на редкость низкой, двери в деревенских домах не запирались. Конечно, и тогда совершались преступления, но по человеческой слабости такое всегда неизбежно. Лишь с конца XIX века все стало меняться. Но даже после Октябрьской революции, в советский период, сохранялась общечеловеческая мораль, не-

смотря на политический деспотизм системы. Это был парадокс, но это так. Поэтому резкий переход в 90-е годы к разгулу и пропаганде дикого индивидуализма, даже не индивидуализма, а просто животного эгоизма, культ наживы практически любыми средствами, осмеяния любви к Родине, всех достойных человеческих чувств вообще нанес трудно поправимый удар по психическому состоянию народа, — настолько эта неистовая пропаганда была ошеломительной и бесчеловечной. Молодежи был нанесен огромный духовный ущерб. Свободой во имя истины и разума воспользовались немногие. Другие понимали свободу как свободу джунглей, ибо свобода бывает очень разной.

С начала XXI века шабаш стал утихать, ситуация менялась, но воздействие 90-х годов еще оставалось. Короче говоря, мы и сейчас во многом имеем то, что несовместимо с российской нравственной и духовной традицией и с человеческим миром вообще. Обычно эта ситуация оправдывалась необходимостью перехода к первоначальному капитализму с его принципами социального дарвинизма. Но, во-первых, этот процесс слишком затянулся; во-вторых, предпринимательство и стремление к выгоде не обязательно должны принимать (и не всегда принимают) такие дикие формы отчуждения человека от его собственной сущности — человеколюбия, любви к ближнему и других проявлений, без которых нормальное человеческое общество немислимо. Предпринимательство может и должно иметь моральный аспект, чтобы служить стране и людям. Подтверждение этому мы найдем, если обратимся к истории нашей страны и других стран. Невозможно строить общество по принципу абсолютного эгоизма. И это настолько противоречит русской традиции, что может вызвать и вызывает серьезный нравственный слом в обществе.

Правда, в последнее время многое делается для того, чтобы вытравить из сознания людей этот кошмар. Даже телевидение резко изменилось, но не до конца. Но здесь необходимо продолжить это очищение. Исключительно опасно то надругательство над патриотическим чувством, которое наблюдалось в 90-е годы. Это делалось под разными, обычно нелепыми предлогами. Исторической наукой доказано, что если у того или иного народа разрушается любовь к Родине, к своему народу, т.е., по существу, к себе, то такой народ, как правило, или ассимилируется, или просто завоевывается, захватывается тем или иным путем, и его государственность и суверенитет гибнут. Нельзя жить, испытывая неприязнь к самому себе. Но именно это — тщательно, про-

думанно и настойчиво, ссылаясь на необходимость «критики» (в сущности, это была не критика, а клевета и ложь по поводу нашей истории и культуры) пытались нам внушить в 90-е годы.

Разумеется, сейчас много сделано для восстановления естественного патриотизма, любви к Родине. Но патриотизм бывает всякий, бывает даже казенный, слишком официозный патриотизм. На самом деле, патриотизм, как всякая любовь, — это глубокое духовное чувство, оно может углубляться и становиться довольно сложным, многослойным, задающим самые глубины человеческого бытия и потому быть еще более мощным и определяющим. И, конечно, подлинный патриотизм никак не связан с негативизмом по отношению к другим народам. Но в случае внешней агрессии и т.п. он незаменим в борьбе за жизнь нации.

Надо отметить, что в России углублению и глубокому становлению этого чувства в высшей степени способствует прочтение русской классической литературы. Следует особо подчеркнуть, что углубление в русскую классику, в русскую культуру, особенно в смысле познания духовной сущности России, приводит к подлинному преображению сознания. Тогда в душе российского человека создается образ внутренней России, Россия становится частью его души. Следовательно, человек становится неотделимым от России, а его любовь к Родине приобретает глубочайший онтологический статус. Предназначение России становится его собственным предназначением (все это подробно изложено в одной из глав моей книги «Россия Вечная»). Я уже не говорю о том, что русская классика навеки прославила Россию во всем мире. Я сейчас имею в виду, что если, например, собрать воедино то, что содержится в русской классике (прозе и поэзии) относительно России, глубинного раскрытия ее сущности, ее образа, неисповедимой любви к ней — то мы получим более чем ошеломляющую картину, невиданную в мировой литературе. Это может служить источником духовно несокрушимой любви к Родине.

Между тем преподавание отечественной литературы в школе ведется, как и в советские времена, на чрезвычайно низком уровне, ибо изобилует штампами, ориентировкой на чисто внешние или социальные моменты, которые в настоящее время отнюдь не актуальны, и не выделяется самое ценное, а именно — человек во всей сложности и многослойности своей души. Не отделяется самое важное от второстепенного. Конечно, в школе трудно преподавать философские глубины русской литературы, но любовь к родине и понимание человека как духовного существа, а не как биоробота, там лежат на поверхности и открыты для школы.

Но гуманитарное образование в школе (литература и история) у нас сейчас оттеснено на задний план, и это большая ошибка. Точные науки делают спеца, а гуманитарные — человека. И поэтому какая-то степень религиозного образования в нашей стране с глубокой православной традицией тоже необходима. Тенденция современной цивилизации к превращению человека в некий вид биоробота, для России, с ее духовной традицией, которая как раз способствовала ее возвышению, совершенно неприемлема, как и для человечества в целом.

Следует отметить, что именно страны с мощным духовным потенциалом (и великой национальной идеей) выживали тысячелетиями и оставили неизгладимый след в истории. Весьма разительный пример — Китай, где наряду с чисто духовной трансцендентной традицией (даосизм, буддизм) существовала и мощнейшая национальная идеология в лице прежде всего конфуцианства, да и всей китайской культуры в целом.

Национальная идея, действительно, играет важнейшую роль. Она может носить религиозный, даже метафизический оттенок (как в великой Индии), может — чисто социальный. Она может и меняться на протяжении истории той или иной страны. В конце концов, ее может и не быть. Серьезнейшая проблема России состоит в том, что она по-настоящему живет только тогда, когда у нее есть великая идея. Не будем углубляться в прошлое, но ясно, что идея триединства (Бог, царь и Отечество) сыграла определяющую роль в дореволюционной России. Без нее невысказано было бы то укрепленное единство и мощь России на протяжении столетий ее существования.

Одной из самых таинственных черт русского самосознания является потребность великой идеи, всеохватывающей, национальной, отвечающей запросам даже самых глубоких тайников души и наполняющей жизнь человека высшим смыслом. Сейчас такой идеи нет. Ее отсутствие может парализовать до какой-то степени волю к сколько-нибудь значительному созиданию, породить апатию и равнодушие в обществе. До какого уровня безразличие может дойти, показал мне характерный случай, произошедший недавно в подъезде дома, где находится моя квартира в Москве. Я, возвращаясь с дачи, заметил одному жильцу, мужчине еще достаточно молодому, лет около 40, о том, что в подъезде нашем невыносимая грязь. Он пожал плечами и ответил: «Идеи нет». То есть, если нет какой-то большой, вдохновляющей идеи, то, оказывается, можно вообще ни на что не обращать внимания, в том числе, на «мелочи». Зачем? По его мнению, выходит, что если нет ничего великого в жизни, то зачем

напрягаться? Спрашивается, а как же «деньги», ведь «презренный металл» овладел всем миром? Но выясняется, что в России не совсем так. Есть и другие поразительные факты в этом отношении. Одно дело — просто обеспечить свою жизнь, другое дело — определить, вообще, зачем жизнь нужна, что в ней есть сверхценного. Конечно, религия отвечает на эти вопросы, но, к сожалению, в современном мире человек слишком погружен в стихию чисто материальных интересов, и общество потребления с его механизмами воздействия подогревает эти интересы до такой степени, словно кроме них ничего другого не существует.

...Тот несомненный факт, что российский человек всегда испытывает потребность в великой идее, доказывает, что Россия предназначена к какому-то великому будущему. Конечно, если это будущее не будет сорвано какими-то трагическими обстоятельствами. Апатия, недоверие к государству преодолевается, если присутствует национальная идея, охватывающая как верхи, так и низы общества, и тогда пробужденная народная энергия сможет идти в нужном направлении. Проблема состоит в том, что национальная идея не может быть создана искусственно, она должна вытекать из самых глубин народного самосознания, истории страны и ее духовной культуры. Наиболее мощным примером воздействия национальной идеи на формирование нации и государства является, конечно, история Поднебесной, сохранившей себя на протяжении тысячелетий.

К сожалению, современный мир лишен великих идей. Идея гармоничного идеального социального устройства полностью дискредитирована. Социализм провалился, а лозунг «умереть за капитализм» может насмешить даже идиота.

Что касается России, то единственное, что имеет шанс, единственное, от чего могут дрогнуть многие сердца — это чувство Родины. Но простой патриотизм, при всей его важности, не может стать национальной идеологией, для этого он должен превратиться в серьезное мировоззрение, охватывающее все главнейшие стороны человеческого бытия. Эта проблема обсуждается в моей книге «Россия Вечная».

Итак, мы описали современные трудности. Они чреватны большими опасностями не только для России, но и для всего мира в целом. Поэтому здесь от руководства страны требуется на международном уровне сочетание гибкости и твердости, высшая политическая мудрость, умение предугадывать неожиданные повороты событий на мировой арене, многовариантность реагирования на них, чтобы последний выбор был наилучшим.

Если России удастся решить все проблемы, главная из которых — сохранение здоровья нации и демографическая ситуация в целом, тогда можно говорить о будущем, в смысле создания проекта новой России, уже освобожденной от угроз и опасностей переходного периода. Мое видение этого проекта заключается в следующем. Назовем этот проект «Великая Россия». Главные характеристики, черты Великой России можно перечислить.

1. Россия становится мощным государством, ее суверенитет незыблем.
2. Ее мощь направлена только на защиту национальных интересов страны. Россия является неагрессивным, миролюбивым государством, заинтересованным в стабильности во всем мире.
3. Россия образует собственную уникальную самобытную цивилизацию (как Индия, Китай, западный мир).
4. Политически и социально Россия является демократической страной, развитой в промышленном, научном, технологическом отношении и т.д., соответствующем данному времени. Направленность — социально-ориентированное общество, в котором достойная жизнь обеспечивается каждому человеку. Ясно, что построение социально-ориентированного общества в его полном объеме требует больших затрат, сведения к минимуму социальной несправедливости, и поэтому оно возможно только после выхода России из переходного периода.
5. Особая роль отводится духовной составляющей. Она включает не только религию, национальную идею, но и духовное развитие человека в целом. Значение русской культуры в ее высоком выражении здесь неоценимо, об этом мной уже написано выше. Так же очевидно, что без сильной духовной составляющей страна не может называться великой, а перед лицом не истории, а Бога — это единственная ценность, которая интересует высшие силы. Относительно религии можно утверждать уже сейчас, что если введения религиозного воспитания в школе опасаются из-за того, что в России существует множество религиозных конфессий, то уже сейчас это преодолимо, если на первом этапе ввести общее религиозное образование (без акцента на той или иной религии), которое хотя бы даст общее представление о Боге, бессмертии души, невидимом мире, нравственности, что является основой всех религий. Но, конечно, это только первый этап в преодолении того невежества, которое осталось нам в наследство от атеистического

воспитания. Православие исповедует подавляющее большинство наших граждан, и хотя бы поэтому ему должен быть отдан приоритет. Я уже не говорю об исторических корнях...

6. Огромное значение в духовной составляющей имеет момент нравственный, касающийся отношений между людьми. Тот страшный разгул безнравственности, уголовщины, обмана и насилия, который существует сейчас в обществе, — совершенно подрывает нормальные отношения между людьми, подрывает доверие к власти и ведет к развязыванию самых худших черт и пороков в человеке. Человек не может жить в обществе, где человек человеку враг. Конечно, до этого не дошло, но удар по основам человеческого существования, а именно любви к человеку как к ближнему нанесен весьма серьезный. Такая ситуация, если она продлится достаточно долго, может значительно разрушить психическое здоровье людей, всего народа. Особенно тяжело такой мрак переживают женщины, а ведь они — источник жизни, продолжения ее. Алкоголизм в значительной мере тоже порожден такой ситуацией, не верием в саму жизнь, из-за постоянного надругательства над ней (наиболее зверские случаи тоже показываются по телевидению). Такая ситуация не может продолжаться бесконечно. Самое естественное человеческое чувство — это любовь, и если люди будут любить друг друга, уважать и видеть в другом человеке самого себя, то зло отпадает само по себе. Конечно, этого непросто достигнуть в современном мире, но надо, хотя бы в какой-то степени. Изначально наш народ отличался именно добротой, христианскими качествами — и это давало свои результаты. И сейчас в большинстве случаев, после всех сюрреалистических изгибов нашей истории народ остается в основе своей добрым, отзывчивым, чутким, но эти качества надо реализовывать до конца, в том числе, и силами СМИ. Важно, чтобы эти качества не угасали в огне хищничества и обмана. Я думаю, что в течение переходного периода это зло в значительной мере может быть преодолено. И в Великой России отношения между людьми будут иными: светлыми, радостными, чистыми, исполненными доброты, нежности, бережности; и общение между людьми, даже простая встреча, будет доставлять радость. Человек человеку должен приносить радость. Тогда жизнь будет другой, даже независимо от социальных условий. Это не утопия, потому что сочувствие, сострадание, доброта заложены

ны в природе человека. Но нужно воспитание, религиозное в том числе, чтобы все это проявлялось, а негативное в человеке хотя бы приглушалось. Любовь и мудрость — вот что должно лежать в основе человеческих отношений. В Великой России мудрость заключается в том, чтобы видеть в человеке великую духовную сущность, пусть далеко еще не совсем проявленную. Одним словом, мудрость здесь означает человекопознание.

7. Наконец, нельзя не остановиться на все более возрастающей в мире, по мере развития соответствующей технологии, возможности самоуничтожения человечества путем войн. Может наступить период (если он еще не наступил), когда необходимость «вечного мира», о котором писал еще Кант, станет просто жизненной необходимостью. Как никогда вопрос об абсолютном запрещении агрессии станет актуальным. Россия крайне заинтересована в таком запрещении не только по моральным соображениям, но и в том смысле, что это полностью соответствует ее национальным интересам (у нас есть все, что нужно для развития). Поэтому Россия в будущем может выступить как одна из главных инициаторов действительной реализации проекта «вечного мира», хотя, учитывая современную ситуацию, путь к этому тяжел и долгов.

В заключение хотелось бы обратить внимание на следующие обстоятельства, точнее, на нечто новое. Несомненно, поскольку все меняется, одна эпоха сменяет другую, будущее чревато огромными изменениями, которые могут достаточно глубоко и тотально изменить современные представления человека о самом себе, своем происхождении и о мире. Это, видимо, будет связано с целым комплексом причин разного характера — здесь и сфера исторического процесса, войны, природные катаклизмы, но и целый ряд глобальных открытий, которые приведут к разрушению прежних наивных, по существу, материалистических представлений. Эти открытия могут нести в себе определенную опасность, но они могут тотально изменить сознание человека, направленность его воли и действий (но в целом все это будет способствовать выходу человечества из тупика, в который оно зашло). К тому же духовная деградация не может продолжаться бесконечно.

Однако ко всем этим изменениям, которые могут носить неожиданный, даже парадоксальный характер, никак не укладывающийся в уме современного среднего человека, надо быть готовым. Но все эти

изменения в историческом процессе, открытия и т.д. — тема совершенно другой статьи.

Что касается непосредственно текущего времени, то Россия находится, конечно, в очень сложном положении (как и весь мир). Будем надеяться, что Россия, выходящая из стольких критических ситуаций, одержавшая столько блистательных и великих побед на кровавом поле человеческой истории, спасшая Европу от фашизма, найдет выход и из современной ситуации, — грозной и плохо поддающейся определению. Мы не можем погубить то, что оплачено кровью прежних поколений, породивших нас.

Россию действительно может ждать блистательное, необыкновенное будущее, в чем-то загадочное, несомненно, связанное с судьбой этого мира, но не только. Конечно, для этого необходимо задействовать все духовные и материальные силы, отстаивать национальный суверенитет, суверенную демократию. Надо учитывать определенные тенденции в мировой политике, направленные на разрушение национально-государственных суверенитетов, и противостоять им. Если Россия отдаст существенную часть своего суверенитета, она может погибнуть. И если Бог хранил нас, то именно потому, что мы хранили себя.

ПОСТСКРИПТУМ

А теперь несколько слов о другом будущем, весьма отдаленном от нас, скажем, на несколько столетий, но, может быть, и меньше.

В одном из замечательных рассказов Набокова говорится о человеке, который умолил своего друга открыть ему секрет мироздания, поскольку его друг хранил эту тайну, скрывая ее от людей. И тогда он раскрыл, нашептал герою рассказа про это. Выслушав, тот умер от удивления.

Боюсь, что если современному человеку удалось бы заглянуть в более или менее отдаленное будущее, то его постигла бы та же участь. ■

ВЕЛИКАЯ ДУХОВНАЯ РЕКА — РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Беседа Дмитрия Коледина с Юрием Мамлеевым

Дмитрий Коледин: Что значит имя Толстого для России?

Юрий Мамлеев: Имя Толстого неразрывно связано с тем прорывом, который совершила Россия, создав великую русскую литературу, классику XIX—XX веков, от Гоголя до Платонова. И этот прорыв был настолько необычен, что его многие французы, да и вообще на Западе называли «третьим чудом света» в культуре. Но Толстой и Достоевский занимают особое место даже в пределах русской литературы.

Толстой, во-первых, просто поражает как писатель. Недаром «Война и мир» считается, если можно так выразиться лучшим романом всех времён и народов; во всех рейтингах он остаётся на первом месте. Какая-то невероятная тайна хранится в мастерстве Толстого, в его описании реальности. Удивительно, например, то место, когда Толстой описывает младенца, которого хоронят. Младенец открыл ротик в гробу, и он лежит в гробу с открытым ротиком, как будто он хочет чего-то... вздохнуть, поймать какой-то последний вздох реальности... и — нет, рот застывший... крышка закрывается.

Это описано с такой силой... В описании таких простых элементов жизни Толстой достигает невероятного, то есть они становятся каким-то прорывом в бесконечность, прорывом в запредельное. Я уже не говорю об описании битвы при Аустерлице — это совершенное чудо. И поэтому, конечно, надо признать, что попытки потом воссоздать такой эпос, скажем, у Шолохова в «Тихом Доне»... «Тихий Дон» — замечательная книга, но в сравнении с Толстым это довольно бледная тень. Почему? Потому что по своему объёму и, главное, по мастерству и глубочайшему философскому проникновению в суть жизни Толстой стоит вне всяких сравнений, и такая литература появляется, ну я не знаю... Раз в тысяче-

летие. Как литература Толстого и Достоевского. Это такой же пример, как Гомер, Вергилий, Данте, Шекспир. В каждой стране люди такой мощи появляются один раз; на протяжении истории очень мало таких людей, таких сверхгениев. Поэтому ожидать повторения примера Толстого невозможно, он останется таким же, как сейчас, через пятьсот лет и больше. И то же самое можно сказать о Достоевском.

Одно из самых поразительных явлений в интерпретации истории у Толстого — это его учение о предопределении. Оно кажется многим таким... не то что наивным, но сужающим человеческую волю и как будто бы ведущим к фатализму. Но, если мы вчитаемся в эти гениальные строки «Войны и мира», то мы увидим, что предопределение у Толстого носит гораздо более глубокий характер, то есть оно в свой сценарий включает свободу воли. И предопределение стоит выше фатализма и выше свободы воли; оно включает свободу воли в свой сценарий и стоит как бы над миром. Это предопределение полностью в руках всемогущего Бога. И поэтому оно не может быть предсказано людям. Им остаётся свобода воли, но потом мы видим, что на самом деле сила случайности, сила того, что история движется именно таким образом, казалось бы, случайным образом, — в этом видно какое-то высшее предопределение. Вот, если так это можно выразить на человеческом языке: это предопределение не фатальное, а предопределение, которое находится где-то в глубинах Абсолюта, которое недоступно человеку, куда не проникнет ни один человеческий взгляд, и потому оно включает свободу воли. Это предопределение не ограничивает свободу воли, но и прошлое, и настоящее, и будущее предопределено, потому что для Бога нет времени. Если для Бога нет времени, каким образом не может быть всё предопределено? Если для Него будущее видно так же, как и настоящее. Для Бога нет будущего, поэтому для Него всё время, как пространство, оно видно — прошлое, настоящее и будущее. Поэтому, каким образом история не может быть предопределена? Когда для Бога нет будущего? У Бога одно только вечное настоящее, и будущее для Него как на ладони, оно предопределено Им Самим. Но для человека оно не предопределено. Он не знает его и действует, исходя из данной ему свободы воли. И это предопределение не футуристическое, оно носит мистический характер. И эта интерпретация Толстого гораздо выше понимания обычных литературоведов и так далее. И то же можно сказать и о его философии, которая абсолютно была не понятна в XIX веке и в XX даже. Хотя были попытки.

Что касается Достоевского, то это совершенно другой писатель, но он тоже именно такого же уровня и это тоже такой сверхгений, ко-

торый бывает раз в полтысячелетия. То, что в России в один век произошли такие два гения, это странно, потому что такого не бывало в истории одной и той же страны. Шекспир появлялся только однажды, Сервантес — только однажды, Данте — только однажды, Вергилий — только однажды, Гомер — только однажды. И я думаю, в течение какого-то времени в России ещё может появиться писатель такого уровня, как Толстой и Достоевский. И хотя это практически невозможно, но ведь недаром говорится, что Россия — это страна, где невозможное становится возможным. Вот что можно сказать о Толстом и Достоевском.

Дмитрий Коледин: В своём докладе «Толстой и Бог» вы говорили о том, что Толстой как-то интуитивно подошёл к Веданте...

Юрий Мамлеев: Да, в этой работе, «Толстой и Бог», я как бы расшифровал философские записи Толстого. Они не раз расшифровывались, но почему-то обычно приобретали интерпретацию сугубо буддийскую, но я показал на примере, что это был прорыв к гораздо более глубинной философии, а именно к адвайта-веданте, которая была признана потом, когда Индия открылась человечеству в XX веке, и Веданта была признана вершиной человеческой философской мысли, условно говоря, потому что здесь, конечно, действуют и откровения.

Но как он это сделал — это удивительно. Конечно, он только приблизился к этому, так как в Индии за этим стояла практика тысячелетий. Но это был уникальный прорыв, потому что нигде — ни в Европе, ни в России — такого и близко не было.

Наследие Толстого ещё нуждается в более правильном прочтении — как его философские работы и высказывания, так и литературные произведения. Толстой заблуждался в некоторых моментах, особенно относительно религии, но эти заблуждения были связаны с тем, что он шёл другим путём, чем идёт религиозное сознание — он пытался не верить, а знать. Поэтому он шёл совершенно другим путём, и, когда он анализировал религиозное сознание, он терялся, у него метод был другой, он хотел другого, он хотел знать, а не верить. Последние слова умирающего Толстого были: «Я люблю истину». Что это значит? Это значит слишком много, когда это вырывается из уст умирающего человека. Какую истину? Абсолютную истину? Если Истина с большой буквы, она может претендовать быть абсолютной истиной. Но абсолютной истины никто никому ещё не открывал. Бог человеку

даже близко её не открывал, он открыл только путь к спасению его души, но это ничтожная доля истины по сравнению со всей абсолютной Истиной, которая лежит в недрах Абсолюта и которая касается вселенной, будущей и прошлой, и самой природы Бога и Его Тайны. Как говорил великий индус Нисаргадатта, на самом деле Абсолютная Реальность — это глубинная, тёмная тайна, прикрытая тайной. Так что здесь истина познаётся только в каких-то парадоксах, но Толстой стремился именно к этому, и его метод, его подход был другим. Поэтому он чувствовал себя как бы не в своей тарелке.

Дмитрий Коледин: В вашей книге «Россия Вечная» Достоевскому посвящено достаточно много. Одна из «концентр» России Вечной — это русская культура и, в частности, проза.

Юрий Мамлеев: Да там речь идёт и о прозе, и о поэзии... И там конечно, Достоевскому уделено большое место, но... Здесь такой переход... Достоевский совершенно другой писатель, чем Толстой, хотя под конец жизни Толстой непрерывно читал «Братьев Карамазовых».

О Достоевском, конечно, нужно сказать очень много глубинного и нового даже, но я хотел бы тут в связи с «Россией Вечной» остановиться на другом. О Достоевском всё же я скажу, что, конечно, он был такой... первооткрыватель человеческих глубин. Он до такой степени обнажил человека, что дальше уже идти некуда. Он вскрыл его абсолютные бездны, и он как бы провёл бесконечную вертикаль, которая идёт как в небо, так и в ад. То есть он сделал что: эта вертикаль, которая проходит через человека, она идёт и в небо, и в ад, в самые глубины, низко-низко туда опускается. Обычно ведь говорят, что человек, смысл его бытия, в том, что он соединяет землю и небо. Он земное существо и вместе с тем небесное. А Достоевский перевернул совершенно человечество — он сделал человека соединяющим небо и ад. Он, на мой взгляд, показал, что ад содержится глубоко внутри человека, и он не только заявил об этом, он раскрыл это реально. Он раскрыл возможность бесконечно-го бунта человека. «Записки из подполья» в этом отношении совершенно гениальная книга. Она предвосхитила всю западную литературу первой половины XX века.

Но его влияние на мировую литературу было таким, что воспринимали только отдельные стороны Достоевского, отдельные линии Достоевского. И получалась полная односторонность, как в случае Кафки, который обнажил только безысходность человека. У Достоевского никакой безысходности нет, он несоизмеримо шире и глубже, чем Кафка. А у по-

следнего взята только одна сторона однобокой безысходности. И так почти у всех западных авторов.

Влияние Достоевского на мировую литературу очень сильное. Было и есть. И, несмотря на то, что «Война и мир» считается романом №1, Достоевский по всем вопросам считается писателем №1. Его больше всех читают из классиков, и о нём написано больше всего книг, кроме Шекспира. Последний в отношении литературы о нём занимает первое место. Но Шекспир — это драматург.

В заключение можно сказать, что Достоевский и Толстой — это как бы два противоположных брата, которые создали это мистическое всемогущество русской литературы.

Теперь я хочу сказать о таком важном моменте, потому что если мы переходим к «России Вечной», одним из проявлений которой является великая русская литература, русская культура, русская душа, и русский дух в целом, то это неизбежно и очень сильно выражается в поэзии. И, кстати, проявилось не только в поэзии XIX века, но и Серебряного века и вообще первой половины XX столетия. Поэзия того времени, наряду с испанской, считается величайшей поэзией в мире. И если мы возьмём XX век русской поэзии, то здесь, конечно, царствуют Блок и Есенин и в какой-то мере Маяковский и Цветаева. Вот четыре гения, которые главенствовали над русской поэзией XX века, но, кроме того, можно перечислить ещё до пятнадцати больших поэтов, огромного таланта, начиная от Заболоцкого и Хлебникова и далее, которые образуют целый ряд великих талантов. Но эти, те, что я перечислил, особенно Блок и Есенин, частично Маяковский и Цветаева, образуют этот «верхний пик». Особенно, конечно, Блок и Есенин. Почему?

Во-первых, здесь что интересно, если, например, подходить к Блоку: о нём недаром говорится, что это русский Данте, потому что он воплотил в себе то же, что и Данте, но в обратном порядке: сначала Рай в стихах «О прекрасной даме», о «русской Беатриче», которая ведёт его если не к Божеству, то, по крайней мере, к небу, и ад. Адом для него был — страшный мир, надвигающийся XX век. Это выражено у него, действительно, в трагических дантовских чертах; это ад не загробного мира, а ад, переселившийся на землю.

Кроме того, Блок, как и полагается великому русскому поэту, был пророком. О его пророчествах я сейчас не буду говорить, они известны, начиная с поэмы «Возмездие», в которой было предсказано всё, что будет в XX веке, и в то время как все были просто очарованы расцветом

прогресса в начале XX века и так далее, и так далее. Но наряду с высочайшей поэзией, достойной Данте, Блок был глубоко русский поэт — настолько русский, что немного можно найти аналогов. И его понимание России изложено у меня в «России Вечной», я не буду повторять об этом, оно необычайно глубинно. Мне хочется только напомнить, что у него есть одно стихотворение; не помню его наизусть, которое начинается так:

Грешить бесстыдно, беспробудно,
Счёт потерять ночам и дням.
И с головой, от хмеля трудной,
Пройти сторонкой в Божий храм.

Кто там описывается? Купец, русский мужик. Потом он целует клад, потом толкает пса голодного от двери, потом творит ещё что-то непотребное и, в конце концов, приходит, пьёт перед иконами чай и заваливается спать. И Блок кончает так:

Да и такой, моя Россия
Ты всех краёв дороже мне.

Вот он описал даже какой-то полураспад, и вместе с тем даже в полураспаде он видит такие черты в подтексте этого, что даже этот русский полураспад ему дороже всего остального мира. Вот насколько Блок любил Россию, насколько глубоко в неё проникал. Это уникальное стихотворение, оно часто потом приводилось в годы войны 1914 года.

Поэму «Двенадцать» тоже нужно ещё расшифровать; я ей посвящал некоторые строки. Дело в том, что вот этот момент, когда Христос идёт где-то там; над миром шествуют красноармейцы, и Христос тоже где-то там, над ними, но, не касаясь этого мира, «над вьюгой, невредим». Во-первых, это совершенно гениальная поэма, лучшая поэма в русской литературе XX века, это совершенно очевидно. И там гениально передан безумный вихрь русской революции, когда не марксизм торжествовал, а торжествовала большевистская стихия. Ещё мужики говорили: «Мы большевики, а не коммунисты». Это была такая анархия, желание снести весь старый мир, вообще снести до конца, абсолютно.

Почему так получилось? Это вот такие негативы русской крайности. Дело в том, что Первая мировая война, развязанная мировой буржуазией, осатаневшей от жажды наживы и господства одних над

другими и развязавшей эту кровавую бойню, которая стояла десятков миллионов жизней, привела народы мира к революциям или на грань революции. А русский народ вообще, как и другие, впрочем, не был подготовлен к такой чудовищной бойне, её не было в таких масштабах раньше... Такая война, которая велась гнусными, в общем-то, методами. И она была предтечей всего двадцатого века и всех войн последующих...

Эта война, конечно, привела народ в совершенное безумие. Монархия ещё держалась бы, и победила бы Россия, если бы Николай II не отрёкся от престола. Ещё последняя ниточка, божественная ниточка, которую Николай II позорно не мог удержать... Когда она оборвалась, рухнуло всё. Народ просто обезумел, потому что невозможно было терпеть такое. И вот эта крайность, этот хаос, этот «чёрный снег», «чёрный ветер»... ощущение чёрного ветра, который несётся по всему миру, по всему Петербургу, у Блока передано с совершенно потрясающей силой. «Чёрный ветер, на ногах не стоит человек. Ветер, ветер на всём Божьем свете». То есть это ветер, который сметал всё не только в России, но и во всём мире. Рухнула Австрийская империя — полностью, Османская империя, в Германии — революция; всё, весь старый мир рухнул. И Российская империя тоже. И вот этот знаменитый припев:

Мы на горе всем буржуям
Мировой пожар раздуем,
Мировой пожар в крови —
Господи, благослови!

Вообще, «Двенадцать» — очень актуальная поэма, если погрузиться в неё глубже. И единственный момент — конец, который ввёл в полное недоумение все стороны: монархисты, приверженцы реальной, исторической России, были возмущены, что Христос чуть ли не на стороне красных, красные отбрыкивались, во всех газетах вещали, что «мы против религии». Вот, получилась такая странная символика, но Блок сам не объяснял это, он говорил, что он так почувствовал и, вопреки своей воле, написал. Писатель или поэт часто пишет вопреки своей воле — он видит нечто и пишет. Но можно понять это всё-таки так, что в конечном итоге Христос стоит над историей и Христос в этом отношении побеждает. Он не на той стороне и не на этой, он «над вьюгой» и он «невредим» от этой стихии. И в конце концов что получилось-то: что не удалось разрушить Христову веру, не удалось разрушить православие, оно опять выш-

ло на свободу после стольких лет красного террора. И такой мистический конец, конечно, до сих пор стоит под знаком вопроса.

Теперь о Есенине и его гениальности. Если Блок — последний поэт великой русской дворянской интеллигенции и вместе с тем России как таковой, потому что дворянство тоже представляло Россию — оно своей кровью выиграло Отечественную войну 1812 года, вошло в Париж. И вот Блок завершил это великое сословие, которое оплачивало свои привилегии кровью и служило России, Отечеству в первых рядах армии, а не пряталось и не откупалось деньгами.

А Есенин представлял великое русское крестьянство, которое ещё было до создания дворянского сословия и русской интеллигенции как таковой — древнее, дремучее и уходящее в какие-то бездонные века. Может быть, дохристианские, может быть, даже доязыческие. И вот эту невероятную многотысячелетнюю историю, её глубины выразил Есенин, когда он писал: «Мир таинственный, мир мой древний». Вот этот «мир таинственный, мир мой древний», мир деревни не как просто деревни, а как некоей мистической реальности, мистической России, народной России в мистическом смысле этого слова, Есенин выразил с такой гениальной силой и неповторимо, потому что если Блока ещё можно как-то «повторить», «повторить» не так, как Блока, а отдалённым эхом, то Есенина невозможно повторить, какие бы там не появлялись Рубцовы — это повторить невозможно абсолютно. Потому что та Россия переместилась в наши души и приняла другую форму. Деревня исчезла, но эта мистическая Россия перенеслась в наши души.

Я об этом писал, но тут надо ещё добавить... Евгений Головин прекрасно написал о том, что Есенин владел, один из немногих (Блок — тоже, но у Есенина это было даже в большей степени), магическим воздействием. Что такое магическое воздействие в искусстве, в поэзии? Это, конечно, не магия в обычном смысле этого слова, но магическое воздействие, условно говоря, необъяснимо. То есть это воздействие помимо ratio, помимо эмоций, помимо даже смысла этой поэзии. Но ко всему этому добавляется нечто, что делает эту поэзию совершенно неотразимой — она входит в тебя помимо воли, становится частью тебя, то есть это как бы магия, как если в магическом акте ты можешь вызвать какого-то духа, допустим, если вспомнить «Фауста» Гёте.

Магия есенинской поэзии в том, что она вызывает образ древней России, «мир таинственный, мир мой древний», религию русской природы, которая отражает русскую душу. Он вызывает это магической силой своего искусства, и оно входит в тебя, становится частью тебя. То есть он

воссоздал древнюю Россию, воссоздал дух русской природы, и он входит в тебя и становится твоей частью.

И это, конечно, невозможно повторить, но Головин подчёркивал, что Есенин изумительно владел русским языком, и объяснить это невозможно — это же не какое-то механическое стихосложение, это магия, которой владели Иванов, Заболоцкий и некоторые другие поэты, но не в такой степени, как Есенин. И при всём моём уважении к раннему Маяковскому, к его трагической фигуре, и к Цветаевой, которая, без сомнения, великий поэт, всё-таки Блок и Есенин — это высшая концентрация, они стоят вверху всей русской поэзии XX века, хотя я также обожаю и поэзию Хлебникова, и мужество Гумилёва, и мученичество Мандельштама, и женственность Ахматовой, и великий сюрреализм Заболоцкого и Введенского, и многих ещё можно перечислить — это целая сокровищница.

Но эти двое — это действительно неповторимое чудо, и почему это связано с «Россией Вечной»... Россия Вечная отражается во всей русской литературе, в той или иной степени — и в Толстом, и в Достоевском, и в Гоголе, и в Чехове, и в поэзии Тютчева особенно, у него есть строчки, которые я часто использую и которые носят философский характер:

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать —
В Россию можно только верить.

Это короткие, простые стихи, но они включают в себя весь мир. Это выше, чем сотня философских трактатов. Вот почему мы придаём русской литературе такое значение — как манифестации русского духа, потому что она содержит не просто литературу, но и философию. Недаром мировая философия насчитывает целые тома — Платон, Аристотель, Кант, Гегель и т.д. Россия представлена двумя философами: Толстым и Достоевским. И оба они писатели. Толстой, правда, писал философские вещи, а Достоевский вообще не писал, но в его литературе содержится целая философия.

Кстати, в Ясной Поляне, когда говорили о Толстом, выступил один французский писатель, и он сказал примерно следующее: «Вот, вы, мол, всё время подчёркиваете, что Толстой и Достоевский — это русская литература, но вы забываете о том, что русская классика уже давно принадлежит всему миру, и что Толстой и Достоевский и вообще вся русская

классика — это мировые писатели, они принадлежат не только вам, но и всему миру. Они столь же близки Японии и Европе, как и русским... Ну, конечно, не до такой степени, как вам... Но всё равно, это как Вергилий, Гомер или Евклид принадлежат всему миру, их на высоком уровне читают все, хотя уже и Древняя Греция, и Рим исчезли как государства, и никто не помнит их правителей, ну, кроме самых известных. Эти государства ушли в небытие. А это остаётся через века».

Так что вот такое великое создание сотворила Россия, и наша задача продолжить это сокровище, чтобы оно не затихло. Потому что вторая половина XX века — это явное снижение во всех смыслах. И на Западе. Это уже не сравнить — западную литературу начала XX века, скажем, даже 60-х годов; это такое падение вниз, просто ниже уровня моего восприятия. И это, в общем, охватило весь мир. Тем не менее, несмотря на это, внезапные гениальные прорывы есть и могут быть. И наша задача продолжить русскую классику на абсолютно новом уровне, в новой ситуации антропологической катастрофы.

Платонов, Булгаков, Ахматова — это же всё люди, родившиеся в исторической, настоящей, подлинной России, они же дети настоящей, той России, дореволюционной, тысячелетней. А в советское время только проявился их талант; они не родились в советское время, их нельзя назвать советскими людьми, это смешно. Они воспитывались и жили в той великой и духовной России, которая была до революции, а революция и всё последующее — это всё довольно искусственные явления, в конце концов.

Мы ещё должны прийти — хотя коммунистического режима не существует, постепенно страна стала свободной, мы можем свободно ходить в церковь — мы должны прийти к настоящей, подлинной России — и как писатели, и как любители литературы, все вместе, и читатели, и писатели должны прийти к той великой духовной реке, которая называется русской литературой. ■

РОССИЯ ЖИВА ВОПРЕКИ ВСЕМУ...

*Беседа с Валерием Инюшиным,
«Полярная звезда», 2011*

Валерий Инюшин: Юрий Витальевич, хотелось бы начать нашу беседу с обсуждения вашей статьи «Россия. Ключи к будущему». На ваш взгляд, как нашей стране подобрать эти самые ключи?

Юрий Мамлеев: Что я хотел бы особо подчеркнуть в этой статье? Если мы выпутаемся из западни, в которую мы угодили в общественном, геополитическом и нравственном отношении, сможем найти свободное развитие России, как того хотят русские души, все, кто с нами связан, все братские народы, то пункт номер один, конечно, — это суверенитет и независимость. Без этого вообще никакого будущего не будет, мы превратимся в колонию. Не будем обсуждать то, что очевидно. Россия образует собственную российскую цивилизацию, абсолютно равноправную в этом мире, как китайская, индийская, мусульманская и западная цивилизации. Это особенная цивилизация, хотя и имеющая связь и с Европой, и с Востоком, но не являющаяся ни Западом, ни Востоком.

Второй важный пункт касается важности необыкновенной духовной составляющей России. То есть Россия должна быть не только мощной в экономическом и военном отношении, но она должна быть, прежде всего, сильной в духовном плане. Потому что это естественное состояние России. Всегда мы страдали духовной жаждой. Вот эти гениальные строки тютчевского «Умом Россию не понять» всё и определяют. И вообще, вся русская поэзия, вся русская литература и жизнь русского народа определяют, насколько важно для России быть духовно великой страной. И в культурном отношении, и в религиозном, и в метафизическом, и в философском. Духовное величие — именно это являлось и будет являться главной защитой России.

Третий пункт. Там говорится, что Россия должна быть социальным государством. Что не нужен никакой разрыв между богатыми и бедными и так далее. Но это всё понятно. Менее тривиален пункт, который выделяется из всего этого, — то, что никакая социальная система сама по себе не несёт счастья людям. Потому что ошибка и марксистов, и либералов (особенно марксистов) в том, что они считали, что введение некой идеальной системы, где нет эксплуатации и так далее, станет автоматическим решением вообще проблем человека и чуть ли не проблемы смерти, как писали во время революции. Но это просто анекдот, это нельзя даже рассматривать серьёзно. Но коммунистический выход был гораздо сильнее, несравнимо сильнее, потому что там всё-таки сохранилась мощная идея, и она завоевала полмира, но ошибка Маркса и Ленина состояла в том, что построение идеального общества изменит природу человека.

Случилось всё наоборот: природа человека победила любое, самое идеальное социальное устройство. Маркс вообще «позаимствовал» свою теорию у Бальзака, в чём он признавался. Критика капитализма в «Человеческой комедии» была развёрнута не хуже, чем у Маркса, и он просто переложил её на экономический язык. Дело не в этом. Всё это было правильно, но выводы были совершенно ошибочны. Ничего в природе человека не изменилось. Природа человека есть арена борьбы добра со злом, как писал Фёдор Михайлович, и ничего не изменилось. И даже Маяковский подметил это в своих последних поэмах. То есть социальная структура не меняет человека. Не зря американцы издевались над скандинавами. Мол, те создали вроде бы идеальный такой социализм, всё поровну, никаких разрывов между богатыми и бедными, всё в порядке — но количество самоубийств превышает уровень любой другой развитой страны.

Конечно, общественное устройство должно быть нормальным, социальным, но самое важное — это преображение человека и преображение отношений. Это целая философия, целая тема.

Валерий Инюшин: Юрий Витальевич, расскажите, пожалуйста, о ваших планах, касающихся темы метафизического образа России.

Юрий Мамлеев: Предполагается переиздание «России Вечной» как России духа, России космологической. Согласно традиции Веданты, наш мир — только жалкая точка, окружённая другими мирами, но проекция того, что происходит здесь, может происходить и там. То есть если ка-

какая-то страна, какой-то человек выводит себя настолько глубоко, то духовное начало не может пропасть. Оно будет проецироваться в другие миры. Россия Вечная — это концентрация космологического развития, не только нашего. Но это другой вопрос.

Валерий Инюшин: Вы ближе к кому: к Вернадскому с его ноосферой или к «Розе Мира» Даниила Андреева?

Юрий Мамлеев: Ни к тому и ни к другому, потому что эта концепция основана на моей основной работе «Судьба бытия». Она переведена частично на английский язык, и сейчас готовится французский перевод. Французы считают, что это полный переворот в мировой философии, но в этой сфере всё происходит очень тихой сапой. Какой-нибудь Платон что-нибудь напишет — потом это издаётся через столетия. Философия действует иначе, она не литература, она меняет сознание людей, а менять сознание людей — это процесс столетий. Это не то, как воздействовала политика и даже литература. Это немножко другое. В этой работе «Великая Россия» признаётся наше жуткое положение, а также делаются предположения о том, как из него выйти. Однако мы не обладаем всей полнотой информации, мы не знаем, что на самом деле происходит вокруг, потому что действительно важной информацией владеют только те, кто отвечает за государство, то есть небольшой круг людей во всём мире. И они знают истинное положение. Как можно говорить, предлагать какие-то меры, когда мы не знаем истинное положение вещей?

Поэтому там я излагаю, что огромная ответственность лежит на тех, кто правит. Они отвечают за судьбу миллионов. Есть многие абсурдные вещи, которые народ рассматривает как нелепость, но мы же не знаем истоки этих вещей, чем они продиктованы: или давлением Америки или ещё чем-то; обстоятельства закрыты. Поэтому выход из той западни, в какую попала Россия, не может быть предложен каким-то посторонним человеком — это дело тех, кто владеет информацией, выйти из этой ситуации. Но если есть выход из этой западни, то, с моей точки зрения, то, что я предлагаю в статье «Россия. Ключи к будущему», является лучшим вариантом именно для нашей страны. Не то чтобы это какая-то идеализация, но если России удастся избавиться от этого чудовищного давления, то это будет соответствовать идее Вечной России, потому что эта Россия — как бы один из вариантов вечного Логоса, идеи, которая зародилась в самом Абсолюте.

Валерий Инюшин: Юрий Витальевич, мне кажется, что всегда интересно выходить на какие-то общие вещи через детали, особенно в беседе, и если начинаешь поднимать какие-то глобальные темы, то вроде как косвенно отвечаешь на все вопросы сразу и думаешь — а зачем мне обсуждать частности? Я много рассуждал над тем, как может выжить Российское государство и Российская цивилизация. И сейчас всё больше прихожу к выводу, который, безусловно, очень серьёзно противоречит тому, что написано у вас в статье, и тому, что пытаются сейчас отстаивать в хорошем смысле евразийцы и безусловные государственники.

Я не совсем согласен с вашей концепцией о том, что человек не имеет информации. В современном мире информация стала очень сильно инфильтроваться через разные средства коммуникации. Плюс качество элит очень серьёзно снизилось, поэтому и качество управления миром снизилось и поэтому учёный, исследователь, аналитик, человек интересующийся, может узнать много чего такого, что доступно, в том числе и правителям. И поэтому, изучая огромное количество экономической, статистической, демографической, философской, религиозной, литературной, политической и другой информации, я всё больше и больше склоняюсь к тому, что Российское государство в его современном виде стало главным врагом русского народа, и весь ужас ситуации состоит в том, что дальнейшая идея отстаивания суверенитета любой ценой, на мой взгляд, может привести к самому страшному — исчезновению самого русского народа. Что вы по этому поводу думаете?

Юрий Мамлеев: Знаете что, тут пути Господни неисповедимы. Моя концепция исходит из того, что девяностые годы были годы невиданной глобальной катастрофы для России, с чем, по-моему, практически все согласны (одни втайне, другие явно — тут уж нечего говорить), но я считаю, что после прихода Путина в начале века ситуация изменилась и были сделаны какие-то кардинальные шаги. Однако эти кардинальные шаги не могли изменить систему в целом, систему 90-х годов, и угрозы безопасности России остались. Остались не те, которые были в девяностых, не такие страшные, но они остались, кроме того, добавилось ещё международное давление не только со стороны Запада, но и постсоветского пространства и ряда развивающихся стран и мировой кризис.

Поэтому, конечно, я признаю, что ситуация России очень тяжёлая. Что я могу ответить на этот вопрос? Во-первых, мне не понятно, почему отстаивание суверенитета России может нанести удар по русскому народу.

Валерий Инюшин: Объясню. Дело в том, что государство в лице его представителей, а именно чиновников, выродилось в абсолютно отвратительную касту, которая воспроизводится на культурном, генетическом и экономическом уровнях. И они живут за счёт нас с вами, то есть они сосут нашу кровь вампирски, энергетически, в любом смысле слова, настолько сильно, что государство препятствует тому тезису, о котором вы здесь пишете, «чтобы рождаемость русских начала наконец серьёзно превышать смертность». Русский человек в этой системе координат, в этом хищническом, взяточническом, коррумпированном государстве чувствует себя настолько незащищённым. Плюс он потерял так называемые механизмы коллективной солидарности — то, как поддерживают себя другие этносы в виде землячеств и так далее. Потеряв поддержку государства и эти механизмы, мы начинаем деградировать не только экономически, культурно, демографически, но и биологически. И я довольно просто могу представить себе следующую ситуацию: Россия как государство формально есть, а русских культурно, этнически, языково в ней нет. Будет ли это тогда Россия? Мне вот, например, такая Россия не очень нужна, честно говоря.

Юрий Мамлеев: Я же пишу и об этом. Разумеется, если русский народ даже не исчезнет, а будет в каком-то отдалённом меньшинстве, то это будет уже не Россия. Это совершенно ясно. Наше государство держится, в общем-то, на русском народе, на русской культуре и на душе русского народа, на его мировоззрении, на религии, на православии и так далее. Всё ясно. Поэтому, конечно, обратите внимание, в этой статье отмечается, что если демографическая ситуация будет развиваться в таком направлении, то русский народ останется, но в отдалённом меньшинстве. И это будет катастрофа для России, фактически это грозит просто распадом страны. По разным причинам. Тут могут быть многочисленные варианты, но ясно, что это грозит просто гибелью России, в том смысле, в каком она сейчас существует.

И поэтому обратите внимание, что в этой статье я написал, что демографический момент и здоровье народа в целом является главной проблемой страны. То есть я отвечаю на этот вопрос тем, что я согласен с такой угрозой.

Также в этой статье изложены опасности того, что если слишком давить на национальные меньшинства, тоже ничего хорошего не будет, но если давить на государствообразующий народ, то любое историческое исследование падений и существований государств покажет, что та-

кое государство обречено на гибель. Если государствообразующий народ окажется в угнетённом состоянии, в меньшинстве и так далее. Это подчёркнуто в статье. И кроме того, подчёркнуто, что главной проблемой всё-таки является демографическая. Не только в узком демографо-экономическом смысле увеличения количества населения, но и в плане этнокультурного формата. То есть в контексте сохранения пропорций Россия должна оставаться в основном русским государством, включая другие братские народы, каким она и всегда была, и Российская Империя в том числе. Ясно, что основной народ был русский, но, кроме того, были и братские народы, и царское правительство принимало присягу и от шаманов — от народов, которые были совершенно далеки от православия, хотя государство считалось православным всё-таки, по религии русского народа. И даже Иван Грозный настоятельно рекомендовал Ермаку не обращать инородцев в православие насильно. То есть эта политика являла собой прямую противоположность католической. Терпимость православия, в общем, и сохранила Российскую империю и советский Союз потом. Сохранила русский народ и братские народы вокруг. Это общий принцип, которого не избежать. Или же мы просто должны отделиться от всех окраин, но это тоже грозит огромными неприятностями. Важно избрать именно такой глубокий путь, именно срединный, можно сказать, но самый трудный. При сохранении русских как государствообразующего народа, русского языка, русской культуры. И одновременно нужно сохранить наши братские отношения с другими народами.

Кроме этого я хотел бы ещё обратить внимание на значение русского языка. Русским языком, который является нашим государственным языком, должен владеть каждый народ, каждый человек в России. Этот язык является языком величайшей культуры в мире, по крайней мере, величайшей литературы. И на что я ещё хотел бы обратить внимание.

Был такой момент в истории Соединённых Штатов: когда шла война с Англией, и Штаты отделялись от английского владычества, было предложено сделать государственным языком Соединённых Штатов немецкий язык. Как язык, противостоящий английскому. Тем более там много было голландцев, и немцев было порядочно. И если бы это было принято, совершенно очевидно, что мировая история развивалась бы по совершенно иному пути. Представьте себе немецкий языком Соединённых Штатов. Что это значит? Это означает, что немецкое население будет у власти, это означает, что немецкая культура будет господствующей культурой, и что ориентация будет не на Англию, а на Германию. Это совершенно очевидно. Вот

как язык — не экономика, а язык — может определить всё. И тогда мировая история, если бы немецкий язык стал государствообразующим, главным языком Соединённых Штатов, вся мировая история пошла бы иным путём. И, не знаю, лучше было бы или хуже, может быть, даже хуже, потому что такой союз Германии и Соединённых Штатов — это мало не покажется.

Но факт есть факт, язык — один из главнейших моментов не только человеческого существования как такового, но и политики в том числе. Поэтому именно пропаганда великой русской культуры и русского языка в недрах русского народа и других братских народов — одна из основных задач. Но, конечно, самое главное в этой ситуации — это демографическая проблема. Должен быть физический носитель этого языка.

Валерий Инюшин: Юрий Витальевич, как раз хочу вернуться и, может быть, попытаться развернуть вашу мысль в следующем русле. То, что вы говорите, — это, безусловно, вещи понятные и приемлемые. Но ужас существующей ситуации заключается не только в этнокультурном и демографическом аспектах. Ещё раз поясню свою предыдущую мысль: мне иногда кажется, причём как человеку, который анализирует ситуацию, что сейчас самым актуальным стал вопрос о власти. Запас исторического времени у нас очень мал, поэтому если государство в форме той гнилой чиновничьей олигархии, которая сейчас существует, сохранится, то, может быть, это будет страшнее, чем развал государства на его отдельные составляющие, как это было после 1917 года. Тогда хотя бы молодая, пассионарная сила в лице тех же большевиков, в которой были не только русофобские элементы, но и вполне русофильские в лице белогвардейских и царских офицеров и ряда сторонников Сталина, смогли восстановить государство. В противоположность ей царская элита начала XX века стала мешать развитию самого государства. Поэтому в текущей ситуации, мне кажется, мы имеем дело с ещё более ужасной конструкцией: наша элита мешает существованию самого русского народа. Если её не поменять, мы с вами исчезнем.

Значит, можно задаться таким вопросом: стоит ли формально пожертвовать государством на время для того, чтобы выжил носитель, о котором мы с вами говорили. Вернёмся к наиболее типичному случаю, а именно — к случаю из библейской истории. Ведь фактически разрушение Израиля во многом помогло становлению евреев как этноса, потому что они находились в точно такой же ужасной ситуации, с жуткой коррупцией, с жутко профанировавшейся религией, с генетическим вырождением и так далее, но

разрушение израильского государства позволило народу на основе реинкарнации фундаментальных ценностей сохраниться как носителю.

И я опасаясь следующего: чем дальше будет сохраняться Россия (или, вернее, Российская Федерация) как государство, но при этой элите, тем нас с вами будет становиться всё меньше. И поэтому вариантов, как мне кажется, только два: либо это упразднение существующей элиты и создание новой, либо это временный демонтаж государства и отчасти, как этого сейчас требуют многие русские люди, отказ от некоторых окраин, которые представляют этнокультурную, демографическую и экономическую угрозу. Поэтому вопрос здесь можно поставить таким образом — для вас, Юрий Витальевич, что важнее: сохранение русского народа как того же носителя культуры и языка и возможность духовной проекции в сферу вечного при некоем формальном демонтаже государства, чтобы потом опять всё собрать, или вы считаете, что форма должна пока превалировать над содержанием. Или, как третий вариант, в связи с мировой «катастрофой», в которой мы находимся, Россия вместе со всеми остальными (США, Европейским Союзом, Китаем и так далее) получит другое окно возможностей в связи с временным крахом большей части международных элит?

Юрий Мамлеев: Вы задаёте такие категорические вопросы... Я считаю, что для меня важно и сохранение русского народа, и сохранение Государства Российского, то есть ни в ту, ни в другую сторону нельзя уйти. Государство без русского народа — это нонсенс. Российское государство — это уже другое государство. Таким образом, моя концепция состоит просто в том, чтобы сохранить и то, и другое. Но что касается конкретной ситуации, то тут я не знаю. Дело в том, что любая революция ужасна, это погубит Россию окончательно. И я считаю, что, во-первых, здесь должен быть просто эволюционный процесс, но в рамках такого законного государства и таких требований, которые расширяют права народа. Всё-таки наше государство должно быть социальным, какое оно предполагается в конституции. Необходимо осуществлять действия, которые направлены на самосохранение русского народа и русской культуры. А этого можно добиться просто обычными методами — законными в пределах этого государства. То есть в каком-то эволюционном контексте. С другой стороны, я думаю, что многое будет зависеть от международной ситуации. Путин недавно выступал и говорил, что наше государство должно быть сильным, иначе к нам прилетят или приедут и будут требовать такие вещи, которые несовместимы с нашим существованием. Это факт, нельзя это скрывать.

Валерий Инюшин: А вы заметили, что прилетают, как правило, к тем, где есть много недовольных? И если у нас будет много недовольных, то обязательно прилетят.

Юрий Мамлеев: Ну да. Но это другой вопрос. Я просто повторяю слова Путина. Это знаковые слова. Поэтому, ну что тут можно сказать, — всё дело в том, что международная ситуация так быстро меняется и особенно будет быстро меняться в 2011–2013 годах, что в России в течение года может всё измениться. Я думаю, что вот этот процесс, процесс изменения цивилизации, процесс влияния природы на жизнь и всего этого глобального контекста в целом, он настолько сейчас напряжён, настолько всё у всех накопело, что мир может довольно быстро измениться и, следовательно, изменится ситуация в России. То есть я считаю, что нужно в этом случае набраться терпения и посмотреть, что будет. Но и одновременно всё-таки народ должен не опускать руки, а путём демократическим, путём эволюционным, просто убеждать власть, что нужно заниматься социальной сферой, нужно что-то делать как для существования русского народа, так и других братских народов. Потому что революция приведёт к полному кошмару. Может быть интервенция и что угодно.

Поэтому Проханов в какой-то мере прав, когда он говорит в последней своей статье, что нужно надеяться на феномен русского чуда. Что это такое? Это то, что спасло нас от польской интервенции в Смутное время, от татарского ига, 250 лет оно продолжалось, монгольская империя ослабла и перестала вмешиваться во внутренние русские дела. А главное — она не меняла русский менталитет, религию. Она отпала. Это чудо. Я не говорю уже потом о ситуации с Наполеоном и Гитлером. Там был явный элемент чуда. В чём состояло это чудо?

Чудо состояло в том, что на протяжении русской истории возникал какой-то элемент защиты, защиты именно со стороны высших сил. Какая-то защита шла именно от них; она особенно чувствовалась во время Великой Отечественной войны, когда всё висело на волоске, и вроде бы немцы, которые хоть и пытались надеть маску христиан, были уже всё же фашистами. Эти люди, представляющие фашистско-христианскую цивилизацию, вели войну против якобы отвратительной атеистической цивилизации. И должны были победить, по логике высших сил. Но, по их логике, вышло совсем наоборот. Почему? Потому что высшая сила знает суть всего происходящего. Здесь нет никакой тайны, как писал Лермонтов в своём знаменитом обращении. При этом там видно всё, и видно, что в этой так называемой атеистической России, в ней, внутри, происходили некие процессы, а в душе всего

российского народа лежит какое-то сокровище, благодаря которому России предназначено великое духовное будущее. А именно духовное будущее и определяет отношение высших сил, потому что высшие силы не интересуют эта убогая экономика, эта жратва и цивилизация голого чистогана. Бога не интересует такая чушь. А интересует его единственное — духовное состояние страны и человека. Если это духовное состояние представляет интерес для создания будущей вселенской цивилизации после конца мира или до конца мира, этого мира, конечно, то такая страна будет находиться под защитой. Оказалось, что не надутая фашистская Европа, а несчастная Россия, забитая, задавленная, с концлагерями, оказалась духовно выше, чем эта мнимо-христианская цивилизация. Поэтому, я надеюсь, если эта высшая защита будет продолжаться, ничего России не грозит. Она, может быть, будет существовать с жуткими переворотами, может быть всё что угодно, но она в конце концов выйдет из этой ситуации.

Вот в чём смысл этой моей точки зрения, что Проханов просто отметил как русское чудо. Чудо надо хорошо понять, чудо бывает не от человека, чудо бывает сверху. Если вдруг этой защиты не будет, то это значит, что мир превратился в нечто другое. И Россия — уже не Великая Россия, которая приняла православие, создала великие учения и литературу, и мы стали кем-то другим. Но, я думаю, что до этого пока не дошло дело.

Валерий Инюшин: Спасибо. Я как раз хотел развить идеи, которые вы сейчас только что высказали. Во-первых, мне показалась очень смелой ваша фраза о том, что русский народ должен научиться самостоятельно участвовать в политической жизни страны и даже употребили такое ругательное слово в среде, предположим, патриотической и государственной, как демократия. Как ни странно, мне кажется, что это очень ценно, что вы вспомнили об этом слове, потому что если перевести на русский язык и говорить по-простому — «народовластие», то это то, чего именно нам сейчас не хватает для того, чтобы, в том числе, сменить элиту. И также начать действовать на низовом уровне, о чём писал Солженицын — все эти категории с самоуправлениями, с земствами. Или даже на более высоком уровне, используя инструменты профсоюзного движения, забастовок, всего чего угодно, в каком-то поле, ограничивающем физическое насилие. Это нужно русскому народу научиться применять. Научиться активно применять, чтобы выжить. Это первое, что я хотел бы отметить.

Второе касается того, чем вы сейчас завершили ответ на предыдущий вопрос. Это то, что, если нам высшая сила не поможет, мы бы пе-

рестали быть тем, чем мы были. К сожалению, мне кажется, что мы перестали быть тем, чем мы были. И, скажем так, высшая сила ведь не всегда помогает самому правильному — иногда она позволяет как раз самому праведнику погибнуть. И в данном случае ваш пример с Третьим Рейхом как квинтэссенцией мирового зла, на мой взгляд, более чем амбивалентен, потому что любой победитель любит демонизировать своего проигравшего противника. Могу высказать такую парадоксальную мысль: не были ли Высшие силы как раз на стороне фашистской Германии, дав ей проиграть, показав всему Человечеству, что стремление человека к чему-то большему (так же, как в случае с коммунистическим проектом), чем либеральный утробный рынок, ненавистно хозяевам мира сего. Стремление к чему-то большему, к идее Сверхчеловека, к генетическому преобразению природы. Там же было много интересных течений, в том числе никак не связанных с идеями геноцида или чего-то в этом роде. Можно вспомнить и Германа Вирта, и Отто Рана, и братьев Штрассеров. И вот у меня складывается такое впечатление, что та война была как раз великой трагедией, что воевали два великих проекта, которые как раз давали альтернативные взгляды на некапиталистическое развитие, на, скажем так, возможность уйти от царства чистого чистогана. Именно царство чистого чистогана эти два духовных проекта и столкнуло лбами, чтобы из этого получить свою выгоду. Так, собственно говоря, и получилось, потому что англо-саксонский мир вышел из этой войны, по гамбургскому счёту, даже большим победителем, чем Советский Союз.

И, конечно, опять возвращаясь к вашей идее о том, что если мы перестали быть тем, чем были, то дадут ли нам ещё шанс исторического бытия, или Россия может оказаться в роли священной жертвы, фактически став древней Элладой. Ведь настоящие эллины, когда они растворились в античном мире, формально перестали существовать как самобытный народ, но реально остались как великий духовный ориентир человечества до сих пор. И вот в этой связи, я так понимаю, что вам может быть близка идея того, что если мы собственными усилиями не переломим сегодняшнюю ситуацию, то мы можем попасть в разряд священной жертвы. Да, будет память в веках, да, наша цивилизация останется духовно где-то там, в тонких мирах, но России не будет. Может быть, будут потомки русских, которые будут Традицию каким-то образом поддерживать. На индивидуальном уровне или в среде каких-то коллективных сообществ более или менее локально. Возможно такое, как вы думаете?

Юрий Мамлеев: Ну, тут я, в общем-то, сразу постараюсь ответить на главный вопрос. Главный вопрос заключается в том, что чтобы представлять глобальный интерес для высших сил, чтобы данный народ представлял такой интерес, необязательно, чтобы весь народ горел каким-то духовным огнём (это тоже хорошо, но это не обязательно, тем более в нашу эпоху — время духовного вымирания во всём мире). Здесь важно то, что сохранится какое-то меньшинство, пусть это будет самое малое меньшинство (как говорится, один праведник может спасти весь город), которое действительно ценно. Ведь культуру создаёт меньшинство, политику создаёт меньшинство, науку создаёт меньшинство. Так что, если в России сохранится вот это меньшинство, которое представляет вот эту великую русскую культуру и русскую душу, тогда всё будет в порядке, даже если вокруг будет немножко другое, потому что современное общество не может вернуться к традиционному. Когда было традиционное общество, любой мужик мог понять Серафима Саровского и Сергия Радонежского. Потому что это была единая вертикальная линия, была связь между самым простым человеком и самым высоким. Сейчас общество везде антитрадиционное, и его цель — просто уничтожить традицию и вообще всё, что связывает человека с Богом, и превратить человека в зло. Если у нас сохранится вот это меньшинство, которое, когда изменится ситуация во всём мире, и Россия будет свободна в полном смысле, свободна от всяких давлений, от всяких обязательств, то она сможет воспринять это меньшинство как свою элиту. Но это уже будет другая Россия, как Советский Союз был другой Россией. Но и в Советском Союзе, и в Российской империи сохранялась эта внутренняя Рассея, которая в душе. Она не изменялась, и никакая политическая история не в силах была её изменить. Ни буржуазная, ни коммунистическая. И поэтому линия преемственности всё равно сохранится. Но это будет другая Россия в том отношении, что она освободится от всех этих негативных явлений, которые присущи нашему миру, о чём я говорил. Сейчас я вижу много молодых людей, совершенно необыкновенных, которых не было даже при советской власти, хотя там было сопротивление, бунт против материализма и вообще всех завихрений. Поэтому мне кажется, что всё равно, вопреки всему, в этом смысле Россия жива, в этом главном смысле.

Валерий Инюшин: То есть пока качество меньшинства мы сохраняем?

Юрий Мамлеев: Это самое главное, потому что говорится, что в наступающую эпоху Водолея неизбежно разделение общества: часть

людей как бы восстановится в традиционное общество, а другая часть, видимо, будет находиться в погружении в меркантильную, обычную жизнь, при которой на всё наплевать. Сейчас не атеизм торжествует, а индифферентность в мировом обществе. И наплевать на всё. Объяви сейчас, что есть Бог, никто и внимания не обратит. И значительная часть общества ко всему будет безразлична. Скажи, что наука сейчас делает большие прорывы, она входит в тонкий мир; уже клиническая смерть исследована, состояние клинической смерти, и объяви сейчас, что смерть — это не абсолютный конец, это продолжение, — многие люди и внимания на это не обратят. Это полное безразличие ко всему, что выходит за пределы стола. Но не они будут определять, а определять будут те люди, что не равнодушны. Разные люди — светлые ли, тёмные, люди других каких-то направлений, представляющие, в том числе, и нашу духовную Традицию — российско-русскую. Они будут бурлить, они будут двигаться во всём этом турбулентном существовании одновременно. Но остальным всё будет просто абсолютно безразлично.

Валерий Инюшин: Как раз про тех, кто бурлит. Вы опять высказали очень интересную мысль о том, что общество, формально остающееся антитрадиционным в глубинных основах господствующей технократической цивилизации, реально является индифферентным, безразличным (очень точное слово), даже не анти-, а не-традиционным. Но ведь, что самое удивительное, «нетрадиционным» является и так называемое лучшее меньшинство, потому что преемственность многих Традиций пресеклась, как мне кажется, в том числе и христианской, не исключая православие. Опять же, я знаю, что вы придерживаетесь в этом плане другой точки зрения. Но я просто хочу задать вам вот какой вопрос: а не пора ли — человеку ли, высшим силам ли или высшим силам в союзе с этим лучшим меньшинством — реформировать религиозные доктрины, потому что сейчас они не приспособлены под эпоху Водолея, они не позволяют дать прорывных ответов на вопросы современности, в том числе в духовной сфере? Догматизм мешает. Не пора ли создать новую Традицию?

Юрий Мамлеев: Вы знаете, это очень серьёзный вопрос. Очень глобальный. И ответить так просто на это нельзя, потому что рано или поздно грядёт новая цивилизация. Всё меняется, цивилизации сменяют друг друга, цивилизации явно временны, и ответить на этот вопрос можно пока предварительно только одной фразой: что эта но-

вая Традиция должна всё-таки сохранить связь со старой Традицией, но одновременно быть в чём-то новой. То есть преемственность должна как-то сохраниться, я думаю, но новые открытия, новые повороты внесут нечто новое.

Валерий Инюшин: Опять может быть интересным реинкарнация более глубоких пластов, ведических и т.п. Христианская традиция также, наверно, будет присутствовать в каком-то виде.

Юрий Мамлеев: Разные направления могут быть. И мусульманские, что и говорить. Однако все они могут быть использованы как продолжение традиций, так и контртрадицией, потому что традиционные знания могут быть использованы перевёрнутым образом. Так что на всех этих открытиях может сыграть и контртрадиция. Есть очень много моментов, о которых нужны специальные исследования провести. Но здесь много глубоких опасностей. Потому что параллельные миры могут открыться своими низшими слоями для человека, потому что путь знаний может проникнуть легче всего в эти низшие уровни. Это грозит, конечно, глобальными катастрофами в будущем, о которых есть некоторые пророчества. Но это очень далёкое будущее, но не конец света. И здесь есть огромная опасность. Потому что если будут забыты высшие уровни, а низшие, так называемые «нижние воды», о которых писал Рене Генон, проникнут в наш мир, то это может привести к огромнейшим опасностям.

Валерий Инюшин: Кстати, для вас конец света — это всё-таки больше действительно формально понимаемый конец света или это просто катастрофическая точка перехода на новый уровень? Или это временный период, который позволяет перейти на новый уровень?

Юрий Мамлеев: Я понимаю его в рамках христианской традиции как переход на новый уровень. Новое небо, новая земля, отсутствие религии, потому что тогда начинается прямой контакт Бога с человеком, а не косвенный. Нет посредничества никакого. Тут совершенно новый цикл. Как индусы говорят, новая Манвантара. Но катастрофичность состоит в том, что не все люди могут попасть в это продолжение человеческого рода. Часть-то попадёт, но вот что с ними будет — это уже другой вопрос. Может быть, часть попадёт в ад, часть попадёт в какие-то другие миры, но это опасная вещь, потому что означает потерю человеческого статуса. Но всё дело в том, что категории божественного разума и божественной справедливости — это совершенно не то, что челове-

ческий разум и человеческая справедливость. Это совершенно другие вещи. Они могут смыкаться, но могут и не смыкаться.

Валерий Инюшин: Юрий Витальевич, получается, что Откровение Иоанна Богослова, индийская философия и религия, а если говорить шире, то индоевропейская религиозная Традиция в целом, они смыкаются. Многим серьёзным исследователям известно, что иудаизм и христианство восприняли эсхатологические идеи из зороастризма, грубо говоря, из периода вавилонского пленения. Фактически, это есть война Ахурamazды и Аримана, которая, скажем метафорически, выражена отчасти и в Апокалипсисе. Получается, что когда мы говорим о новой Манвантаре, или новом цикле, или, опять-таки, об окончательной победе над Ариманом — то в этом нет противоречия между индоевропеизированным христианским богословием и корневыми, осевыми религиями индоевропейцев, или ариев, к которым мы с вами относимся.

Юрий Мамлеев: Конечно, противоречий никаких там нет. Просто выражено иными словами, под иным ракурсом, под иными моментами. Древние индоевропейские философии связаны с таким глубоким временем, откуда пришли все эти знания, это уже не вера, это знания.

Валерий Инюшин: А что же нам тогда с Ветхим Заветом делать?

Юрий Мамлеев: Ну, это другие вопросы. Мы принадлежим Новому Завету, и оставим в покое Ветхий Завет.

Валерий Инюшин: Юрий Витальевич, как тогда вы можете интерпретировать возможный позитивный прорыв в будущее для нашей страны уже, имея в виду те аспекты, которые мы затронули в нашей беседе?

Юрий Мамлеев: Главное — это то, что отношения между людьми должны стать совершенно иными, и преобразить эти отношения, конечно, мы можем только духовным, а не социальным путём. Отношения, грубо говоря, должны сводиться к любви друг к другу. Это и было в православии. Но имеется в виду не только любовь, а, скажем, любовь и мудрость в отношении между людьми, какая-то глубокая степень понимания человека, друг друга. И тогда вы попадаете в совершенно другой мир, вы ощущаетесь этими людьми совершенно по-другому. Вы видите в человеке или самого себя, или продолжение себя, или какую-то скрытую мудрость от них получаете. Короче говоря, это просто такая развёрнутая чисто русская панорама человеческих отношений, в которой каждый че-

ловек — это уже какой-то кладезь, не обязательно в стремлении к Богу, что в совокупности образует какое-то невыразимое богатство человеческих отношений. Но скрепляющим моментом, конечно, должна быть любовь. Иначе всё рассыпается.

Поэтому, наряду с теми пунктами, которые очевидны — политическая независимость, социальное государство и так далее, для будущего ещё более важны любовь и мудрость в качестве базиса совершенно новых взаимоотношений между людьми. Сейчас всё это деградирует во всём мире и в России. Но в России это пока не касается того меньшинства, о котором мы говорили. ■

Переделкино, май 2011

О «РОССИИ ВЕЧНОЙ»

*Беседа Дмитрия Коледина
с Юрием Мамлеевым*

Дмитрий Коледин: Юрий Витальевич, у Вас вышла новая книга, переиздание «России Вечной»...

Юрий Мамлеев: Это одна из важнейших моих книг. Новое издание дополнено почти на пятьдесят процентов. Всё, что я хотел сказать о России, включая мои переживания, которые мне пришлось вынести за все эти годы — и эмиграции, и пребывания в Советском Союзе — всё изложено здесь, в книге «Россия Вечная». Там подробно изложено, в отдельных статьях, как я пришёл к основной доктрине — доктрине России Вечной; с этого, собственно, книга и начинается.

Сама эта доктрина очень чётко изложена в книге, скажу только, что она не является столь необычайной, как это может показаться с первого взгляда, потому что она, как и показано в книге, основана на движении русского духа в период становления современной русской культуры — я имею в виду русскую классику, — и то, о чём я говорил в этой доктрине, имело предшественников. Конечно, в русской литературе и философии всё это было выражено определёнными намёками, но достаточно много-значительными, и поэтому моя доктрина вытекает из движения русской литературы и русской философии XIX — начала XX века. Единственно, у меня совершён определённый качественный сдвиг в бесконечные глубины.

Надо сказать, что в первом издании всё было посвящено именно России Духа. Когда мы говорим о России Вечной, мы говорим о вечности, а вечность связана с Духом, только Дух вечен, только духовное начало вечно. Основной момент был связан именно с развёртыванием картины России Духа и особого значения русской культуры для становления России, для становления нашего понимания самих себя. Каждый человек, независимо от происхождения, тот, кто любит Россию, живёт в русском

языке и в русской культуре, является как бы «Микророссией» — в самом себе он несёт Россию. Поэтому то описание России Духа относится также и к человеку, российскому человеку, который этот Дух несёт в себе, в той или иной степени. Это не только панорама России, это наша панорама, наша внутренняя доктрина, которая относится к душе каждого человека, который любит Россию и живёт в её языке и в её культуре.

Но сейчас я хочу сказать относительно добавлений. После текста самой «России Вечной» идут два новых раздела: «Великая Россия» и «Россия земли и Духа». Затем идут статьи, разъясняющие те или иные аспекты этого учения, и кончается поэзией — приводятся стихи русских поэтов, которые подтверждают одну из моих идей, что всё, что я тут изложил, — органично присутствует в русской культуре, и присутствовало в ней ранее в или скрытом, или поэтическом виде; в общем, всё это органично.

Что я хотел бы сказать об этих двух добавленных работах? «Великая Россия» — это раздел, посвящённый современной России, потому что было бы странно, если бы я писал только о России Духа, избегая ситуации в современной России, которая в высшей степени драматична. Но там не было политического момента — я описал именно социальную и историческую ситуацию, и в этих двух разделах воссоздал тот образ современной России, который мог бы быть, скажем, реализован в течение двух-трёх десятилетий — если нам удастся вырваться из западни, в которую мы попали в 90-е годы и с которой связаны все тяжёлые моменты современной жизни.

Один из выводов, который я сделал в этих двух разделах, касающихся современной России, состоит в том, что России необходимо развиваться только эволюционным путём, избегая всяких потрясений, резких движений вправо или влево, неожиданной и непредвиденной смены власти — я уже не говорю о революции и подобных явлениях. Нужно сказать, что если такие явления будут иметь место, то это будет означать полную катастрофу для России, так как приведут к гражданской войне и распаду страны. Мы уже знаем на историческом примере, к чему привело отречение Николая II и резкая, непредвиденная смена власти, которая произошла в феврале, во время войны, — всё это обернулось исторической катастрофой для России, миллионами человеческих жертв, гражданской войной и так далее. Также резкая смена власти произошла в 90-е годы — от горбачёвской и социалистической России к России совершенно нового строя. Эта смена была неожиданная и не эволюционная, не постепенная, а внезапная, которая тоже обернулась для Рос-

сии ужасными явлениями. Избежать этого можно, только продвигаясь вперёд разумным, основанным просто на элементарном здравом смысле путём и устраняя те негативные моменты, которые действительно существуют, на основе восстановления контакта и доверия между народом и властью.

Но это один из моментов; я говорю о нём потому, что это просто важно знать. А в основном эти разделы посвящены значению для современной России трёх важных проявлений. Прежде всего, это возникновение в России мощной духовной составляющей. Для этого есть все предпосылки. Поскольку мир сейчас находится в состоянии какой-то духовной энтропии, то, по многим пророчествам, именно России суждено стать будущим духовным центром мира. Во всяком случае, духовным центром для самой себя, создать уникальную духовную реальность. Если это будет осуществлено, это будет одним из явлений, которые создадут ту великую Россию, которую все хотят видеть. Потому что все величайшие мировые государства были связаны с уникальной культурой, которая вписывалась в мировую историю.

Второй важнейший момент касается образования, касается некоторых тонких моментов, которые я описал в этих работах. Конечно, очень важным является также тот факт, что русский народ является государствообразующим народом России. То, что это является фактом, не вызывает никаких сомнений, но важно, чтобы реальность этого была одновременно такой, что объединяла бы все народы России вокруг этого центра и создавала необыкновенную дружественную семью, которая уже, кстати, существовала в России. Имперская Россия, например, отличалась удивительной терпимостью ко всем народам России, и это свойство русского народа тоже — относиться с терпимостью к другим народам.

Потом я перечислял все трудности, которые нужно преодолеть, чтобы выйти из этой западни. Здесь, конечно, всё то, что известно, коррупция и так далее, но особенно важными проблемами, которые надо преодолеть, я считал здоровье народа и демографическую ситуацию. То есть страна не может существовать с исчезающими народами, необходима возможность воссоздания нормального состояния народа и преодоления тех болезненных моментов, которые мы сейчас имеем. Это возможно осуществить как раз только эволюционным путём.

Другой важный аспект касается отношений между людьми. Подробно описано, как, исходя из характера российского народа, могут быть восстановлены те добрые и чистые отношения между людьми, ко-

торые в определённые моменты русской истории, как известно, имели место. Россия отличалась какой-то необыкновенной открытостью между людьми, как будто каждый человек становился братом другому, и фактически образовывалась некая единая семья, где происходил обмен духовным началом каждого человека по отношению к другому. То есть в идеале человеческие отношения могут, я бы сказал, стать сказочными в том смысле, что зло, которое присутствует сейчас, некоторое расточение между людьми исчезло и воссоздалось то, в какой-то мере даже идеальное, отношение между людьми, которое мы видели в русской литературе, в русской истории, которое воссоздавалось какими-то периодами. Это очень важно, потому что я обратил внимание на то, что негативные отношения между людьми, даже на улице, в самый разгар обыденной жизни, очень влияют на настроение людей, строят отчуждение, если нет доброй улыбки, добрых глаз, доброго отношения к друг к другу... Казалось бы, это мелочь. На самом деле, это делать очень легко, и в мире совершенно меняется аура отношений, даже на поверхности, я уже не говорю о глубине отношений между отдельными людьми, которая так выражена в русской литературе. Это существует и сейчас. Но мне кажется, что важен глубокий перелом: мы должны любить друг друга, потому что любовь побеждает всё, и только благодаря любви жизнь в этом в какой-то мере чудовищном и несовершенном мире становится приемлемой и радостной.

Дмитрий Коледин: Юрий Витальевич, а как Вы относитесь к роли православия в современном русском обществе?

Юрий Мамлеев: Роль православия (и в моей книге тоже это выражено) огромна, её даже смешно недооценивать. Основная роль православия сводится к спасению души. К сожалению, многим людям в современном обществе непонятно само это выражение, что значит «спасение души». Но это, к сожалению, уже философски-религиозный вопрос. К сожалению — потому, что требует времени и особого отношения. Но я думаю, всё-таки, что большинство людей сейчас в России чувствуют, что эта жизнь, при всей её временности, не кончается смертью, и что после смерти есть продолжение. Сейчас это даже доказано определённым опытным путём, и я не буду на этом останавливаться.

Спасение означает спасение человеческой души на уровне вечности, вечной жизни, а не падение души человека вниз, в низшие миры, в бесконечные странствия по вселенной и превращение в низшие суще-

ства, а в некоторых случаях — попадание в ад. Так что здесь значение религии вообще трудно переоценить — это основное, что есть в жизни человека в том плане, что человек — это духовное существо, это великое существо, и тот, кто считает, что он просто «разумное животное», тот фактически обрекает себя на гибель. Так что здесь вопросов нет.

Но, кроме того, важна роль, причём именно православия не только как религии спасения. Важна ещё и его, так сказать, социальная функция. Эту функцию православие всегда выполняло в истории России. В первых, православие всегда было патриотичным, в случае войны, оно становилось на защиту Отечества. И, во-вторых, тот дух любви, который присущ христианству и о котором говорил Христос, присутствовал в людях. Я по своему возрасту встречался с людьми, которые жили ещё до революции. И я задавал им вопрос: «Чем русские люди дореволюционного периода отличались от современных?» Это было где-то в 50-е годы. Мне отвечали, что, как ни странно, главным отличием было то, что тогда люди были гораздо более жизнерадостны, чем в советский период, и эта жизнерадостность была в основном всё же связана с верой в победу над смертью. То есть люди того периода не ощущали себя смертными в такой степени, в какой себя ощущает таковым современный человек. И потом, моменты любви к человеку — это встречалось всё время. В деревнях люди кланялись друг другу как образу и подобию Божию.

И, наконец, я бы сказал, что религиозный дух присутствует также и в русской литературе, в отличие от советской. Почему русская классика стала, можно сказать, одной из первых литератур мира, если не самой первой? Потому что в ней всегда присутствовал не только глубокий философский смысл, но и религиозный. Духовные проблемы лежат в основе русской классики. Но это было невозможно в советской литературе, потому что религия, религиозный подход к миру, подход победы над смертью был закрыт. И вообще, в современном мире эти вопросы как бы отстранены, они отстранены везде, кроме, может быть, некоторых стран Востока. И получается, что человек — просто социальное животное, больше ничего. При таком подходе литература становится просто примитивной; таким стало, к моему великому сожалению, подавляющее большинство советских писателей. И разница между русской литературой и советской чудовищна, огромна. И также — разница между русской классикой и современной литературой вообще, именно современной. Нам предстоит всё это восстановить — восстановить и великую русскую культуру в её полной мере. Для этого, как я подчёркивал, надо переменить в образовании лю-

дей подход к русскому языку и русской литературе. Это наше основное богатство, и только через это мы можем возродить настоящую, духовную любовь к родине. Ну, а с религией всё понятно, по-моему.

Дмитрий Коледин: То есть, в принципе, православие и духовное русскоискательство всё-таки являются спасением и ведут к освобождению от той материальной культуры потребления и развлечения, которая сейчас складывается в мире и отчасти в России тоже пускает корни?

Юрий Мамлеев: Ну, разумеется, как и везде, духовные искания противоречат обществу потребления. Надо сказать, что вообще стремление к хорошей жизни само по себе не является каким-то пороком. Весь вопрос заключается в том, что это стремление должно сочетаться с раскрытием высших способностей человека, а не только чисто физиологических или материальных. Скажем, русские дворяне жили неплохо, и тем не менее это не помешало им создать великую культуру XIX века в России. Чтобы жить духом, не обязательно отказываться от внешней материальной жизни. Это может сочетаться, но когда общество потребления настолько преобладает, что затмевает всё остальное, то это означает просто смерть человека как такового, самоубийство, потому что, согласно замыслу Божьему, человек создан не только для живота, но и для разума, для своего бессмертного духа, как об этом свидетельствуют все религии мира.

Дмитрий Коледин: Юрий Витальевич, я знаю, что во Франции сейчас возник интерес к Вашей философской работе «Судьба бытия», и, по-моему, сейчас собираются её издавать.

Юрий Мамлеев: Ну, пока рано говорить об этом. Мои философские труды переведены частично на английский, и сейчас, вот, на французский... Какая там будет реакция? Книга включает чисто метафизические работы, они не имеют отношения к доктрине России Вечной, это чистая философия, чистая метафизика, импульсом для которой отчасти послужила философия Веданты.

Первые реакции на книгу были для меня, конечно, очень интересны: говорили, что это нечто небывалое в мировой духовной традиции. Такое же отношение было и в России, и это говорили люди, которые занимались этим и знали мировую духовную реальность и метафизику. Но как будет потом — посмотрим, всё пока впереди.

Но я бы хотел обратить внимание на другое: эта книга, по оценке западных читателей, очень сложна — не просто по своему формальному

тексту, но и по своей глубине. Они считают, что это чтение для избранных. Впрочем, как и вся философия — чтение не для большинства. Потом уже философия через избранных, через меньшинство, входит в сознание людей и медленно может просто менять мир, как она всегда его и меняла. Но для меня было знаменательным чувством то, что в России эта сложная книга, «Судьба бытия», имеет многочисленных читателей, что просто удивило моих западных коллег. Меня это вдохновило, для меня это означает, что великая русская духовная традиция, философская и литературная, не умерла. Все эти годы, советский период, 90-е, она была жива, выдержала эти испытания, и она продолжает существовать, она реально живёт во многих людях. И, с другой стороны, она живёт и в народе. В каком виде? Если взять советский период, Великую Отечественную войну, это, казалось бы, история, которая не имеет отношения к философии. Но на самом деле там выразилась совершенно необычайная вещь: народ, особенно крестьянство, вообще-то говоря, очень сильно страдал от советской власти после коллективизации, и когда немцы вторглись, многие просто ждали их — настолько тягостна была советская власть.

И что же произошло? Как только стало ясно, что это настоящее вторжение, что идут покорять саму Россию, что это нападение на Россию, всё это отпало как ненужное, и вдруг вспыхнуло то вековое, почти, казалось бы, иррациональное чувство, которое толкало российских людей (не только русских) на подвиги, на защиту родины в такой драматический момент. У многих солдат был с собой томик Есенина — запрещённого тогда великого русского поэта. Православная церковь, которая преследовалась чудовищным образом при советской власти, вдруг нисколько не изменила своей великой традиции защиты Отечества и всё сделала для того, чтобы вдохновить народ и помочь ему сопротивляться и победить в самой страшной войне, которая когда-либо была в истории человечества.

Дмитрий Коледин: Юрий Витальевич, как Вы пришли к идее России Вечной, как так случилось? Ведь не секрет, что Вам пришлось уехать из России. Так как родилась Россия Вечная, этот всплеск любви к России?

Юрий Мамлеев: Это довольно сложно, но, с другой стороны, и просто. Оказалось, что советскую власть мы, в общем-то, не любили — трудно её любить... Именно творческим людям, потому что были такие запреты... Бессмысленные и нелепые, которые просто убивали литературу. Но как-то, даже в то время, большинство всё-таки чувствовало в душе, что Россия жива, жива в душах людей.

Я помню, как-то мы шли по Тверскому бульвару, и среди нас был один человек, Анатолий Коряшев. Он был из простой семьи, но очень талантливый человек, исключительно талантливый. И он воскликнул: «Боже мой! Какую страну мы потеряли!» Он имел в виду историческую Россию. И поэтому, в общем-то, Россия как бы жила под советским прессом, хотя мы отлично понимали, что всё же приходится жить в одной лодке, и раскачивать лодку-то не очень хорошо.

Ну а потом, когда я оказался в эмиграции, там это вспыхнуло с огромной силой... Вы знаете, я не хочу это повторять, я писал об этом в одной статье. В ней как раз рассказано, какой «механизм» раскрытия всего этого проявился там.

Дмитрий Коледин: Именно там, в эмиграции?

Юрий Мамлеев: Именно там. Как говорится, «большое видится на расстоянии». Там то, что лежало в глубине души, проявилось с фантастической силой. Проявилось и смело все препятствия, психологические и прочие, которые были на этом пути; проявились самые глубины. Более того, я был поражён той ностальгией по России, которая была среди «белой» эмиграции. Я был поражён, а многие писали, в том числе иностранные обозреватели, что это такое. Это была не ностальгия, а что-то большее. И я просто решил узнать причины этого. Причины этого можно было понять только в том случае, если понять саму Россию, которая, по словам Тютчева и многих других, недоступна уму. И я стал просто перечитывать тексты, перечитывать русскую литературу снова. И когда я перечитывал всё, что писали Толстой, Достоевский и все остальные, я посмотрел на это совсем другими глазами, и это был толчок к перепониманию России, и это перепонимание уже было качественно иного уровня, чем оно было прежде. Потому что всё же это уникальное явление — доктрина России Вечной — ни в одном народе такого не было. И оно было совершенно другого уровня, чем предыдущая, философская тоска по России. Нужно было это понять, нужно было это выразить метафизическим языком, нужно было проникнуть глубже и глубже, то есть сделать существенный качественный рывок от «умом Россию не понять» и от «люблю, за что, не знаю сам», от всего, что мучило русских поэтов. Надо было от тоски, от ужаса перед непознаваемостью России, который особенно сильно проявлялся у поэтов, потому что они наиболее чувствительны, но они не могли это выразить философским языком, а выражали это просто через чувства. И в эмиграции это

было, и это было потрясающе. Наше прошлое так же живо, как и наше настоящее, нет мёртвых, есть только живые...

Дмитрий Коледин: То есть ключ — в русской литературе?

Юрий Мамлеев: Нет, ключ — в русской душе. И в душах других народов, которые исторически соединены с русским народом. Здесь главное — сам дух. Но просто через литературу это было выражено очень сильно, вот и всё. Но в основном я это встречал в течение своей жизни в Советском Союзе... Вот «Московский гамбит» — это такая книга, которая раскрывает всё это, чисто русские моменты... Такая жизнь была у нас в нашем так называемом «подполье» неконформистском, что когда я предлагал эту книгу... У меня переведены романы — пожалуй-ста, даже такой жуткий роман, как «Шатуны»... А перед «Московским гамбитом» иностранные издатели останавливались — они говорили: «Юрий Витальевич, этого не может быть». Хотя чего там «не может быть» — когда там почти документально зафиксирована наша московская жизнь? Издатели говорили: «Вы описываете таким реалистическим языком (это, кстати, реалистический роман) то, что является просто фантастикой. Такие люди, которых вы описываете, не могут существовать». Между тем я описывал реальных людей — почти у всех героев существуют прототипы, и в романе нет ничего такого гротескного...

К нам приходил даже один рабочий, сосед по коммунальной квартире. Он, правда, был яростный поклонник Достоевского. Приходил и участвовал в наших разговорах; он всё понимал и ему всё нравилось. Так что тут не было перегородок между снобистским интеллектуализмом, который нам был совершенно чужд, и интуицией простого народа, который мог тоже залетать в такие глубины... Они могли это не оформлять, так сказать, языком философии, мистики и так далее, но реально некоторые из них были очень продвинутые люди. Я по своим путешествиям по советским пивным — не только в нашем узком круге, но сталкиваясь с широким кругом людей, видел, что наш народ — необычайный народ. Ну, в общем, как и все народы — они оригинальны и не повторяют друг друга, но здесь я видел для себя что-то совершенно необычайное.

Дмитрий Коледин: Когда я читал главу «России Вечной», в которой говорится о поэзии, Есенин и Блок вдруг предстали для меня совершенно с другой стороны, и я как-то провалился, что ли, в какую-то без-

дну... На меня это произвело просто неизгладимое впечатление и дало даже толчок для творчества.

Юрий Мамлеев: Ну, конечно, Есенин и Блок — величайшие русские поэты двадцатого столетия, хотя сюда ещё можно добавить Маяковского и Цветаеву, но до известной степени. По той причине, которую я неоднократно объяснял, хотя это элементарно понятно: Есенин представляет древнюю Россию, «мир таинственный и древний», тысячелетний мир русской деревни, которая была очень и очень продвинута в определённом смысле — не только благодаря православию, но и благодаря своей душе. А Блок, воспитанный в дворянской семье Бекетовых, завершил великую историю русской дворянской культуры. Если Пушкин — это первый, тот, кто положил начало, то Блок — тот, кто всё завершил. Причём завершил на сломе, на таком сломе, какого ещё не было в истории.

Дмитрий Коледин: Кстати, ведь это тоже драматическое время для России — 1917 год, и сейчас, в общем, времена достаточно близкие. И то, что творилось в душе Блока, вообще в душе русской интеллигенции того времени... Тот Серебряный век был и трагическим, несмотря на всю бездну таланта, при этом, всё-таки, какая-то тень трагедии легла на него.

Юрий Мамлеев: Да, это было время драматическое и трагическое вообще в мировой истории, потому что менялась эпоха, приближались людоедские войны, и мир гуманизма рухнул в одно мгновение. Блок и другие поэты чувствовали катастрофу, которая нависла над Россией... Это было, конечно, необычайное время. Блок предсказал весь трагизм XX века, написал в самом начале его, что над веком легла «тень Люцифера крыла». То есть, он предсказал, что это будет жуткий век — в самом начале, когда все пели песни о прогрессе и о свободе. А свобода обернулась свободой Дьявола.

Дмитрий Коледин: Кстати, вот вы говорили вначале именно о любви, и я поймал себя на мысли о том, что вся эта книга, я говорю о первой главе, о поэзии, там как раз сконцентрированы те стихи, те мысли, которые именно о любви к России — и Есенина, и Блока. Вы как-то сконцентрировали именно то творчество поэтов, которое касается любви к России. Патриотизм в хорошем смысле слова, настоящий.

Юрий Мамлеев: Да, духовный патриотизм. Но там дело не только в любви, но ещё и в понимании, в проникновении вглубь России, и это означало, собственно говоря, понимание, познание самого себя. По-

знание России означает самопознание. А самопознание необходимо человеку. Человек должен знать, кто он. Поэтому «Россия Вечная» — книга не только о познании России, но и о самопознании. Мы — великая страна, и мы должны продолжать своё историческое существование во что бы то ни стало. Поэтому самосохранение России во всех смыслах этого слова — её реальности как великой страны и в духовном, и в человеческом смысле — является, пожалуй, самым важным. Самосохранение означает преодоление всего того, не побоюсь сказать, ужасного, что ещё есть в нашей реальности, что осталось от 90-х годов. Та же коррупция, которая подрывает национальную безопасность. Но и удар по здравоохранению и образованию — это же удар по народу. Это всё идёт от 90-х годов, и это было частично преодолено в начале XXI века, но сейчас это тоже стало насущной проблемой, и хотя многое сделано для восстановления России, конечно, осталось ещё очень много преодолеть. Преодолеть совместной работой народа — я не говорю общества, потому что общество — эта какая-то избранная часть народа, а решать должно государство и народ, весь народ. И на этом основании преодолевать все эти моменты. Это не так просто, как кажется, потому что мы живём в мировом окружении, мы зависимы от мировой экономики, от многих факторов, которых мы вообще даже не знаем. Поэтому так, с кондачка, всё это не решается.

Дмитрий Коледин: Сейчас ещё в обществе мода такая: а что здесь спасать? Здесь нет ничего интересного, нет ничего ценного; здесь, смотрите, коррупция, смотрите, тут одна какая-то партия всё время у власти, тут и народ, и ему ничего не надо... А вот эта книга, на мой взгляд, как раз позволяет путём самопознания понять, кто мы и полюбить себя. Потому что многие не любят себя, не любят себя, потому что именно это Россия, потому что мы русские... То есть люди не понимают себя и поэтому не любят себя.

Юрий Мамлеев: Ну, я не думаю, чтобы это так уж было распространено, но всё же это имеет место. Во-первых, это внедрялось в 90-е годы. Такая пропаганда была, такой негативизм по отношению к России, что понятно, что все эти катастрофы 90-х годов, экономические и социальные, конечно, сказались. Потому что народ, действительно, устал. Пережить такие войны, включая гражданскую, несколько революций в XX веке и, наконец, всю эту резкую смену власти и строя в 90-е годы, всё это пережить — я не знаю, какой народ это выдержит. Но я считаю,

что всё-таки выдержали. Все эти негативные явления могут быть изжиты при многих условиях, но одно из условий — чтобы государство пошло навстречу народу, чтобы было восстановлено доверие. И чтобы телевидение работало на позитив, а не на негатив — нельзя бесконечно изображать людей уголовниками и убийцами. Детективы, понятно, нужны — для развлечения, но должно быть что-то позитивное. А позитивного в жизни очень много: сама жизнь, само бытие — это полный позитив. Почему люди были жизнерадостными при «ненавистном царском режиме»? Да очень просто — потому что само бытие, сама жизнь — это прекрасно, а люди знали, что после смерти жизнь продолжается, и они не обречены. И, кстати, отношения между людьми были очень добрыми, христианскими. А это знаете, как помогает, когда человек к человеку, действительно, как брат и сестра относились? Когда люди относятся друг к другу, как брат и сестра — это совершенно другая жизнь, чем когда человек человеку бревно или человек человеку волк.

А всё это разрушалось в 90-е годы, просто разрушалось, и велось к одному — к саморазрушению. И народ, который удалось убедить, что он обречён или что он плох, это означает, что такой народ, в данном случае российский народ — кончает жизнь самоубийством. Потому что народ, который не любит себя, он просто гибнет. Он или ассимилируется, или бывает покорён внешне. Но этого не случилось. Поэтому в России сейчас моральный хаос, и не только моральный. Сейчас очень важно то, что на Западе называют «моральным перевооружением». Это западный термин, но он несёт позитивный смысл — это означает, что когда народ и общество уже буквально находятся на грани какого-то морального упадка, очень важно опять поднять дух народа, его самоощущение, его самоорганизацию и восстановить ту древнюю мораль (тут нечего изобретать), которая всегда помогала людям существовать. И эта мораль — мораль любви, мораль добра, мораль, когда человек другому брат или сестра, и когда духовное начало живёт, всё-таки, в человеке. И тогда постепенно человек начинает любить свой народ и, собственно, любить свою страну. Мы просто оказались в хаосе. Это тяжелейший период в истории России, такого никогда не было. Конечно, 1917 год и 1990-е — это самые тяжёлые периоды в истории России, которые когда-либо были. Даже татарское иго полегче было, потому что татарское иго не трогало основы России, её дух, её религию. А в 1917 году что творилось? И поэтому важно восстановить позитивную духовную основу. И восстановить любовь друг у другу и любовь к себе — не эго-

истическую, не торжество звериного эгоизма, а любовь христианскую. Когда человек любит себя, он любит себя как существо, созданное Богом, в котором заложен сам Бог фактически. И любить также и других, которые так же созданы. Тем более, мы все говорим на одном языке, имеем одну культуру, одну поэзию и так далее — ну как не любить друг друга? Ну, и все другие позитивные свойства — взаимопомощи, самоорганизации, помощи друг другу, которой отличались люди и в советское время, потому что тогда мораль всё-таки сохранялась, и когда человек попадал в беду, стремились ему помочь. Никогда с этим не было никаких особых проблем. И плюс вот это духовное богатство, которое есть в России. Вообще моральный упадок, духовный распад — он сейчас везде, просто принимает разные формы и касается даже Востока. Индия сохраняет более или менее уровень, с моей точки зрения, достаточно мощный. А нам важно вернуть то, что у нас украли. Вот и всё. Украли у нас великую страну, украли великую культуру, украли православию, я имею в виду, начиная с 1917 года...

Дмитрий Коледин: Самосознание великой страны. Ведь мы раньше были великороссами, а потом стали русскими.

Юрий Мамлеев: Ну да, но это не важно... Важно то, что все наши народы должны быть едины, должны быть соединены вокруг русского народа и быть братьями, тогда они все будут великими, они все будут гражданами Великой России. В Советском Союзе всё-таки был какой-то «полёт», Отечественная война доказала это. Это действительно парадоксально, как американцы писали, когда кончился СССР, что «это была страна великих достижений и великих катастроф». Нам надо так: великие достижения, но без великих катастроф. Вот в чём дело. Не надо великих катастроф, которые были в Советском Союзе и которые так нелепо кончились.

Дмитрий Коледин: Для этого нужно заниматься самопознанием, познать, в конце концов, кто мы такие. Собственно говоря, эта книга — о самопознании русского начала в нас.

Юрий Мамлеев: Нет, я имею в виду всё в целом, то есть здесь моральное превышение — это воздвижение и вообще человеческого начала, это нормальное общечеловеческое состояние, то, какими люди должны быть, как их задумал Господь. И в то же время — это развитие и сохранение нашего великого российского начала. И это предполагает крайне дружественное отношение ко всем народам, и я считаю, что мы

должны, в том числе, дружить с Западом. Важно, чтобы они так же к нам относились, и тогда на Земле будет мир. Недаром, кажется, Никсон сказал, что от нормальных отношений между Соединёнными Штатами и Россией зависит судьба всего мира.

Дмитрий Коледин: Ещё в вашей книге, в начале, такое интересное понятие «русский». Что вы считаете «русским»?

Юрий Мамлеев: То, что является русским, изложено во всей русской литературе, изложено в этой книге; это лежит в нашей душе. Я там только подчеркнул, что это не обязательно этническое понятие, что к понятию «русский», кроме собственно русских, принадлежат все те люди, народы, которые любят Россию, которые живут в русской культуре и в русском языке, причём не только те, которые живут в России — я приводил пример такой, когда люди, по своему рождению совершенно не имеющие никакого отношения к России, вдруг становились людьми, которые как бы «вживлялись» в Россию. Там я приводил примеры людей, про которых говорили, что они — с русской душой. Это были иностранцы. Например, Сьюзен Мэсси, которая написала замечательные книги о России и не имела никакого отношения по рождению к русскому народу, но тем не менее стала русской по душе. Она, по-моему, ещё девочкой была в семье русской княгини, эмигрантки, и та сказал ей: «Ты знаешь, Сьюзен, у тебя русская душа». Поэтому это уже имеет некое вселенское начало.

Дмитрий Коледин: Юрий Витальевич, ещё раз поздравляю вас с выходом нового издания книги «Россия Вечная».

Юрий Мамлеев: Благодарю вас и желаю всем своим читателям самого лучшего, самого высшего! ■

ЧТО В РОССИИ ВЕЧНОГО?

«Сине Фантом», 2013

Юрий Витальевич, вот вы недавно рассказывали про озарение, которое с вами было. Какова природа этого озарения? Что это такое? Вы можете описать свое физическое состояние?

Довольно трудно описать, потому что это не было, скажем, каким-то видением. Если бы это было видение, это было бы плохо, да? Потому что мало ли, какие видения могут быть... Было просто такое открытие, чисто духовное. Как какая-то догадка, возникшая в сознании ученого, как у Ньютона, например. Это и есть озарение. Это некая идея подхода к реальности более глубокой, чем обычно, туннель в другой уровень реальности.

То есть природа этого достаточно рациональна?

В какой-то мере рациональна, но одновременно и иррациональна. То есть я не пришел к этому путем какого-то анализа. Это внезапно открывшееся человеку видение о том, как можно писать о реальности. Это озарение, касающееся мира идей. То есть возникла идея, как описывать реальность. Считается, что настоящие озарения как раз связаны с миром идей, тогда как возникающие образы могут быть чем-то фальшивым. Это известно из крестьянской религиозной практики, где самая высшая молитва проходит без слов, так называемая «умная молитва» или «молитва молчания», при ней возникают какие-то обманные лжеобразы.

Но, как писатель, вы же создаете образы?

А! Это уже другое. Это конкретизация открытия, здесь уже работает, так сказать, сила искусства. А искусство, конечно, связано с образами. И идеи могут проходить через образы, но в искусстве образы могут быть выше идей. Когда речь идет об искусстве — это какая-то тайна, мистерия.

Тут как раз могут возникать образы, в которых заложена некая идея. И эти образы гораздо глубже, чем идея, пришедшая в голову автора, идея этого образа, идея этого человека, его характера... В отличие от рационального мышления, образ может быть глубже идей. И если это не потустороннее видение, а оно связано именно с произведением искусства, тогда может получиться так, что сам автор может не знать, какую глубочайшую реальность он изобразил. Частично, возможно, так было с Чеховым. Потому что Чехов был странным образом не такого уж высокого мнения о своем собственном искусстве рассказчика. И впоследствии чеховскую прозу оценили, по-моему, гораздо глубже, чем он сам это понимал. Писатель может выходить за пределы своего разума и входить в сферу совершенно новую, как это было с Чеховым. Изображая обывденную жизнь, он копнул так глубоко. А как это получилось, даже непонятно. Вот это и есть озарение. Сомерсет Моэм писал, что многие английские писатели, впервые переводившие Чехова, были настолько поражены воздействием его рассказов и их простотой, что пытались имитировать — так же просто писать об обывденной жизни, и у них абсолютно ничего не получалось. Все вроде, как у Чехова, а Чехова нет. Вопрос — почему? Потому что отсутствовала вот эта глубина чеховская. Ее даже пытались объяснить на буддистском уровне, но как воссоздать эту глубину, скрывающуюся за обывденной жизнью — это совершенно непонятно. Недаром в книге под названием «Как стать писателем» (такая толстенная английская книга, в которой все написано — от композиции, сюжета до создания образов) под конец были такие слова: «Если вы хотите стать крупным писателем, забудьте о том, что тут написано». Поэтому в искусстве все-таки работает какая-то тайна. Ученый или философ-рационалист, как обычно это бывает в западной философии, может объяснить все, что он думает, все, что он создал. А в искусстве писатель, поэт может выходить за рамки и своего разума, и человеческого разума вообще. Так, например, считают в исламе и потому так почитают своих великих поэтов.

Чтобы написать рассказ или роман, я должен войти в определенное состояние, и только тогда я могу писать. Потом я заканчиваю, выхожу из этого состояния, начинаю перечитывать и часто прихожу в ужас от того, что написал. Особенно это касается ранних рассказов — циклы 60-х годов. Они наполнены изображением человеческого ада. Иногда у меня даже возникало желание перечеркнуть все это.

И то состояние... Оно необъяснимо совершенно. Совершенно необъяснимо. Ну, можно сравнить с тем, когда слушаешь музыку без слов —

Чайковского, Скрябина, Моцарта — и под влиянием этой музыки впадаешь в какое-то состояние определенное. Это влияние без слов. Сначала я входил из обычного, человеческого состояния в это состояние, писательское, с определенным усилием, а потом автоматически стал входить в это состояние, в котором рождались именно те образы, которые я и хотел, которые для меня характерны.

Все-таки проза, она требует такого... Особенно русская проза связана с философией очень сильно, как у Толстого, Достоевского, Гоголя. Кажется, я ответил на вопрос, который не поддается чисто рациональному толкованию...

Скажите, за время вашей жизни реальность менялась?

Окружающий мир менялся.

А есть ли разница между реальностью и окружающим миром?

Ну, это философский вопрос. Окружающий мир — это, конечно, реальность, но в философии реальность имеет несколько другой смысл. Скажем, в индийской философии реальностью называется только то, что неуничтожимо. А окружающий мир как раз все время меняется, гибнет... В нем происходят вот эти процессы исчезновения и возникновения. Ну а то, что неуничтожимо — это уже другой вопрос, это уже целая лекция должна быть. В моей жизни, конечно, окружающий мир менялся. Тридцатые годы, годы детства — это было одно, там что-то еще было от прежней России. Я родился в 1931 году, а большая часть населения страны родилась до революции. Это были люди, несущие менталитет дореволюционной России, немножко другой менталитет. Они были более мягкими, душевными. Во всяком случае, больше напоминали героев классики в этом отношении. Война и сталинские годы были очень напряженными. Это было что-то такое необычное, такой деспотизм... А потом уже эти советские периоды — бытовая жизнь, и в быту люди жили еще по традиционным представлениям. То есть сохранилось христианство, несмотря на то, что люди уже потеряли веру в Бога, но действовали они все равно по каким-то христианским принципам, просто исходя из любви, порядочности, честности. Сохранилось понятие, что человек есть образ и подобие Божие. Конечно, такие слова не употреблялись, но по существу... Отношения были все-таки нормальные, человеческие в советское время. А власть была чудовищно деспотическая. Довольно странная картина. То есть люди были хорошие, а строй был плохой. Я часто разговари-

вал с коммунистами, и они сами ругали свой коммунистический строй, особенно когда выпьют. Многие из них тайно верили в Бога. Было такое известное понятие, как двоемыслие. На официальном уровне люди говорили одно, а на неофициальном, в жизни — совершенно другое. Но это уже, пожалуй, веяния конца 60-х. Потом эмиграция. И совершенно другой мир — возвращение в совершенно другую Россию. В конце 80–90-х люди изменили свою социальную ориентацию, стали бороться за деньги, за выживание. Такая психология буржуазного общества, накопительская. И удивительно, что все равно был облегченный сталинский строй, такой полулиберальный советский строй Брежнева. И, наконец, такой ожесточенный хаос 90-х. Сейчас существует несколько типов социальной психологии, но внутренне люди не изменились. 14 лет я не был в России, приехал в другую Россию, но все равно чувствовал, что приехал в Россию. Нечто в людях остается неизменным, и именно это характеризует российскую цивилизацию, российского человека и русскую культуру. Это какое-то внутреннее ядро, остающееся совершенным.

Не могли бы вы, несмотря на волюнтаризм этого вопроса, сформулировать, о чем вы пишете?

О! Это колеблется от одного произведения к другому. Но в общем — это человек, не просто как биологическое или социальное существо, а как существо мистическое, существо вселенское, ищущее бессмертия, прикасающееся к нему, и вместе с тем существо, в котором может поселиться дьявол.

А для вас важно, что вы русский писатель?

Исключительно важно. Я, конечно же, вижу себя наследником русской литературной традиции, которая заключается в поисках человека: «Кто ты такое? Полубог или демон, или просто животное?»

Мы сейчас находимся в некоем центре скопления туристов, я смотрю на них и на вас, и в них не чувствуется такой inferнальной глубины, а есть ощущение декорации...

Вы говорите о глубине экзистенциальной, а inferнальный мир, он очень низок, да, и такой inferнальности, о которой люди просто не подозревают, полно в обыденной жизни. Уровень всего этого демонизма, по сравнению с теми глубинами, которые открываются в Абсолюте, в Боге — это мелкие глубины, так называемые сатанинские глубины, которые, конечно, меня никогда не интересовали. А вот то, что заклю-

чено в Боге, и, следовательно, в человеке — вот это действительно чудовищная глубина. Но вы совершенно точно сказали, что это отсутствует, и это естественно, потому что мы не в Сорбонне, мы не в Москве, не на философских кружках каких-то и не в Ватикане на богословском факультете, а в обычной толпе туристов, торговцев... Тут уже ничего не скажешь, таков современный мир. Хотя раньше, например, святого Серафима Саровского любой крестьянин из деревни понимал, потому что он жил этим. Простые люди были вовлечены в эту доктрину, в традицию православия, не было принципиального разрыва между народом и святым или мудрецом. Сейчас общество потеряло традиции, оно разделено. Кстати, Водолей, в котором мы живем — это, по некоторым представлениям, тысячелетие разделения. И будут люди, которых не будет интересовать даже собственная смерть, они будут жить только бытом. Связь между высокой культурой (я уж не говорю о философии) и людьми исчезает.

А как вы считаете, насколько этим миром управляет сознание?

Сознание делает этот мир таким, каким мы его видим, и человек фактически творит этот мир. То, что создано на Земле — создано сознательно, создано мыслью человека. Весь комплекс человека, способность мыслить создает этот мир. Другое дело — воля. Мысль как бы творит возможность создания любого мира — техногенного или основанного на магии, но свобода воли важнее, потому что человек может превратить мир в ад, а может создать более достойное существование. То есть направление воли играет решающую роль — что хочет человек, куда он стремится. Если он стремится к господству одних над другими, то мы имеем то, что имеем. Бог дал человеку свободу воли: человек может быть дьяволом, а может быть богоподобным существом.

То есть у времени есть некое сознание, которое наделяет общество определенными желаниями. И сейчас время желает быта... То, где мы сейчас находимся — магазины, бары, солнце, такси — это же такой общественный рай в представлении современного общества. Насколько такое представление о рае может измениться, как вы считаете?

Такой общественный рай, общественный муравейник — это, в общем, было и раньше. Дворянские классы Европы и России, выражаясь современным языком, жили в обществе изобилия, и тем не менее это не мешало им творить высокое искусство. Богатство было только средством. Фактически, дворянство создало культуру. И дело не в том, что люди за-

няты бытовой жизнью, а в том, заняты ли они кроме быта еще чем-то. Совершенно очевидно, что существует слой людей, которых по-прежнему интересует искусство, литература, религия, философия — духовная жизнь. В конце концов, и в искусстве, и в литературе, и в политике, и в науке всегда все решает меньшинство. Сегодня изменились какие-то координаты и соотношения, но в общем-то многое осталось по-прежнему. Стремление человека к преодолению смерти, к вечности, оно существовало всегда, как и всегда существовал быт. Но главное, что кроме быта, даже в обычной жизни, существовало еще что-то другое. В русских деревнях XIX века, когда крестьяне встречались друг с другом, они кланялись. Почему? Потому что видели в другом образ и подобие Божие. Они кланялись друг другу как иконе. Но цивилизация меняется. Какие открытия ждут впереди? И эти открытия могут определить сознание масс... ■

Беседовал Андрей Сильвестров.

ПОЧЕМУ РОССИЯ ВЕЧНА?

Газета «Завтра», 2014

Только что вышло переиздание моей книги «Россия Вечная». Название это — не просто метафора, книга эта философская и вместе с тем вполне доступная широкому читателю. Она посвящена русской культуре, русской истории и русской душе.

Сразу возникает вопрос: что в России вечного? И отвечая на него, начну с такого важного момента, что одна из глубинных национальных идей в России — это идея сохранения православия до самого конца мира, до конца времён. Сохранения в чистом виде, без искажений. Настоящая проблема в том, что со временем религиозное сознание падает и, следовательно, деградирует и профанируется учение, данное свыше. Это обычное явление. Мы видим, как в протестантизме происходит явное искажение евангельских истин. И это касается практически всех религий.

Поэтому одна из важнейших задач — сохранить очаги православия, сберечь истину. Когда наступит конец времён, это будет тяжёлое время для духовной жизни. И поскольку православие как религия, сохранившая первоисточник, является наиболее полным выражением христианства, его задача в том, чтобы даже в конце мира — во времена Антихриста — сохранить возможность спасения души после смерти. Именно в этом заключается великая формула «Москва — третий Рим, а четвёртому не бывать». Это не агрессивная формула. Это совершенно не касается политики, завоеваний или чего-то в этом духе. Это чисто духовная формула, так как два Рима были источниками христианства — Рим времён христианства, потом Византия, и Москва — третий Рим. Истинная задача сохранения православия выражается этой формулой.

В моей книге главным объектом исследования является русская идея, русская душа и Россия, как выражение этой души. Анализ поэзии Есенина, Блока, Пушкина, Тютчева, проведённый мной, показывает, что Россия хранит некую тайну своего бытия, некий высший смысл своего существования. Надеюсь, я довольно убедительно показал это для читателя. Ведь классическая русская литература явилась буквальным отражением русской истории и русской души. А русская душа и Россия — это в высшем смысле одно и то же. Россия — это макромир, русская душа, индивидуальная у каждого человека — микромир. Они связаны между собой. Эта тайна, это стремление к запредельному, выраженное в русской поэзии и в русской душе, как раз и является тем, что, я надеюсь, сохранится не только во всё историческое время, но и во всё время земное.

Поэтому слово «вечное» может иметь два значения. Одно обозначает длительное время, время до конца времён, до конца данного человеческого космического цикла. Другое употребляется для вечности в буквальном смысле этого слова. Когда мы говорим о последнем значении, здесь вступает в свои права высшая философия. И наиболее трудное в этой книге — это изложение русской идеи как всеобъемлющего космологического мировоззрения.

Одна из основных идей книги заключается в том, что русская идея не может быть полностью осуществлена в земной истории. Она настолько грандиозна, что неизбежно выходит за пределы земной истории. И поскольку, согласно Платону, все идеи должны найти свою реализацию, эта идея должна осуществиться в космологической России, в той России, где эта идея будет возможна. В каком виде — это уже другой вопрос.

В итоге, слово «вечное» относится уже к русской идее космогонического, духовного порядка. Под «космосом» я, конечно, имею в виду не физический космос, а весь космос духовный, невидимые миры, о которых говорит и православие, и любая религия. Там царит другое пространство, другое время, другая телесная оболочка. Это космологическая Россия.

Дальше, я вывожу её отношение к Абсолюту, к бесконечному Богу, который не дан как таковой в любом откровении, потому что в откровении даётся только один аспект — аспект спасения человеческой души. Сам же Бог настолько бесконечен, что выходит за любые пределы.

Отношение между Россией и Абсолютом раскрывается в этой книге как открытый аспект, проявляющийся, когда речь идёт об исследовании русской души, русской культуры, русской истории и всего того, что в ней вечно и сохранится до конца времён, так и аспект, относящийся

к русской идее, как к всеобъемлющему мировоззрению, имеющем отношение уже и к небесным, и к космогоническим сферам.

Помимо всего прочего, в книге много статей, посвящённых Есенину, Достоевскому, Блоку, Толстому. Описываются даже такие личные моменты, каким образом на Западе, в Америке я пришёл к такому пониманию России, и почему это понимание возникло именно там. Можно сказать, большое видится на расстоянии, но дело, конечно, не только в этом.

И наконец, в моей работе есть главы «Великая Россия» и «Россия духа и земли», которые относятся непосредственно к нашей земной ситуации, конкретно к нашей России. В них я подробно расписываю, что, с моей точки зрения, делать и к чему стремиться. Описаны все аспекты нашего бытия. Начиная от отношения между людьми, когда в каждом человеке мы чувствуем свою Россию и самого себя, до других сложных моментов нашего существования. Таких, например, как критическое состояние в данный исторический период. Там не сказано, как выходить из этого. Для этого нужна полная информация, которой владеет руководство страны. Но указана цель, к которой, мне кажется, в ближайшие десятилетия должна идти наша Россия.

Эта книга очень дорога мне. Потому что эта книга о России, но эта книга и о нас, о русских людях, ведь это, в конечном счёте, одно и то же. Внутренняя Россия души нашей, и Россия — как страна.

«Россия вечная» — не национализм. Поскольку уважение к другим народам свойственно нам, это наша традиция. Когда русская империя расширилась от Польши до Тихого океана, к малым народам всегда было очень терпимое отношение. Насильственно не обращали в православие, в христианство, как это бывало у других народов, и даже присягу императору иногда давали под бубен шаманов. Терпимость была свойственна русской идее. Именно поэтому малые народы получили свою государственность в пределах Российской империи, а затем в границах Советского Союза.

Также эта книга, естественно, и не религия. Религия даётся свыше, религия — это откровение. А это — создание человеческого разума. Но эта книга — не просто патриотизм. Патриотизм, конечно, входит в это мировоззрение, но это только одна из его черт. Кроме того, аспект здесь делается на духовном патриотизме. Патриотизме, основанном на любви к России-духу, а не только к видимой России.

Я думаю, что в такое критическое время как наше, она очень актуальна. Несмотря на все трудности, есть всё же надежда, что Россия вновь станет великой страной. И духовно, и материально. Она всегда та-

кой была. В нашей истории часто бывали моменты, когда казалось, что русское государство погибло, потонуло в противоречиях. Но вдруг Россия выходила опять ещё более сильной, чем была. Так было во многие периоды и в Смутное время, и после татарского ига, и после Октябрьской революции. Надеюсь, это будет и теперь, после того, как 90-е годы совершенно разрушили страну. Сейчас идёт процесс возрождения. Он будет, конечно, трудным, но возрождение есть возрождение.

Очень многое сейчас зависит от состояния русского народа: без его участия, без его энергии никакое восстановление России невозможно. Русофобия, распространённая в 90-е годы, была очень опасна. Она разрушала психологическое состояние русского человека и, если бы это получило распространение, это могло бы погубить страну. Поэтому восстановление духовного патриотизма, вера в свою страну, поиск источников энергии в самих себе — это то, что сегодня очень важно, несмотря на все трудности. Мы о них знаем. Надеюсь, они будут преодолены.

Обращаясь к нашим людям и, в особенности, к молодёжи, я бы хотел предложить совершенно понятную триаду: «Личность. Вера. Родина». Когда мы говорим о личности, надо понимать, что очень важно, чтобы молодёжь была образованна, чтобы было такое многоцветие в душе. Расцвет личности означает, что человек находит себя, своё место в жизни. Доступ к образованию и становится таким маленьким космосом, который отражает, по крайней мере, земное бытие. Поэтому становление личности — неимоверно важно. Очень возможно, что этому мешает современная система образования. Но есть великая вещь — самообразование, и сейчас оно доступно через Интернет.

Позитивным шагом в направлении улучшения нашей системы образования я считаю создание единого учебника русской истории. 50-70% учебников, распространявшихся в 90-е годы, просто очерняли русскую историю. Это была наглая русофобия, иначе не сказать. Совершенно искажались факты. Поэтому новый единый учебник просто необходим. Учебник, где не будет приукрашивания, но будет подчёркнуто то, чем мы объективно должны гордиться. Представление, что мы живём в великой стране, всегда сопровождало русскую историю, и это чувство просто свойственно народу. Когда были опросы о том, чего России недостаёт сейчас, многие отвечали: социальной справедливости и ощущения того, что Россия — великая страна. Но объективно, мы уже сейчас великая страна, ведь великая страна — это, прежде всего, страна, великая духом, а Россия всегда, даже в 90-е годы, была таковой.

Второй момент, который важно подчеркнуть — это вера. Здесь можно просто подойти с прагматической точки зрения, потому что атеизм (отрицание веры вообще, материализм, индифферентность) означает только одно — торжество смерти над человеком. Это совершенно очевидно, потому что отрицается вечная жизнь. Атеизм превращает человека во что-то, что даже ниже животного. Вера просто необходима человеку, чтобы быть нормальным. А нормальный человек — это образ и подобие Божие. У нас есть Божий дух, Божье подобие, и нам нечего бояться смерти. Религия абсолютно необходима, потому что религия означает торжество жизни над смертью. Вот и выбирайте: или торжество смерти над жизнью, или торжество жизни над смертью. К сожалению, современная цивилизация в значительной мере погружена в смерть.

И последнее. О Родине. Важно понимать, что существует просто официальный патриотизм. Такой, слишком внешний. В России это всегда не особенно приветствовалось. Но есть и глубокий патриотизм, связанный с духовностью, с чувством Родины, что я и Родина — это одно и то же. Что Россия внутри нас. А если Россия внутри нас, то как можно не любить Россию? Пропаганда нелюбви к России, которая велась в девяностые годы — это путь к потере независимости страны. Исторически доказано, что народ, который не любит себя, свою Родину, рано или поздно ассимилируется или завоёвывается. Из этого становится понятно, почему велась такая пропаганда отрицания и негативного отношения к России как таковой. Всё это надо преодолеть и, слава Богу, это преодолевается.

Всем нам известен завет: «возлюби ближнего как самого себя», совершенно очевидна и формула «возлюби Родину как самого себя», потому что это и есть мы, это и есть самые ближние. Поэтому очень важно верить в это триединство «Личность. Вера. Родина». А ещё, не падать духом, а, наоборот, проявить ту силу духа, которую проявлял русский народ тогда, когда, казалось бы, Родина была на краю гибели. Она восстала после татарского ига, после Смутного времени, после революции и, надеемся, восстановится и сейчас.

Я обращаюсь к молодёжи, чтобы она сохранила тот дух, который был свойственен русскому народу и всем нашим братским народам в минуты испытаний. Испытания продолжаются, и выдержим мы эти испытания или нет — зависит от нас. Не только от Бога, но и от нас, потому что в истории человечества всегда два участника: Бог и человек. Наша воля должна быть направлена на сохранение России, Бог спасал Россию. Но спасение

происходит только тогда, когда сами люди хотят спастись. Как говорится в простой русской пословице «На Бога надейся, а сам не плошай».

И ещё одна очень важная вещь. Мы существуем на Земле не одни. Вокруг много государств, достойных народов. При всей разности ментальности между народами, при всей очевидной разнице между странами, с их историей, культурой, при всей очевидной многополярности мира, которая является фактом, изменить который невозможно, важным моментом является установление нормальных отношений с основными игроками мировой истории. При всех глобальных столкновениях, которые имели место в истории XX века, сейчас наша задача в том, чтобы остановить этот тяжёлый ход мировой истории. Ведь если поглядеть на всю историю человечества, то мы увидим, что она настолько наполнена войнами, кровью, смертью, что напоминает историю мирового людоедства. Поэтому, я думаю, что задача России должна быть в том, чтобы вопреки всем различиям и современном столкновении исторических интересов установить нормальные и даже дружественные отношения с Западом, Китаем и Индией. Это очень важно. Россия может быть пропагандистом, двигать идеи мира и сотрудничества между народами разной ментальности. Эта разная ментальность несколько не мешает установлению сотрудничества. И, самое главное, поможет избежать мировой катастрофы.

Предотвращению глобального столкновения (а стран, владеющих ядерным оружием, становится всё больше и больше), идее сохранения мира и сотрудничества между разными странами, я думаю, должна посвятить себя Россия. Чтобы, в конце концов, разрушить этот порочный и страшный характер мировой истории, залитый кровью и страданиями миллионов людей. Ради спасения человечества, ради мира нужно найти нормальные пути сосуществования с совершенно разными мирами. Я надеюсь, что таким путём будет сохранено самое главное — жизнь на земле. ■

ЮРИЙ МАМЛЕЕВ О СВОЕЙ ЖИЗНИ

Когда вы осознали в себе литературный дар? Вы помните этот момент?

Возможность писать обнаружилась внезапно. До этого я пробовал что-то сочинять, но рассказы получались очень гладкие, литературные, они ничего с собой не несли. А писатель прежде всего должен создать и образовать свой собственный мир, свой космос, свой взгляд на самые главные вещи: от Господа Бога и Родины и до всего, что нас окружает. И так получилось, что, когда я шел по Тверскому бульвару, где тогда еще стоял Пушкин, на меня снизошло озарение. Оно состояло в том, что я увидел мир другими глазами. Это произошло интуитивно, необъяснимо. Попросту говоря, я понял, что человек — это не только то, что мы видим. За этим зримым есть еще скрытый внутренний мир, который человек может сам не осознавать. Я увидел этот внутренний мир, эти скрытые силы в человеке глазами писателя. И сразу почувствовал, что должен писать книги. Образцом в этом для меня всегда была русская классика: Достоевский, Толстой, Тургенев. Там была выстроена гигантская вертикаль. В их книгах есть не только изображение разных типов людей — то есть изображение мира по горизонтали, — но и изображение человека как существа, в котором Бог и дьявол борются за его душу. Я же увидел этот аспект в том свете, который был характерен для двадцатого века. Потому что человек в новом веке сильно изменился. В моем озарении было видно, в какой мрак погружен мир. И для меня было интересно описать, в какое состояние впадает душа в такое время. Основная трудность была в том, чтобы подобрать язык, приемы, посредством которых можно открывать сюрреальное, мистическое. Совершенно естественно, что такая литература не имела никаких шансов на публикацию в СССР. Если

бы я отправил это в советское издательство, то меня ждали бы большие неприятности. Причем в моих вещах не было ничего политического или антисоветского. Однако цензура была такова, что малейшее отклонение от норм социалистического реализма было наказуемо. Но это было справедливо, так как это было связано не с произволом и варварством, а с глобальной идеей советской власти о построении нового человека. А литература в России всегда была мощным оружием воздействия на человека, она творила характеры. Другое дело, что проект этот не удался, хотя кое-что и получилось все-таки. Но это был в полной мере утопический проект и одновременно очень жестокий.

В духе двадцатого века.

Да. Надо сказать, что всю всемирную историю можно назвать историей людоедства. Войны шли всегда, кровь лилась постоянно, я уж не говорю о колониализме, стремлении одних народов подавить, уничтожить другие, и люди настолько к этому привыкли, что считают это нормальным. На самом деле это страшная аномалия. Ни один вид не уничтожает сам себя, кроме человека. Поэтому христианство считает этот мир падшим, хотя человек сам по себе божественного происхождения и, так как он стоит над природой, в нем есть бессмертие. Но это не повод для грусти, это вызов, испытание. Человек, несмотря на самые страшные времена, должен остаться человеком, и духовным человеком, и жить по принципам любви.

Как вы подготавливали себя к тому, чтобы начать видеть незримую часть зримого? Что вы читали?

Наш круг тогда интересовался всеми аспектами духовной жизни человека, тем более что все это было полузапрещено. Но нужно отделить литературную практику от религиозных исканий. Как видеть мир глазами писателя и творить свой космос? Это необъяснимо, это рождается само. Что касается религиозного поиска, то для большинства из нашего круга было понятно, что православие является истинным христианством, так как оно обращено к первоисточкам. Но мы с большим вниманием и уважением относились и к мусульманству, изучали и его тоже. А что касается философии, то мы шли вполне классическим путем: сначала философия немецкая, Кант, Гегель, Шопенгауэр, затем русская. Также нас невероятно обогатило знакомство с индийской философией, она намного превосходит европейскую по глубине мысли и богопознания.

Расскажите про ваш Южинский кружок. Он сейчас в миф превратился.

О Южинском переулке ходит много легенд, порой довольно диких, но я скажу точно, что в центре всегда было чтение моих рассказов. Тогда по городу пролетел слух, что родился советский Кафка. Хотя я считаю, что на Кафку мое творчество совсем не похоже, я больше связан с Достоевским. Но интерес был огромным, причем были очень разные люди — от простого советского рабочего, который усиленно интересовался литературой, до диссидента Володи Буковского. А также Сапгир, Рабин, Зверев, Холин и, конечно же, Леонид Губанов, которого я считаю лучшим поэтом второй половины двадцатого века. Все это были люди, которые по-настоящему любили литературу, во время чтений вся квартира, все слушатели доходили до экзотического состояния. Это напоминало античные времена, когда не издавались книги, а учение преподавалось в устной форме. И действительно, у меня были ученики, они появлялись сами, часто помимо моей воли. Даже Сорокин в свое время говорил, что считает себя моим учеником. Со всем этим мы, разумеется, были на виду у властей. Мы же, мягко говоря, не любили советскую власть: большинство из нас в духовном плане считали себя представителями старой, исторической России, а большевизм сломал ей хребет. В это время проходили процессы Солженицына, Синявского и Даниэля, но это был другой мир, мир, рожденный внутри советской парадигмы. Но шум вокруг этих дел сыграл для нас позитивную роль. Было решение, как мы знаем теперь, избегать громких процессов в отношении подпольных писателей. Конечно, наши произведения органы читали. Но поскольку у меня не было ничего политического, меня не трогали ввиду возможной реакции на Западе. А потом мы уехали в Штаты. Хотели остаться, но неожиданно вышел такой указ, что даже передача книги на Запад для публикации любого самиздатского произведения могла стать поводом для уголовного преследования. А все-таки писатель должен быть публикуемым.

Как вам жилось в Америке?

После СССР Америка была другой планетой. Сейчас-то разрыв сократился, все похоже стало. Хотя эти «Макдоналдсы» — это чисто внешнее явление в России. У нас, несмотря ни на что, все равно другая ментальность. Вот Батагов переехал в Америку, но остается русским композитором. Это так просто не искоренить. Разница же на тот момент была колоссальной. Там все очень формально, поверхностно — можно час сидеть в кругу видных профессоров и обсуждать только погоду. А на Южинском

мы только о запредельном и говорили. Вот самый лучший пример отличий: мы были на какой-то встрече и спросили профессора литературы, читал ли он Фолкнера. Он ответил, что никогда не читал, потому что занимается французской литературой XVIII века и, мол, ему это не надо. То есть культура рассматривается как один из способов заработка. А для нас все классики, все их персонажи были практически как родственники. И еще мощный момент — русофобия. Мы-то ехали и думали, что все это лишь борьба систем. Но на самом деле столкновение оказалось куда глубже. Оказалось, что не антисоветский дух, а антирусский. Если есть какие-то достижения СССР, то пишут «Советы вышли в космос», а если что-то негативное — «Русские вторглись в Афганистан». Мы говорили со многими людьми, в том числе и с местными политическими деятелями, и они отмечали, что для них неприемлема Россия как таковая, даже демократическая. И наконец, там постоянная мода на идеи. Сначала марксизм, потом экзистенциализм и так далее. А в Москве у нас как было? У каждого свой поиск.

Как вы считаете, есть люди, абсолютно невосприимчивые к вещам мистического характера?

Это вопрос антропологический. В обычное время значительная часть людей живет просто бытом, обычной жизнью. Вот сейчас на Западе есть такое понятие, как индифферентизм. Равнодушие к вопросам религии. Это не атеизм, атеизм требует позиции и четкого осознания отсутствия высшей силы. А вот индифферентизмом наполнен весь мир. Люди интересуются только собой, только бытом. Но культуру, политику и науку всегда делало меньшинство.

В своих книгах вы противопоставляете друг другу два понятия — оккультист и эзотерик. В чем разница?

В древности существовали так называемые тайные науки: астрология, алхимия, предсказательство и другие. Это были традиционные герметические науки, основанные на простом факте контакта с невидимым миром, который легко достигался в древнем мире. Потом наступил период, когда занавес опустился по целому ряду причин. И ключи к этим наукам были потеряны. Оккультизм же родился позже, в XVII–XVIII веках, и означал увлечение этими тайными науками. Оккультизм — это, попросту говоря, профанация, хотя и там были какие-то проблески истины. Мы никогда не занимались оккультизмом.

Наверное, поэтому так изменилось отношение к смерти?

Безусловно. Еще Сомерсет Моэм отметил, что в конце девятнадцатого века неожиданно произошел перелом. До этого люди умирали с улыбкой, полные веры и уверенности, что они переходят в иной мир и что ничего страшного в этом нет. А затем с распространением атеизма и материализма в отношении смерти возник совершенно жуткий страх небытия, исчезновения навеки. Поэтому я считаю, что атеизм — это такой капкан, который порабощает человека. Религия означает любовь и победу над смертью, а атеизм — это абсолютное торжество смерти. И весьма странно, что атеизм в Советском Союзе связывался с оптимизмом. Это абсурд.

Но все-таки вы же сами считаете, что Бог милостив...

Конечно. Но поскольку вселенная устроена так, что человеку дана полная свобода воли, он способен избрать и путь, обратный от спасения. То есть, грубо говоря, человек осуждает сам себя. Это так же, как если злостный уголовник, мрачный тип, попадает на концерт классической музыки — он не выдержит там и пяти минут. И так же грешнику в раю — просто некомфортно, он привык к атмосфере зла и насилия, к которым его влечет натура. И представление о вечном аде — это явное преувеличение. Вечен только Бог, ад — это временное решение. Хоть и очень неприятное.

Подавляющее большинство персонажей ваших книг стремятся к запредельному, но не через светлые способы, а через темные. Как вы считаете, если человек идет через мрак, это на нем сказывается?

Мрак тоже есть разный. Настоящий мрак — это тот, что не допускает человека до веры, оставляя его на положении животного, это даже ниже демонического уровня. Но есть в человеке некая тайна, потому что он создан так, что одна его часть устремлена вверх, а другая уходит вниз, в темное пространство. В человеке все соединено: и мрак, и свет. Бог дал человеку полную свободу, в том числе свободу быть богоборцем. Существует такое положение, выраженное в богословских книгах: чтобы найти истинный свет, надо познать истинный мрак. Собственно, это классический эзотерический путь. Литература опасна тем, что вы волей-неволей, описывая человека, следуете всему, что есть в мире. А в мире есть такое, что и не приснится. Что-то такое и должно происходить с моими читателями, через ужас они постигают катарсис и очищение.

Что бы вы посоветовали тем, кто еще не познал катарсис?

Я бы выразил это в такой триаде: познание личности, веры и родины. В чем она заключается? Личность — нужно найти самих себя, исследовать многоцветие разных аспектов бытия. Что до веры, то без нее человек себя обрекает на полную отрезанность, на беспомощность — до смерти и после смерти. Это абсурдная ситуация, когда в человеке заложен образ и подобие Божие, а он от самого лучшего, что в нем есть, отказывается. У нас есть много абсурдов в жизни, но это самый тяжелый по своим последствиям. Ведь конечная цель личности — это победа над смертью. Мы жили в то время, когда еще оставались люди, которые родились в исторической России, и я спрашивал их, в чем же разрыв между людьми их поколения и нашего. И ответ был однозначный: тогда люди были жизнерадостней. Все это благодаря вере. И последнее, Родина. Да, патриотизм всегда использовался властью в своих целях. Но есть патриотизм духовный, патриотизм внутренней России, мистической. В душе каждого человека рождается его Россия. ■

Беседовал Феликс Сандалов.

ДУХОВНАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ БЕССМЕРТИЯ

Тема данной статьи — «духовная реализация бессмертия». Прежде всего, надо установить этот термин, бессмертие. Речь идёт не столько о бессмертии, поскольку это негативный термин, а о вечности как таковой, то есть о состоянии безначальном, неуничтожимом и существующим всегда и везде.

И вопрос у нас стоит о том, каким образом человек сможет достигнуть этого состояния.

Я начну, так сказать, с описания попыток в этом направлении, в сфере метафизики, философии. Это не религиозный путь, это путь чисто метафизический, путь духовного знания и духовной практики.

Я расскажу об этом с позиции Веданты, поскольку Веданта, в частности адвайта-веданта, является одной из древнейших метафизических философий, если можно так выразиться, хотя это и не религия, и не философия в западном понимании этого слова. Поэтому назовём её метафизикой. И ещё это, конечно, самопознание, что с позиции Веданты равносильно Богопознанию.

Дело в том, что древние арии, часть из которых были русскими, пришли в Индию и принесли туда Упанишады, Веды и в частности Веданту как заключительное учение ариев и браминов о сущности человека и о его отношении к Богу и к миру. И основная философски-метафизическая страсть этих людей была направлена на одну единственную цель. Дело в том, что человек может обладать очень многим — он может владеть миром, может достичь того, что его тонкое тело будет переноситься на другие планеты, в другие миры (не физические, конечно), и владеть этими мирами, может управлять своим будущим рождением и т.д. Но это касается только тварного мира, а всё, что существует в тварном

мире, возникает, исчезает и вновь возникает. С точки зрения брамина, это некое полубредовое состояние, в котором отсутствует самое главное — нечто неуничтожимое, вечное. Поэтому главная страсть браминов была направлена на познание в человеке того, что никогда и ни при каких условиях не будет уничтожено, т.е. того, что вечно, того, что лежит и по ту сторону смерти, и по ту сторону бессмертия. Это состояние в религиозной практике, в частности в практике нашего великого православия, называется образом и подобием Божиим, в других религиях просто Богом, но мы будем оперировать не религиозными терминами, а исключительно терминами метафизического, духовного знания.

Речь идёт об Абсолюте. Это то же самое, что Бог в Самом Себе. И когда речь идёт об этом состоянии в человеке, то какие источники были у браминов, принесших великие духовные знания в Индию и сделавших ее Индией Духа? Что об этом известно? Один источник — это откровение, то есть то, что приходит «сверху» в виде учения, в данном случае в виде Упанишад и Вед, которые приносят определённые люди, пророки. Сначала эти знания были выражены в устном предании, потому что книги, и вообще записи считались в древности чем-то профаническим.

И вот эти знания подтверждались духовной практикой великих мудрецов Индии и представителей других течений. Поэтому то, что я буду рассказывать, подтверждено всей традиционалистской философией, охватывающей метафизические течения и учения других народов и стран. И как ещё мы можем это подтвердить? Если уж мы опираемся на эти священные источники, подтверждённые опытом тысячелетий, необходимо доказать и подтвердить это на своём личном опыте или, по крайней мере, на личном опыте наших современников.

Я начну с того, что говорит Веданта и что подтверждают древние мудрецы (Шанкарачарья и другие), а потом перейдём к непосредственному опыту современных людей. То, о чём говорится в Веданте, в общем, довольно просто: в метафизике теория неотделима от практики, без практики теория бессмысленна, а практика без теории (без чистой метафизики) невозможна. Само метафизическое учение говорит, что человек устроен таким образом: его высшая часть — это образ и подобие Божие, которое в Индии называют Атманом. Это некое скрытое в человеке. Для современного человека, к какой бы традиции он ни принадлежал, оно скрыто. Это дано всем людям, но дано потенциально. Если бы это было дано актуально, то мы бы с вами жили в совершенно другом мире, чем этот ужасный физический мир.

Атман — это высшее Я. Это то высшее Я, которое одновременно, согласно учению веданта-сутры, существует в самом Абсолюте. То есть это высшее Я является абсолютно однородным высшей Личности, высшему Субъекту. Никакой разницы между ними нет. Это абсолютно однородно — Бог находится в самом человеке, но в скрытом виде. Образ и подобие Божие — фактически то же самое.

Это учение называется недуализмом. Почему? Потому что здесь, хотя бы потенциально, пропасти, двойственности между Богом и человеком не существует. Поскольку в человеке потенциально присутствует образ и подобие Божие, и то, что Христос принёс на землю, — это тоже преодоление пропасти между Богом и человеком.

Атман «одет» в две основные «оболочки», которые тоже присутствуют в человеке, но потенциально: чистое сознание и чистое бытие. Что это такое, мы разберём, когда будем говорить о практике, но сам термин указывает на то, что чистое сознание — это сознание само по себе, сознание в самом себе, сознание нефункциональное. Когда я говорю: «я человек», «я учитель», «я воин», я определяю себя как эго, как человека. Высшее Я не имеет отношения к эго, это «Я есть Я», только сияющая, неподвижная реальность — как солнце. Когда Шанкарачарья умер, от него отделилось это духовное сияние; оно прорвало физическую оболочку мира, и сияло, и уходило.

Кроме того, буддхи, или высший интеллект, — это не ум, это интеллект, который Рене Генон называл «интуитивным», т.е. мгновенно познающим всё, что нужно. Это не аналитический ум, это не ум вообще, и он тоже скрыт в человеке, но он может (в той или иной степени) проявляться в творчестве. А вообще, это такой интеллект, который познаёт реальность прямым образом, так, как, например, мы видим вот эти цветы.

И вот это высшее, что скрыто в человеке, проецируется на его физическую оболочку, на физический мир и образует человека как такового. Высшее Я образует наше эго — то «я», с которым мы себя ассоциируем, проекция буддхи порождает ум, вот это сочетание эго «я человек», «я учитель» и т.д. Кроме того, проекция высшего интеллекта в наш физический мир образует ещё другие оболочки, уже связанные с физическим миром; это тонкие оболочки, которые образуют собственно физическое тело и которые продолжают существовать, когда физическое тело отбрасывается.

Таково строение человека согласно Веданте. Высшая цель человека — выйти на скрытое высшее Я, о котором только что шла речь, и на

те его проявления, которые первичны к нам, а именно — чистое сознание и чистое бытие. Потому что если вы реализуете эту возможность, как бы скрытую в каждом человеке, то вам совершенно обеспечена возможность той вечности, о которой грезили древние люди.

Теперь перейдём к практической стороне дела. Как это реализовать? Есть, вообще некие пути к этому, если так можно выразиться. Проблема состоит не в том, что есть пути, а в том, что есть путь или его нет, по крайней мере, в современном человечестве (включая древнее человечество Кали-юги), высшее Я реализуется, к сожалению, очень трудно. Казалось бы, с одной стороны, это удивительно просто, а с другой — получается так, что человек, зная об этом и зная даже некоторые методы, не выходит на этот уровень. Просто это так же, как талант: либо он есть, либо его нет. Это вот одна проблема.

Самое удивительное, что временами это высшее Я проявляет себя в самом обычном человеке. Но он даже не подозревает об этом. Это бывает в момент какого-то внезапного озарения, даже счастья, которое может охватывать человека в какие-то мгновения его жизни. Возникает какое-то сияние, но оно секундное, и человек даже не подозревает, что это такое.

Но, что касается, так сказать, апробированной тысячелетиями практики, то в древности люди легко достигали этого высшего состояния, в наше время дело обстоит, мягко говоря, несколько хуже, но в будущем снова будет легче — когда кончится эта чудовищная цивилизация голого чистогана, чистого материализма, которая обрекла человека на чисто внешнее существование, бессмысленное и просто бредовое. Как писал Толстой, «жизнь без духа есть безумие». Это безумие овладело миром, и кончится это очень плохо для мира, в котором мы живём. То есть момент коренной смены цивилизаций неизбежен.

И вот, давайте поговорим о пути. Потому, что пути-то нет, но есть всё-таки некая подмога в этом отношении.

Первый путь связан с медитацией. Любая медитация начинается с концентрации. Лучше медитировать о чём-то абстрактном, например, о красоте. Не обязательно, скажем, о цветке, но красоте как таковой, об идее красоты. Лучше брать какие-то платоновские идеи для медитации и сконцентрированно думать о них. Вот и всё.

В процессе медитации может наступить такой момент (и вы его можете добиться, естественно), когда медитация прекращается. И вот в этот момент прекращения должен совершиться скачок от потока мысли в некое иное состояние, которое как раз и есть то состояние (я его

подробно опишу) чистого сознания. Проблема состоит в том, что это может возникнуть, но может и не возникнуть.

Путь медитации, можно сказать, самый традиционный, но он основан на том, что проникновение в это состояние, первый шаг — это полное прекращение мыслительной деятельности. Почему? Потому что мысль связана с тварным миром. Мысль создаёт этот мир, разум управляет этим миром. То есть мир создан благодаря мысли, но в случае медитации мы переходим в нетварный мир, в мир Абсолюта. И здесь мысль должна прекратиться. Но вместо мысли возникает не пустота, а нечто иное, а именно состояние чистого Я, чистого бытия, чистого сознания, о котором я говорил. Потом мы скажем о качестве этого состояния, чтобы человек мог отличить его от чего-нибудь другого.

Другой путь был предложен великим духовным учителем XX века Шри Рамана Махарши. Это человек, которого вся миллиардная Индия почитает как Бхагавана. Бхагаван означает — человек, осуществивший Богореализацию при жизни. Это редчайшая вещь, тем более в наше время. Считается, что он осуществил это, хотя на самом деле принято думать, что полная Богореализация осуществляется уже при выходе из физического мира, потому что физический мир, наш мозг, когда он является инструментом для выражения сознания на материальном уровне, слишком ограничен, чтобы выразить всю реальность Абсолюта, это понятно. Это лишь некая начальная ступень, потому что когда Бог, или Абсолют, входит в человека, то Он неизбежно умалается, «теряя» возможности для полного выражения. Поэтому понятие «полная Богореализация при жизни» условно, но оно реально в том отношении, что человек осуществил природу Абсолюта, выразил её. И после смерти, когда все преграды разрушаются, человеческую душу встречает проводник — нечеловеческое существо, подобное солнцу — и проводит его в так называемую атмалоку, то есть место, где человеческая сущность полностью очищается от всего человеческого и входит в Божественную, Абсолютную Реальность. А что там — об этом потом.

Рамана Махарши предложил тот метод, какой использовал сам. Надо сказать, что жил он в XX веке, происходил из семьи браминов, и мальчиком его неожиданно потряс факт смерти, существующий в человеке. И он дал себе слово, что до тех пор, пока он не раскроет эту загадку, он вообще не будет жить в этом мире. И он впал в глубочайшее состояние даже не медитации. Сначала, конечно, была медитация, но потом — созерцание. Он просто лежал, буквально, как камень, в пещере, иногда

выходил, ему давали какую-то пищу, воду, и он уходил опять и погружался в глубокое состояние созерцания.

Его метод называется «самоисследование». Это, конечно, глубокий опыт. Этот метод состоит в том, что человек обращает свой ум... (метод, конечно, тоже с помощью ума... но потом ум исчезает). Человек задаёт себе вопрос: кто я? И сам отвечает: что, я — эта кожа? Конечно, нет, не кожа. Я тело? Разумеется, нет, не тело. И я что — психика, душа, так называемая поверхность души? Конечно, нет, потому что всё это временно, это всё связано с этим миром. А вот то вечное я не найду здесь, на уровне беспокойного ума, на уровне наших сновидений, психических реакций, того, что мы называем душой. Очевидно, что это всё настолько временно, что смешно об этом говорить, как о вечном.

Рамана объяснял так: когда задаётся этот самый последний, отчаянный вопрос: «кто я?», возникает ответ — это высшее, чистое Я, которое можно охарактеризовать как «Я есть Я». «Я есть человек, полководец, врач», кто угодно — это всё земное. «Я есть Я» есть чистый Дух — то, что в религиях называется Богом, а Бог — это и есть Дух. Иного определения нет ни в одной религии, это и есть Дух, а то, что называется Духом — это совершенно иное, чем душа, абсолютно иное.

И вот возникает это единство — «Я есть Я». Это конкретно возникает в сознании, и время как бы останавливается; человек просто переходит в совершенно иное состояние, чем обычное, связанное с потоком мыслей. И, как первый этап, возникает чистое сознание, то есть сознание, которое сознаёт только себя. Когда я говорю: «Я вижу стол» или «я снимаю очки» — это сознание, которое функционирует, т.е. то, которое входит в мир и даёт возможность существовать человеку. Чистое же сознание не феноменально; это сознание, которое сознаёт только себя и больше ничего. И оно бесконечно, потому что сознание бесконечно, и это есть первая оболочка Атмана и сам Атман.

Что такое чистое бытие, объяснить труднее. Но это тоже бытие, очищенное от всего, это также относится к категории Бога, Абсолюта, потому что всё, что мы видим, — это тоже бытие. Но это бытие основано на том, что есть Бог, на том, что бытие и Бог, в общем, одно и то же. Потому что «подкладка» всего существующего есть некое бытие как таковое. Это есть и в христианской философии, и в суфизме... Это бытие, очищенное от всего феноменального, бытие в самом себе, бытие как таковое, но без этого бытия вот этот, так сказать, «нарост» на нём, который мы видим как мир, не существовал бы. Чистое бытие подобно поверхности зеркала. Всё, что в нём отража-

ется, это уже миры; эти миры могут делать всё что угодно, даже убивать друг друга, но без этого зеркала они не могут существовать, потому что оно определяет сам принцип бытия. Это чистое бытие есть принцип бытия.

И вот, благодаря выходу именно на эти моменты, сначала на несколько секунд, затем, путём упорного воздействия, как это делал Рамана с помощью своей практики, это возникает более или менее постоянно, всё чаще, чаще и чаще. И очень редко, в исключительных случаях, это бывает так, как это было у Шри Рамана Махарши — как постоянное состояние, даже во сне. Человек уже фактически не спит — он видит себя, своё высшее Я, и сновидения, если они возникают, то проходят как что-то такое отдалённое, неважное. И, если это состояние постоянно, то это есть то, что условно называется «полной Богореализацией при жизни», которая, конечно, «полная» только в том смысле, что человек открыл в себе природу Бога и после своей смерти он её уже реализует в «нормальном» виде. Но мы этого коснёмся дальше.

Никогда всё это не будет понято, если мы не обратимся ко Льву Толстому и к одной заметке в его дневнике, которая конечно, когда её читаешь, не зная, к чему двигался Толстой, вызывает просто возмущение. А слова это такие: «Моя душа — не есть нечто божественное. Это есть Бог». Конечно, подобная фраза, прозвучавшая во времена, когда о той традиции, о которой сейчас идёт речь, практически ничего не было известно, была воспринята как вызов, как какой-то чуть ли не демонизм. Как сказал о Толстом один его современник, «я ещё не видел человека, обладающего такой чудовищной гордыней». На самом же деле заметка Толстого ни к какой гордыне отношения не имеет; он просто спонтанно, сам не подозревая об этом, вышел не на состояние Бодхисаттвы, как о нём писалось, а на то же состояние, на которое вышел Рамана; он просто не определял его этим названием, но суть была той же. Поэтому памятник Толстому стоит теперь на главной площади великой Индии. А эта Индия создана, фактически, ариями, часть из которых, как я уже говорил, были русскими.

И ещё один путь. Это древний путь браминов. Он основан на том, что они (брамины) произносили определённые формулы — это не мантры, это такие метафизические выражения Богопознания, наподобие «Я есть Я», как у Шри Рамана Махарши. У древних браминов существовали два таких выражения, которые вели к Богореализации. Они очень просты, и звучат так: «Я есть То» и «Я есть Брахман», потому что Брахман — это Абсолют, идентичный Атману. Атман — это Субъект Абсолюта, Абсолютный Субъект. Брахман — это как бы объективный Абсолют.

В книге одного великого последователя Шанкары «Реализация Абсолюта» один из оппонентов автора спрашивает его об этих метафизических «формулах»: «Если вы говорите, «я есть слон», это же не ведёт к тому, что вы становитесь слоном?» Автор отвечает: «Конечно, нет, потому что в реальности я не могу быть слоном. Но когда я произношу «Я есть То», «Я есть Брахман», высшее Я, которое существует во мне, отзывается на эту мантру, на эту формулу, потому что я действительно есть То».

«То» — это, конечно, именно то необъятное «То», необъятная реальность, которая включает в себя не только Атман как субъект, но и всё неопишуемое, что содержится в Абсолюте. Вот это из таких важных моментов.

Что можно сказать дальше? Каков, собственно говоря, может быть итог всего этого? Что впоследствии? Согласно всему этому учению и практике, согласно всей этой космологии и традиционалистской философии происходит следующее. Если душа достигла такого состояния, то этот процесс сам называется освобождением. Не спасением, а именно освобождением. Спасение — это немножко другое. Это сохранение человека, человеческой души на его высшем уровне, но здесь вы переходите человеческие состояния. И вас ждёт проводник, о котором я упоминал, осуществляя так называемую ступенчатую Богореализацию. Это обычный путь, потому что при жизни невозможно, так сказать, всё это сделать в полной мере.

И вот перед вами лестница, знаменитая христианская лестница в небо, лестница в Абсолют. По этой лестнице ведет проводник (они могут быть разные, они меняются, в том числе один из последних — это нечеловеческое существо, подобное солнцу). И когда человеческое существо, восходящее по этой лестнице, видит свою идентичность этому солнцу, оно проводится в мир Атмана, туда, где Бог, и освобождается от своего прошлого состояния. Это и называется состоянием освобождённой души. И такое существо, согласно веданте-сутре (я уже просто цитирую, я не от себя всё это говорю), становится Господом самому себе, и может делать со своей душой абсолютно всё, что пожелает. Оно может снова воплотиться на земле, может быть между Абсолютом и Вселенной, продолжать существование всю кальпу, весь этот огромный период. После того, как все миры исчезают в Абсолюте, он может войти в Абсолют и продолжать своё существование в Абсолюте. То есть «конечная цель» человека — войти в абсолютное существование... ну, как бы выражаться нашим языком... наш язык условен, когда мы говорим о таких вещах, «войти внутрь Абсолюта», как ручеёк в океан...

Но здесь уже, пожалуй, начинаются некоторые эзотерические моменты, поскольку вечная жизнь в Самом Абсолюте неопишима, неперевода на язык человеческого разума. Одним из важных моментов является то, что Абсолютная Реальность находится по ту сторону единства и множества. Что это означает? Это означает, что, что этот ручеёк, вошедший в океан, одновременно становится всем океаном, обладает качеством всего океана, и в то же время остаётся ручейком, который вошёл в океан. Это означает, что и единство, и множество потенциально существуют в Абсолюте, и сущность, вошедшая в Абсолют, не растворяется; она остаётся. И в то же время она становится и единой; она одна, она как бы отделённая, но одновременно и единая. Что это вам напоминает? Тот высший эзотеризм, который выражен также и в христианстве, но в другой форме, конечно. Ещё Плотин писал: «Я не могу понять, как многое становится единым».

Есть ещё один очень важный момент, о котором я хотел бы упомянуть. Это связано вот с чем: что при всём при том, что человек может достигнуть состояния освобождения, возникает вопрос: зачем тогда вообще Абсолютная Реальность создала мир, причём не один, а множество миров, разных, тонкое тело, ещё более тонкое тело, духовное тело, физическое тело — зачем всё это?

Этот вопрос носит тоже трудный характер, потому что по отношению к человеческому существованию или к существованию отдельных существ Абсолют выглядит, как людоед. Они как бы являются пищей — человеческие существа возникают, гибнут, потом снова возникают, и так как бы до бесконечности. Но это лишь впечатление, потому что на самом деле, конечно, никакого людоедства нет — исчезает то, что должно исчезнуть, и остаётся то, что в нас вечно.

И вот эта возможность (будем говорить философским языком) — то, что Абсолют внедрил в свои существа часть Себя, является высшей благодатью и высшим милосердием Бога, потому что большего милосердия невозможно создать.

Но остаётся, всё-таки, вопрос — для чего тогда мир? Ответы существуют разные, иногда даже говорят, что это просто такая игра. Дело в том, что мир в веданта-сутре часто описывается как «пульсирующая вселенная», т.е. он возникает, потом уходит в Абсолютную Первичную Реальность, потом вновь возникает. Это соответствует учению о циклах в индийской космологии, причём возникновение мира, с точки зрения Абсолютной Реальности, происходит внезапно и одновременно, потому что в Абсолюте нет времени.

Течение времени тоже очень важно для понимания существования в Абсолюте. Только для нас, находящихся в творении, возникает последовательность, временная цепочка; для Абсолюта не существует времени, поэтому, с точки зрения Абсолюта, мир возникает сразу, внезапно, как взрыв. Для нас он раскладывается, как какая-то цепочка творений.

Но вопрос не в этом, а в том предположении, что Абсолют нуждается в этом мире как в своей «пище», но не в вульгарном смысле этого слова, конечно, а в том отношении, что существа, выброшенные на периферию, в мир, то есть оказавшиеся вне всемогущества Центра, могут понять то, чего нет в самом Абсолюте. Другими словами, человек может внести в Абсолют то, в чём Он «нуждается». Это, конечно, немножко апокрифическая идея, но она существует, потому что тогда всё становится понятным: тварный мир — это как бы щупальца Абсолюта, протянутые в бездну, и так как в мире возникают ситуации, которых нет в самом Абсолюте — ситуации страдания, бед, то в Абсолют человеком привносится то, чего нет в Нём Самом.

Тогда существование мира, во-первых, оправдывается метафизически, а во-вторых, человек приобретает ещё «двойную важность» — не только как образ и подобие Божие, но и как существо, имеющее чудовищный опыт прохождения через миры — не только физически, существует много космологических циклов, их четырнадцать в одной только кальпе (кальпа — это день Абсолюта). Мы находимся в седьмой кальпе, это последняя кальпа падения, потом будет восхождение, потом новое небо и новая земля, согласно Откровению. И этот опыт страдания, опыт познания того, чего нет в самом Центре, мы как люди Кали-юги тоже ощущаем на себе, но мы не знаем, что ценного мы приносим туда, в Центр, ибо это одна из тайн. Но, во всяком случае, тогда существование миров полностью оправдано и перед нашим лицом, и перед лицом Бога. ■

СУДЬБА БЫТИЯ И СМЫСЛ ТВОРЕНИЯ

Я обращаюсь к своим читателям, прежде всего к тем, которые интересуются моей книгой «Судьба бытия». Она частично переведена на английский язык, и я слышал, что, по мнению европейских философов, изучающих традиционалистскую философию, эта книга весьма трудна для понимания, хотя она написана просто, но тот уровень глубины и парадоксальности, который там есть, — это необычное явление в мировой метафизике. Некоторые считают, что это новый поворот в мировой метафизике, но мы более скромно назовём это новым взглядом на традиционалистскую философию и мировую метафизику.

Об этом можно поговорить немного позднее более пространно, я могу дать характеристику этой книги и обозначить её главные проблемы, её парадоксальность, в чём она заключается, но сейчас я просто хотел бы сказать несколько слов об отношении в Веданте между Духом, т.е. Атманом, и душой. И я выскажу здесь некоторые свои особые взгляды на это взаимодействие двух наших главных сил — Духа и души.

Дело в том, что традиционно считается, что Атман, то есть Дух как образ и подобие Божие, или просто Бог, скрыт в человеке. И Атман по своей сути неуничтожим, как бы неподвижен и не затронут никаким дыханием тварного мира, то есть Вселенной. Он как бы царь — царит над этим миром и находится вне его. И когда он в человеке, он также одновременно и вне человека, в том смысле, что он присутствует в человеке, но что бы с человеком ни случилось — горести, беды, радости, страдания, вопли души — это ни в коей мере не затрагивает его. Он — податель жизни, но одновременно он и вне жизни, выше жизни. Но наша душа, которая является, по существу, проекцией Атмана в физический мир (то

есть Дух и душа всё же связаны между собой), как раз, наоборот, активно участвует в жизни этого мира, и даже духовное эго тоже активно участвует в жизни этого мира, потому что это наше сугубо индивидуальное «я», душа, переживает всё, что происходит в этом мире, по-своему, у каждого человека. И, спрашивается, какое же всё-таки соотношение между Духом и душой в человеке?

Мы знаем, что физическое тело гибнет, гибнут его формы; может быть тонкое тело, может быть физическое. Но они меняются, одни отпадают, могут появляться другие в продолжение жизни, уже после физической жизни. Но отношения между главными силами — Духом и душой — таковы, что невольно можно задать себе вопрос: в чём смысл существования души?

Дело в том, что Атман, по своей природе, вечен, Дух, который в человеке, — вечен. А о душе можно сказать, что она бессмертна, но в очень относительном смысле этого слова, потому что между вечностью и бессмертием есть большая разница. Вечен только, по существу, Бог — это то, что не затрагивается никакими изменениями, никаким уничтожением. А бессмертным может быть и то, что потом меняется, и в конце космических циклов может уйти в своё Первоначало. Душа бессмертна, Дух вечен, можно так сказать.

Проблема заключается в ответе на вопрос: в чём смысл творения? Обычно отвечают, что Бог просто не может не творить, как, скажем, писатель, художник или поэт. Они также не могут не творить, потому что им это свойственно по их природе. И так же Бог — он творит, потому что это Его свойство, Его дело. Другое мнение — что для Всевышнего это творение — просто некая игра (лила). Можно сказать, что и для некоторых художников творчество было своего рода игрой, в высшем смысле.

Но человек душой может почувствовать, что все эти ответы неудовлетворительны. Они отвечают чему-то, но ответ этот неполон. Есть другой ответ, который заключается в том, что творение абсолютно необходимо Богу, Абсолюту для того, чтобы познать то, чего нет в самом Центре. То есть в творении, в его процессе, в его пути, в его ситуациях содержится то, чего не может быть в самом Абсолюте. Например, в Абсолюте нет страдания и многого другого, что приходится испытывать душе. То есть живая душа проходит определённый уникальный путь, и, видимо, именно для этого уникального пути души, душ богов, души человека, и создано творение. Потому что само творение — это, собственно и есть Абсолют, вернее, инобытие Абсолюта, отчуждённого от своего Центра. Бог смотрит на творение нашими глазами, и душа приносит к нему, скажем,

если говорить об индивидуальной душе, тот подарок, который она приобретает в течение своего вселенского путешествия, нечто, что познаётся только в творении, нечто, что ценно и может быть пережито и понято только в творении.

Таким образом, в этом случае душа может играть не просто какую-то «придаточную» роль, как она вышла из лоно Абсолюта, прошла путь и вошла обратно в лоно Абсолюта по окончании всех циклов. Нет, она привносит в Абсолют, а если говорить о человеке, то душа привносит в Атман, индивидуальный Атман этого человека, в тот образ и подобие Божие, или высшее Я, то, что она пережила в течение вселенского опыта. И вот тогда это неизменное великое Я, Атман, неизменно стоящий над природой, над миром, «окрашивается» в такую окраску опыта его индивидуальной души, той души, с которой он вместе путешествует — в форме человека или богов — по вселенной. И поэтому, вообще говоря, следует различать понятие «индивидуальный Атман», то есть Атман, который существует в конкретном человеке, и так называемый Параатман, то есть «всеобщий» Атман, единый как бы для всех. А просто Атман — это имеется в виду индивидуальный Атман, который присутствует в данной личности, в данном человеке и который будет с ним в течение всей его вселенской жизни. Это полностью соответствует основной идее веданта-сутры о том, что то «Я», то есть личность, Абсолютный Субъект, выражаясь европейским языком, который присутствует в Абсолюте, в Боге, это же «Я» присутствует в каждом человеке, только в скрытом виде. И если это высшее Я человек реализует и при этом «присоединяет» к нему опыт своей души, то это образуется не просто возвращение индивидуального Атмана в своё лоно, как это было бы в ином случае, а возвращение уже в виде, в котором учитывается влияние души, её опыт, который как бы передан Атману. И тогда, может быть, образуется — в конце космического цикла, когда наступает период, когда творения нет, а есть только Бог — тот момент, о котором Рене Гёнон замечательно писал в одной из своих работ, что в этом случае этот индивидуальный Атман входит в лоно Абсолюта, входит в океан Абсолюта и образует свой, как он выразился, «интимный ручеек». Интимный — значит, отличающийся от всех. Это то знаменитое различие в неразличимом, о котором говорил великий Нимбарка.

И я вот думаю, принимая во внимание те соображения, которые в нашем круге на Южинском дискуссировались непрерывно, и, учитывая мнения в этом отношении Гейдара Джемалая, а также Валентина Провото-

рова, о том, что на периферии творения есть то, чего нет в Центре, в Абсолюте и, следовательно, творение имеет глубочайший метафизический смысл — это не просто некий выброс энергии вовне ради существования каких-то существ.

В этом состоит одна из идей «Судьбы бытия», которая в наиболее радикальном виде выражена в «Последней доктрине», но и в менее радикальном виде также выражена в других главах книги.

Таким образом, эта ситуация даёт большую перспективу для человеческого бытия, потому что оказывается, что человеческое бытие не просто какое-то подчинённое существование, которое должно что-то получать от Бога, а такое существование, которое также привносит в Абсолют нечто, что оно может приобрести и когда, конечно, не душа сама, но Атман, «окрашенный» опытом души, входит в Абсолют, то есть привносит в Абсолют нечто приобретённое, нечто важное.

Вот, примерно, всё, что я хотел сказать о таком весьма важном моменте соотношения между Духом и душой. Разумеется, Дух как Бог остаётся неизменен; он — податель жизни, и эта идея никак не снижает того, что от Бога зависит всё, потому что Бог есть Бытие, следовательно, без Него ничто не могло бы существовать. На нём, на Бытии держится существование. Но сам процесс бытия очень сложен, и наша душа может дать Богу нечто, что является для Него несомненным метафизическим подарком. ■

Юрий Витальевич Мамлеев
СТАТЬИ И ИНТЕРВЬЮ

www.traditionpress.ru

ИЗДАТЕЛЬ
Андрей Суворов

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Андрей Степанов

ГЛАВНЫЙ ХУДОЖНИК
Евгения Бубер

ISBN 978-5-9909614-6-3

Печать офсетная.
Тираж 1001 экземпляра.
Отпечатано в типографии
ООО «ДМ-Буквэй», Москва

Россию действительно может ждать
блистательное, необыкновенное будущее,
в чем-то загадочное,
несомненно, связанное с судьбой
этого мира, но не только.

Проходя все страшные циклы,
означающие постепенный распад
и гибель современной цивилизации
и переход к новой,

Россия может создать
подлинную империю духа.